

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

УДК 340.1

Щербик
Дмитрий Васильевич

**ДИСКРЕТНОСТЬ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В РАЗВИТИИ ПРАВА
БЕЛАРУСИ**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук по
специальности 12.00.01 Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

Научный руководитель:
доцент, кандидат юридических наук
В.Н.Матарас

Минск, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ	4
ГЛАВА 1 ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В РАЗВИТИИ ПРАВА: ПОНЯТИЕ И МЕХАНИЗМ.....	7
1.1 Аналитический обзор литературы по проблеме преемственности и дискретности в развитии права. Методология и общая концепция исследования ...	7
1.2 Понятие преемственности в развитии права	10
1.3 Механизм преемственности в развитии права	19
ГЛАВА 2 ДИСКРЕТНОСТЬ В РАЗВИТИИ ПРАВА.....	34
2.1 Понятие дискретности и ее роль в развитии права.....	34
2.2 Революция в развитии права как причина разрыва его преемственных связей 42	
ГЛАВА 3 ДИСКРЕТНОСТЬ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ИСТОРИИ ПРАВА БЕЛАРУСИ.....	47
3.1 Право в период древней белорусской государственности	47
3.2 Дискретность и преемственность в праве ВКЛ и Речи Посполитой.....	53
3.2.1 Образование ВКЛ и развитие права на восточнославянских землях в середине XIII - конце XIV вв	53
3.2.2 Возникновение и развитие общегосударственного, феодального (ленного), манориального и городского права ВКЛ и Речи Посполитой в конце XIV -середине XVIII вв.....	55
3.2.3 Значение Статутов ВКЛ в преемственном развитии права	65
3.2.4 Развитие права Речи Посполитой в середине - конце XVIII в	71
3.3 Особенности правового развития периода Российской империи	74
ГЛАВА 4 ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ДИСКРЕТНОСТИ В РАЗВИТИИ ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	89
4.1 Развитие права в период образования Республики Беларусь и формирования ее правовой системы	89
4.2 Влияние дискретности и преемственности на развитие права Беларуси.....	94
4.3 Преемственность в праве и перспективы развития права Республики Беларусь.....	102
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	107

ВВЕДЕНИЕ

Проблема преемственности как связи между этапами развития права издавна исследовалась в правовой науке. Активно вопрос изучения преемственности в развитии права ставился в советской юриспруденции. Основное внимание в тот период уделялось определению понятия преемственности в развитии права, изучению ее оснований, факторов и пределов, доказательству минимальной преемственности между социалистическим и эксплуататорскими типами права. Исследования опирались на марксистское учение о формациях и классовый подход к пониманию сущности права. Проблема дискретности в развитии права самостоятельного исследования не получила, а лишь минимально упоминалась в контексте проблемы преемственности.

После смены научных парадигм в начале 90-х гг. XX в., учитывая нацеленность общества на кардинальные преобразования, в белорусской правовой науке основное внимание стало уделяться переосмыслению сущности и роли права, исследованию этапов истории права Беларуси, его отдельных институтов, разработке правового обеспечения проводимых в обществе реформ. Проблемы преемственности в развитии права изучения не получили, а, напротив, все внимание уделялось вопросам совершенствования права на основе широкомасштабной имплементации международных норм в национальное право.

С середины 90-х гг. XX в. в обществе назрело понимание социальной опасности радикальных реформ, стремление к стабилизации жизни и законодательства. Накопление обширного материала по всеобщей истории права, истории права Беларуси, переосмысление сущностных аспектов права в современной белорусской юридической науке, позволяют на фактологической основе имеющихся исследований провести новое теоретическое изучение проблем дискретности и преемственности в развитии права, выявить последствия воздействия разрывов преемственных связей на развитие права Беларуси.

Проблемы преемственности и дискретности в развитии права тесно связаны с вопросами совершенствования законодательства, социальная эффективность которого зависит от степени обеспечения законодателем соответствия современного права правовым традициям белорусского народа. Следовательно, актуальным становится выявление элементов преемственности, характерных для развития права Беларуси, а затем принятие необходимых мер по закреплению положительных тенденций в развитии права и ослаблению отрицательных.

Таким образом, изучение преемственности и дискретности в развитии права позволит смягчить воздействие изменений на развитие правовой системы, спрогнозировать результаты ее возможного реформирования, будет способствовать выработке уважения у населения Беларуси к действующему законода-

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными программами, темами

Тематика исследования соответствует специальности 12.00.01, связана с плановой темой исследования кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета: «Конституционный процесс и развитие политической системы в Республике Беларусь», финансируемой Министерством образования Республики Беларусь (№ ГР 2001952 от 20.02.2001 г.). Диссертация выполнена в рамках научно-исследовательской темы кафедры теории и истории государства и права Полоцкого государственного университета «Реформирование правовой системы Беларуси: тенденции, противоречия, перспективы» (2002 - 2005 гг.), утвержденной проректором по научной и производственной деятельности 1 февраля 2002 г., ГБ 2922, и научно-исследовательской темы «Стратегия правотворчества и развития системы законодательства в Республике Беларусь» (2006 -2010 гг.), утвержденной проректором по научной и производственной деятельности 1 февраля 2006 г., ГБ 1526.

Цели и задачи исследования

Цель исследования - системный анализ преемственности и дискретности в развитии права, выявление преемственности и дискретности в развитии права Беларуси, определение основных направлений использования знаний о традициях права Беларуси для совершенствования ее правовой системы.

Для достижения цели исследователем ставились следующие задачи:

- установить наиболее существенные черты преемственности в развитии права, уточнить определение преемственности в развитии права, отграничить его от смежных правовых явлений, провести классификацию преемственности;
- сформулировать понятие механизма преемственности в развитии права, определить его элементный состав;
- сформулировать понятие дискретности в развитии права, определить события, способствующие возникновению разрывов преемственности в развитии права;
- рассмотреть историю развития права Беларуси с точки зрения прерывности и непрерывности его преемственных связей;
- выявить влияние преемственности и дискретности на развитие правовой системы Беларуси.

Объектами настоящего исследования являются преемственность и дискретность в развитии права Беларуси. В **предмет работы** включены вопросы, касающиеся понятия и признаков дискретности и преемственности в развитии

права, понятия и элементного состава механизма преемственности в развитии права, их проявления в истории права Беларуси.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту

Наиболее значимые выводы и предложения, которые определяют научную новизну исследования, содержатся в следующих выносимых на защиту положениях:

- уточненная дефиниция преемственности в развитии права, основанная на выявлении ее отличительных признаков, позволяющих разграничить преемственность и смежные явления в развитии права, такие как рецепция права, повторяемость в истории права, заимствование в праве, правовое наследие и др., провести классификацию преемственности в развитии права;

- авторское определение механизма преемственности в развитии права, содержащее анализ его элементного состава: оснований, факторов, объектов, формы, субъектов, норм, стабилизирующих правотворческий процесс, и норм, закрепляющих выявленные, осмысленные и оцененные положительно элементы преемственности в праве;

- авторские дефиниции дискретности в развитии права, разрыва преемственности в развитии права, основанные на изучении эмпирических фактов, вызывающих разрывы преемственных связей в развитии права, обоснование критериев рецепции права, позволяющих избежать резких разрывов в его преемственном развитии;

- новый историко-правовой подход к изучению развития права Беларуси как дискретно-преемственного исторического процесса, позволяющего выявить временные рамки, в течение которых под воздействием значительной рецепции иностранного права и (или) политико-правовых идей происходили разрывы преемственных связей: после заключения в 1385 г. Великим княжеством Литовским (далее - ВКЛ) Кревской унии с Польшей, после потери государственности Речью Посполитой в результате ее разделов в 1772, 1793, 1795 гг. и включения земель ВКЛ в состав Российской империи, после Октябрьской революции 1917 г. в Российской империи и образования БССР, в конце XX в. после приобретения Республикой Беларусь независимости и формирования ее правовой системы;

- выявление и обоснование в рамках сформулированного подхода периодов в истории права Беларуси, в течение которых восприятие и внедрение иностранного правового опыта и идей не повлекло разрывов в его преемственном развитии: после принятия христианства в X в., в результате восприятия идей Ренессанса и Реформации в XVI в. и в период буржуазных реформ в Речи Посполитой в середине - конце XVIII в.;

- обоснование существования в праве Беларуси элементов преемственности, а также традиционных особенностей формирования некоторых правовых

институтов, с позиций сформулированного дискретно-преемственного подхода к его развитию.

Личный вклад соискателя

Исследование представляет собой результат изучения и анализа соискателем научных теоретических трудов, памятников отечественного и иностранного права, современного белорусского и зарубежного законодательства. На этой основе предложены выводы диссертации.

Апробация результатов диссертации

Результаты исследования докладывались на международных научных конференциях: «Право и государство: традиции и перспективы» (29 - 30 октября 2003 г., г. Минск); «Юридическая наука и образование в Республике Беларусь на современном этапе» (31 октября 2003 г., г. Гродно); «Право Беларуси: истоки, традиции, современность» (21 - 22 мая 2004 г., г. Новополоцк); «Проблемы развития законодательства и правоприменительной практики» (29 - 30 октября 2004 г., г. Минск); «Третьи осенние юридические чтения студентов и аспирантов» (2004 г., г. Хмельницкий, Украина); «Проблемы и перспективы развития современных правовых систем» (24 - 25 апреля 2008 г., Новгород); республиканских научных конференциях: «Конституция Республики Беларусь - основа преобразований государства и общества (к 10-летию Основного Закона)» (3 марта 2004 г., г. Минск); «Нормотворчество в Республике Беларусь: состояние и перспективы» (28 октября 2005 г., г. Минск); «Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы: от Статута 1588 г. до современной Конституции» (11 - 12 марта 2008 г., г. Минск).

Опубликованность результатов диссертации

Результаты диссертации отражены в 22 публикациях (7,3 авторского листа), из них 10 - в научных рецензируемых журналах, включенных в список ВАК (5,3 авторского листа).

Структура и объем диссертации

Диссертация подразделяется на главы, разделы и состоит из введения, общей характеристики работы, 4 глав, заключения, библиографического списка. Полный объем диссертации составляет 113 страниц, количество использованных источников - 288.

ГЛАВА 1

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В РАЗВИТИИ ПРАВА: ПОНЯТИЕ И МЕХАНИЗМ

1.1 Аналитический обзор литературы по проблеме преемственности и дискретности в развитии права. Методология и общая концепция исследования

Наиболее активно проблема преемственности в развитии права была поднята в XX в. Некоторые ее аспекты рассматривались как составная часть проблемы развития культуры в трудах представителей цивилизационного подхода к истории общества: Н.Я.Данилевского, А.Тойнби, О.Шпенглера [59; 238; 268]. Авторы, рассматривая в целом развитие общества, отрицательно относились к перспективам заимствования норм, стереотипов поведения у иных культур, в том числе настаивали на самобытном пути формирования правовой системы.

В советской юридической литературе разработка проблемы преемственности в развитии права была осуществлена в работах и статьях лишь нескольких авторов - В.К.Бабаева, Т.И.Довнар, А.И.Косарева, Т.В.Наконечной, В.М.Черниловского, Г.В.Швекова, в работах болгарского автора Н.Неновски, польского юриста Х. Рота [17; 70; 116; 152; 157; 253; 254; 284; 285]. Некоторые теоретические аспекты преемственности нашли свое отражение в работах В.Н.Дмитрука, В.Н.Протасова, А.Ф.Шебанова, румынской юристки А.Нашиц, польских авторов Я.Грегорчука, В.Урушчака [154; 190; 263; 280; 287; 288].

Появление данных работ относится к середине 70 - началу 80 гг. XX в. и во многом обусловлено задачей разоблачения «несостоятельных утверждений буржуазных идеологов о якобы существующем «юридическом нигилизме» марксистской теории права», а равно популярных в то время на Западе идей о конвергенции социалистического и буржуазного обществ и, соответственно, права [17, с. 102; 152, с. 4; 261, с. 6]. Опираясь на марксистскую теорию истории, учение о формациях и классовый подход к пониманию сущности права, авторы основное внимание уделяли вопросам разработки понятия преемственности в праве, ее оснований, пределов, обоснованию особенности и исторической необходимости социалистического типа права, его чуждости всем предшествующим типам права и его минимальной преемственности с ними. Преемственность с досоциалистическим правом они допускали лишь в некоторых элементах юридической техники. Вопросы дискретности в правовом развитии самостоятельного изучения не получили.

На современном этапе проблемы преемственности в развитии права нашли

А.Р.Губайдулина, Ф.Ф.Литвиновича, Н.А.Рябина [50; 55; 129; 208]. Работы М.В.Головацкой и Н.А.Рябина посвящены преемственности в развитии государственности, и вопросы преемственности в развитии права в них упоминаются лишь в контексте взаимосвязи государства и права. Ф.Ф.Литвинович в работе «Преемственность в праве: вопросы теории и практики» основное внимание уделяет философским аспектам категории «развития», его взаимосвязи с закономерностью «преемственности», в том числе преемственности в развитии права [129]. А.Р.Губайдулин исследует преемственность в правореализации [55]. Основным фактологическим материалом для данных работ выступает история государства и права России.

Проблемы преемственности в развитии права затрагиваются в научных публикациях, посвященных вопросам теории и методологии истории, в том числе истории права. В этой связи следует назвать работы О.А.Андреевой, Ж.Л.Бержеля, Г.Дж.Бермана, П.Бэрка, Р.Давида, О.Э.Лейста, В.М.Розина, Н.С.Розова, В.А.Томсинова, В.М.Сырых [12; 24; 25; 29; 56; 128; 201; 202; 227; 239]. Авторы, предметно не рассматривая вопросы преемственности в праве, уделяют внимание проблемам развития права, смены исторических типов права, указывают на значимость стабильности в процессе совершенствования права.

Особо необходимо выделить социологические исследования, посвященные различным аспектам социологии развития, социологии истории, в том числе социологии истории права В.В.Касьянова, Ж.Карбонье, В.В.Лапаевой, О.С.Осиповой, А.А.Соколовой, Л.И.Спиридонова, Э.Суинджвуда, Н.Л.Поляковой [105; 106; 125; 177; 185; 215; 220; 226]. Авторы закладывают представление о сущности исторического процесса, оценивают прошлые и современные концепции общественного развития, дают общие характеристики исторических типов общества, их властных структур, нормативных регуляторов.

Некоторые аспекты преемственности в развитии права находят отражение в публикациях, посвященных исследованиям основных категорий теории права, например, в работах И.Богущкой и Т.Н.Радько о вопросах познания функций права [278; 195], в обобщающих трудах о проблемах сущности права С.Г.Дробязко, М.Н.Марченко, В.С.Нерсисянца [80; 138; 158], публикациях, посвященных закономерностям и принципам права С.С.Алексеева, Н.В.Голованова, С.Н.Кожевникова, А.П.Кузнецова, С.Н.Овчинникова, Л.Е.Явича [11; 49; 111; 174; 275], исследованиях в области юридической техники С.В.Бошно, Д.А.Керимова, С.П.Хижняка [27; 108; 109; 247] и др. В них, наряду с основными проблемами публикаций, упоминаются вопросы исторической смены принципов и функций права, их взаимосвязи с сущностью исторических типов права, с социальными закономерностями, рассматриваются

в диссертации Т.И.Довнар «Преемственность в конституционном строительстве Белорусской ССР» (1986 г.) [70]. В работе основное внимание уделено основам преемственности в конституционном строительстве и их выявлению в развитии конституционного права БССР.

В современной белорусской науке вопросы преемственности и дискретности в развитии права Беларуси не получили должного рассмотрения. Основное внимание в последнее десятилетие белорусская историко-правовая наука посвящала восполнению пробелов, оставшихся со времен, когда все внимание исследователей уделялось советскому периоду белорусской государственности.

В результате была накоплена значительная фактологическая база, содержащаяся в публикациях Ю.Н.Власова, Л.В.Даниловой, В.В.Еремяна, И.В.Минникеса, В.В.Момотова, Я.У.Новикова, Л.П.Рудой, С.В.Юшкова и др. по истории Киевской Руси [41; 62; 87; 88; 147; 150; 161; 204; 274], работах Ю.Бардаха, А.Ф.Вишневого, Т.И.Довнар, А.Котлярчука, Я.Г.Риера, М.Ф.Чудакова, Я.А.Юхо и др. по истории и истории права Беларуси [23; 39; 57; 119; 198; 256; 272], которая с учетом достижений, содержащихся в трудах Э.Аннерса, Г.Дж.Бермана, Т.В.Кашаниной, А.И.Косарева, В.М.Розина, Н.Рулана, К.Сойки-Зелинской и др. по истории права Западной и Восточной Европы [13; 25; 107; 117; 199; 286], позволяет провести исследование преемственности и дискретности в развитии права Беларуси.

Таким образом, на сегодняшний день комплексно тема дискретности и преемственности в развитии права Беларуси остается не раскрытой. Назрела необходимость пересмотра имеющихся результатов исследований закономерностей истории права, некритически опирающихся на формационный подход к типологии истории. На основе новых достижений историко- и теоретико-правовой науки следует провести анализ понятия преемственности в развитии права, классифицировать ее виды, сформулировать понятие механизма преемственности в развитии права, определить элементный состав механизма преемственности в развитии права, провести анализ дискретности в развитии права, ее видов. Достигнутые результаты позволят разрешить следующие задачи: исследовать историю развития белорусского права с точки зрения прерывности и непрерывности его преемственных связей, выявить основы преемственности в развитии права Беларуси, оценить их влияние на перспективы развития права Республики Беларусь.

Методологической основой диссертации является комплекс теоретических и общеметодологических приемов и методов научного исследования: диалектический, исторический, системный, сравнительный, анализа и синтеза и др. Важную роль имеют и собственно юридические методы, например, формально-юридический, необходимый при логической разработке терминов и понятий, историко-правовой и сравнительно-правовой, позволяющие

в разные периоды истории, сопоставлять развитие права Беларуси и иных государств.

Использование данных методов при решении поставленных задач предоставит материал для дальнейшего углубленного изучения истории белорусского права, определения эффективности возможных правовых нововведений, покажет положительные и отрицательные исторические примеры разрыва преемственных связей в результате ускоренного реформирования правовой системы законодателем.

1.2 Понятие преемственности в развитии права

Право, как явление интегративное, в силу своего предназначения призванное упорядочивать все другие социальные явления, развивается и существует во временном, географическом и социальном контексте и не может рассматриваться в отрыве от него. Испытывая влияние со стороны разнородных факторов, оно является отражением общества, потребности которого обслуживает, и претерпевает развитие, протекающее связано с развитием последнего.

Проблема развития как характеристики качественных изменений объектов, в том числе и составляющие ее проблемы преемственности и инновации [5, с. 814], издавна рассматривались философскими школами и направлениями. В зависимости от подхода к пониманию оснований развития, критериев оценки качества изменений, самого понимания этого качества, формировалось отношение исследователей к преемственности. Э.А.Баллер отмечает, что философы либо «метафизически гипертрофировали» преемственность, недооценивая структурные изменения целого, приводящие к рождению нового качества, либо столь же «метафизически гипертрофировали» изменения, недооценивая или даже отрицая преемственность [19, с. 14].

Следует, однако, отметить, что независимо от концептуальной модели развития общества, признание его качественной изменчивости неотвратимо делает актуальной проблему преемственности в его развитии. И представители разнородностей линейного или стадияльно-формационного подхода (от традиции А.Р.Ж.Тюрго, Ж.А.Кондорсе, К.А.Сен-Симона, И.Г.Гердера, Г.В.Ф.Гегеля до К.Маркса и Ф.Энгельса или У.У.Ростоу, Д.Белла, Э.Тоффлера и др. [202, с. 148]), и представители циклическо-цивилизационного подхода (традиция Н.Я.Данилевского, А.Тойнби, О.Шпенглера и др.) оперируют понятиями «стадий», «этапов», «эпох», «формаций», основное назначение которых характеристика качественно однородных временных периодов истории общества, т. е. периодов, когда исследуемое явление находится в устойчивом состоянии и не

претерпевает каких-либо значительных качественных изменений. Описание же определенного качественно однородного периода истории неизбежно связано с его сравнением с предшествующими ему этапами, выявлению его отличий и сохранения в нем элементов прошлого, а значит, анализом преемственности в его развитии. Таким образом, преемственность «имеет место при любом процессе развития как связь его этапов» [96, с. 20].

При изучении развития права также необходимо уделять внимание преемственности. Однако в советский период развития юридической науки не все авторы соглашались с необходимостью учета преемственности при изучении истории права. Данная позиция опиралась на идеи и практику послереволюционного периода. Так, в 1918 г., когда правительство большевиков отменило все царское законодательство [218, с. 322], среди его руководства были распространены идеи быстрого построения коммунистического общества, общества без принуждения, а значит, и без государства и права.

Известные юристы того времени П.И.Стучка, М.А.Рейснер, Е.Б.Пашуканис и др. в те годы отрицали саму идею «советского права» [225, с. 583]. Однако жизнь заставила новую власть заниматься законотворчеством, и были разработаны сначала концепция «пролетарского права», а затем и «советского права».

Признание существования «советского права» еще не означало признания преемственности как объективной закономерности процесса развития права. Некоторые авторы утверждали: «Преемственность присуща некоторым системам социалистического права. Она необязательна, а иногда исключается вообще» [228, с. 111]. Очевидно, что существование данной позиции во многом определялось радикальностью революционных настроений, желанием совершить быстрый переход к бесклассовому обществу. Она фактически противоречила закону отрицания отрицания - основе марксистского философского учения о развитии.

Необходимость построения социалистического государства, восприятия многих элементов дореволюционного порядка, привела к отказу от подобных заявлений, к их критике. Так, по свидетельству М.Розенталя и П.Юдина, И.В. Сталин в работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.) показал, что «закон перехода от старого качества к новому путем взрыва неприменим не только к истории развития языка, - он не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного характера» [137, с. 255], кроме того, он высмеял «троглодитов» пролеткультовского типа», которые отрицали любую преемственность с «буржуазным» периодом развития страны [176, с. 363].

Большинство советских авторов разделяли представление об обязательности существования преемственности в развитии права. При этом все они были

пами государства и права [17, с. 104, 107; 152, с. 4; 157, с. 12; 261, с. 15-16]. Соглашаясь с существованием преемственности в развитии права, авторы в свою очередь расходились в ее понимании, по-разному определяли ее понятие. Различия в понимании преемственности в развитии права сохранились до настоящего времени.

Н.А. Крашенинникова и В. А.Томсинов в рецензии на монографию Г.В.Швекова «Преемственность в праве» справедливо заметили, что в понятие преемственности зачастую вкладывают слишком широкое содержание [120, с. 95]. В него часто включают любые процессы заимствования, восприятия правовых ценностей, миграции их из одной правовой системы в другую. В качестве примера можно привести мнение В. К. Бабаева о том, что в русле преемственности российское законодательство восприняло и закрепило такие положения, как институт присяжных заседателей, допуск адвоката с момента задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, давно известные странам англосаксонской правовой семьи [229, с. 211].

Нередко в трудах одного и того же автора используются различные определения преемственности. В одной из статей В. К. Бабаев, опираясь на достижения философской науки, под преемственностью понимал «связь между различными этапами или ступенями развития, сущность которых состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных сторон по организации при изменении целого как системы» [17, с. 103]. В другой работе он дает более широкую дефиницию: «преемственность в праве - заимствование правом того или иного государства положений прошлых либо современных ему правовых систем» [229, с. 210]. Подобное широкое определение предлагает В.Н.Дмитрук. Для него преемственность - это переход каких-либо правовых явлений из одной правовой системы в другую [69, с. 84].

Различные подходы существуют в трудах Г. В.Швекова. В своей монографии он сначала указывает на то, что «преемственность всегда исторична: она связана с восприятием только правовых элементов прошлого», а далее утверждает, что преемственность - это восприятие и усвоение не только правовых элементов прошлого, но и «правовых ценностей, созданных в одновременно существующих государствах» [261, с. 11-12]. В другой публикации он воспринимает преемственность уже как «многостороннюю связь между различными ступенями (этапами) развития права, состоящую в сохранении и использовании отдельных элементов правового наследия в процессе изменения права» [262, с. 38].

А. И. Косарев, в свою очередь, определяет преемственность как составляющую развития, содержание которой состоит в отборе, удержании или заимствовании, а также в переработке, усвоении или закреплении тех или иных черт, свойств права, сложившихся в прошлом [117, с. 191].

Очевидно, что дискуссия имеет место по вопросам временного и пространственного распространения явления, содержания связи между этапами права, а также смешения ряда смежных с преемственностью в развитии права явлений, таких как рецепция права, повторяемость в истории права, заимствование в праве, правовое наследие и др. Следовательно, первоначально необходимо выделить сущностные признаки преемственности, уточнить ее понятие и на их основе разграничить все данные сходные явления.

Прежде всего следует отметить, что дискуссия по вопросу понимания преемственности характерна не только для сферы юридической науки, она берет свое начало в философии. Большинство авторов традиционно рассматривают преемственность как одну из основных категорий в раскрытии сущности закона отрицания отрицания [19, с. 14; 96, с. 20]. Рассматривая этот закон как всеобщий закон развития, «охватывающий целостную форму и внутреннюю структуру процесса развития во взаимосвязи его основных фаз, единый механизм восхождения через разрешение противоречий в синтезе» [142, с. 300], в философии такие признаки развития, как универсальность, необходимость и объективность, распространяют и на преемственность [19, с. 16, 61; 96, с. 21; 246, с. 103].

Универсальность развития предполагает всеобщность преемственности как неотъемлемой его закономерности, она проявляется в развитии и природы, и общества, и мышления [19, с. 14; 55, с. 20; 97, с. 11]. Применительно к праву универсальность преемственности в его развитии означает, что она «сопровождает право на всех этапах его развития» [70, с. 8]. Нет ни одной из ранее существовавших и ныне действующих правовых систем, которые в той или иной мере не испытали бы влияние прошлого.

«Преемственность есть необходимое условие любой формы изменений» [19, с. 19]. «Необходимость» преемственности отражает сохранение тождества изменяющегося объекта. Переход в новое качество не сопровождаемый преемственностью представляет собой не развитие, а прекращение существования старого объекта и возникновение нового. Завоевание страны, введение на ее территории права завоевателей представляет собой не новый этап развития права завоеванного народа, а прекращение развития его правовой системы.

Преемственность представляет собой не случайную, а существенную, «генетическую» связь между различными этапами развития [96, с. 20; 208, с. 57], она обеспечивает стабильность правовой системы, сохранение ее наиболее важных черт при изменениях.

Обычно отмечают, что преемственность в развитии является объективной закономерностью, т.е. она не зависит от сознания и воли человека [19, с. 15; 96, с. 21; 129, с. 45]. Однако специфика духовной сферы, в том числе права, заключается в том, что зачастую происходит сознательное использование ценностей, институтов, форм, норм, созданных предшествующими поколе-

ниями. В данном случае следует согласиться с Ю.А.Хариным в том, что «преемственность в развитии общества не может быть понята вне сознательной деятельности людей... Объективная же закономерность... означает, что, независимо от желания субъекта социального действия, в развитии каждой новой фазы общества есть такие компоненты, которые имеют ценность в социальном прогрессе, а также явления не только бесполезные, но даже и вредные для общественного прогресса» [246, с. 104].

Сходясь во мнении о значимости преемственности, позиции философов расходятся по вопросу ее прерывности. В соответствии с позицией узкого понимания преемственности, восходящей к Э.А.Баллеру, преемственность понимается как связь, сущность которой состоит в сохранении элементов целого «при переходе его из одного состояния в другое» [19, с. 15]. Преемственность в данном случае имеет место лишь между последовательно расположенными этапами развития объектов, в которых уже выделено внутреннее строение, структура. Подобная позиция, по мнению Ф.Ф.Литвиновича, основывается на восприятии гегелевской формулировки закона отрицания отрицания и его объяснении категории «снятия» [129, с. 19-21].

Более широкое понимание преемственности в развитии опирается на представления Л.Фейербаха о сущности «снятия». Ф.Ю.Исмаилов, сравнивая позиции философов, указывает, что для Г.В.Ф.Гегеля «снятие» является абсолютным «одноактным» отрицанием прошлого при сохранении определенных его черт. Л.Фейербах же настаивал на «многоактности» отрицания, относительности «снятия», постоянном обращении к прошлому, его переусвоении и переработке [96, с. 16].

Опираясь на мнение Л. Фейербаха, ряд авторов толкует преемственность как явление прерывное, когда элементы целого могут пропасть при переходе от одного этапа развития ко второму, а затем вновь возникнуть на третьем. Так, для Ф.Ю.Исмаилова преемственность - это сознательное использование материальных и духовных ценностей, созданных предшествующими поколениями [96, с. 22]. Некоторые авторы пошли еще дальше, отказавшись от рассмотрения преемственности как вертикальной связи, связи между прошлым и будущим. Так, коллектив авторов из Московского психолого-социального института утверждает, что «ненасильственное заимствование чего-либо одним индивидом у другого (или одним сообществом у другого) с последующим воспроизведением этого (заимствованного) в своей жизнедеятельности есть акт преемственности» [26, с. 10]. За философами и социологами последовали, как показано ранее, юристы.

Не вдаваясь в суть философского спора, все же следует отметить, что для развития права характерен ряд проявляющихся закономерностей, к числу которых относится и преемственность в развитии права. Кроме нее, к ним относят

ходящихся в сходных условиях существования; интернационализацию права; заимствование государствами правового опыта соседей или передовых стран; вариантность развития права соседних стран при равных условиях существования; стадийность - прохождение историей государств и их права определенных этапов развития [118, с. 17].

Широко понимаемое философское «снятие» может в свою очередь реали-зовываться через совокупное проявление преемственности, повторяемости, заимствования. Разграничение их, отдельное изучение с последующим синтезом полученных результатов позволит в полной мере исследовать многоаспектный процесс развития.

Все закономерности развития в реальной жизни тесно переплетаются, однако преемственность следует отличать от них по признакам временной (хронологической) последовательности и непрерывности этапов развития, между которыми существует преемственная связь. Временная последовательность преемственности свидетельствует об ее существовании между последовательно сменяющимися друг друга этапами развития одного объекта, чьи наиболее важные и характерные сущностные стороны сохраняются при переходе от этапа к этапу. Применительно к праву это означает, что преемственность может иметь место в развитии только определенной правовой общности.

Повторяемость в развитии права, в свою очередь, выявляется лишь при сравнении нескольких правовых систем, следовательно, отличием от преемственности в данном случае будет критерий временной последовательности. Она в основном обусловлена совокупностью схожих факторов: экономических, политических, духовных и др. Повторяемость, по мнению ряда авторов, может иметь место и в истории права одного государства [117, с. 225], но в данном случае критерием отличия станет критерий непрерывности. При повторяемости правовые явления первого этапа пропадают на втором и снова появляются в измененном виде на третьем этапе, а при преемственности - происходит постоянное удержание элементов старого в новом [152, с. 6].

Благодаря временной последовательности и непрерывности преемственность отличается от заимствования, которое заключается в восприятии конкретных правовых явлений одной правовой общностью, например, национальной правовой системой как у прошлых, так и современных ей, но иных, правовых систем.

Таким образом, можно сделать вывод, что преемственность в развитии права характеризуется:

- универсальностью, так как она сопровождает право на всех этапах его развития;
- необходимостью, так как она неотъемлемый атрибут развития;

- существенностью, так как она обеспечивает стабильность правовой системы, сохранение ее наиболее важных черт при изменениях;
- объективностью, так как она может не зависеть от сознания и воли людей;
- временной (хронологической) последовательностью, так как она существует между последовательно сменяющимися друг друга этапами развития определенной правовой общности (права как нормативного регулятора, правовой семьи, национальной правовой системы, отрасли права, института права);
- непрерывностью, так как удержание элементов каждого предыдущего этапа обязательно происходит на каждом последующем этапе.

Вышесказанное позволяет определить преемственность в развитии права как неотъемлемую составляющую процесса развития права, представляющую собой связь между этапами развития определенной правовой общности, состоящую в непрерывном, обусловленном существованием закономерностей подсистем общества, сохранении тех или иных его элементов или отношений между его структурными частями.

Определив признаки преемственности в праве, следует установить ее соотношение с рецепцией в праве. О. В. Вербова показывает, что большинство авторов используют последнее понятие для обозначения заимствования [34, с. 5], поэтому отождествление рецепции и преемственности, которое наблюдается у некоторых авторов [120, с. 95], возможно лишь при использовании широкого понимания преемственности в развитии права.

На основании используемого в диссертации подхода, из определения рецепции, под которой понимается «восприятие государством большого правового массива как у современных государств, так и у существовавших ранее» [134, с. 44], с очевидностью следует ее отличие от преемственности. В первом случае, при заимствовании у современных государств, отличием является нарушение признака временной последовательности, а во втором - непрерывности в развитии права, которые обязательны для преемственности. Основным примером рецепции - рецепция Римского права - является ярким примером их различия, так как в право средневековых европейских государств после значительного временного перерыва были привнесены элементы юридической техники древнеримского права [203, с. 9].

Что же касается правового наследия, то в отличие от преемственности в праве, которое отражает динамический аспект сохранения в праве достижений прошедших этапов, оно отражает статику, т. е. все то многообразие правовых памятников, элементов правовой культуры, юридической техники, которые, повлияв на развитие права, в настоящее время являются лишь историко-правовой ценностью и только в этом смысле могут восприниматься в качестве основы современного права. Соответственно, не совсем верно

ределение преемственности Г.В.Швекова как связи состоящей в сохранении правового наследия [262, с. 38].

Не следует отождествлять преемственность в праве с правопреемством субъектов в международном, гражданском и других отраслях права. Последнее в правовой литературе имеет собственное определение: переход права от одного лица к другому непосредственно в силу закона или соглашения [188, с. 346].

В юридической литературе выделяются многочисленные небесспорные классификации преемственности в развитии права. Некоторые из них, например, классификация преемственности «по вертикали» - восприятие и усвоение правовых элементов прошлого, и «по горизонтали» - восприятие и усвоение правовых элементов, созданных в одновременно существующих государствах [261, с. 12] не отвечают установленным ранее сущностным признакам преемственности.

Аналогично можно оценить предложение В.Н.Дмитрука о выделении непрерывной (ценности прошлого постоянно функционируют в жизни общества) и прерывной преемственности (какие-либо ценности на время исчезают из обихода) [69, с. 84]. Очевидно, что последний случай является примером повторяемости в истории развития права одного государства.

Необходимо упомянуть о делении преемственности на «негативную» и «позитивную» [260, с. 14]. Первая подразумевает такую форму связи между старым и новым, когда новое полностью отрицает старое, ничего не наследуя из содержания. По нашему мнению, данный подход к классификации возник под воздействием идеологических установок, призванных указать на преемственность между социалистическим типом права и предшествующими ему эксплуататорскими типами и одновременно на их сущностную разнородность. Однако «полное отрицание элементов старого» противоречит сущности преемственности.

Выделение прогрессивной и реакционной преемственности также можно рассматривать как классификацию, основанную на идеологических предпочтениях. Только преемственность в области юридической техники можно оценивать с точки зрения удобства и качества.

Интерес представляет выделение М.В.Головацкой, Ф.Ф.Литвиновичем, Г. В. Швековым междутиповой (между различными историческими типами права) и внутритиповой (в рамках одного типа права) преемственности [50, с. 21; 129, с. 54; 262, с. 37]. Данная классификация основывается на предложенном Э. А. Баллером выделении преемственности на одном уровне (этапе) и преемственности на различных уровнях [19, с. 17].

В связи со спорностью термина «внутритиповая», здесь надлежит сделать ряд уточнений. Этап - это такой временной период, когда исследуемое явление находится в устойчивом состоянии и не претерпевает каких-либо значительных

гда, когда исследуемое явление утрачивает ряд своих признаков и переходит в новое качество, при этом сохраняя свою наиболее общую сущность.

Представляется, что преемственность имеет место между следующими этапами развития права различных уровней: между этапами развития права как нормативного регулятора, между этапами развития правовой семьи, национальной правовой системы, отрасли права, института права. Правовая норма также может сохраняться при развитии права, но выделить этапы в развитии каждой конкретной нормы невозможно, так как изменение ее любого элемента приводит к появлению абсолютно новой нормы.

Преемственность может иметь место и в рамках одного этапа развития любого из перечисленных правовых объектов. Имеющееся терминологическое противоречие «внутритиповой» преемственности с ее определением на самом деле таковым не является. Уже нами отмечалось, что в философии преемственность, как и понятие развития, рассматривается применительно к сложным структурированным объектам [19, с. 15]. В обратном случае имело бы место или простое воспроизведение, или уничтожение объекта.

При этом необходимо указать на то, что в философской науке различают преемственность при количественных изменениях (качественная преемственность), когда ее содержание составляет сама структура, организация объекта, и преемственность при качественных изменениях (количественная или минимальная преемственность), когда структура объекта трансформируется, а содержанием преемственности являются отдельные элементы и характеристики объекта [18, с. 507]. Применительно к приведенной выше классификации следует отметить, что качественная преемственность будет иметь место лишь внутри этапа развития правовой общности (института, отрасли и т.д.), а количественная преемственность - между этапами их развития.

Качественная преемственность внутри определенного этапа развития права, таким образом, не является препятствием к изменению отдельных его элементов - исчезновению или появлению новых правовых норм, институтов, элементов юридической техники, появлению новых источников права и т. д. Подобные количественные изменения будут проходить в пределах внутренней периодизации этапа. Выявление же качественных характеристик права внутри этапа развития - исторических особенностей проявления сущности права в его содержании, его принципов и функций, исторических особенностей соотношения источников права, характеристик юридической техники - позволит описать его качественную преемственность.

Интересный подход к классификации видов преемственности предложил А. И. Косарев. Он предлагает различать виды преемственности в зависимости от интенсивности сохранения старого [117, с. 204]. Действительно, в истории права можно проводить сопоставление правовых систем по интенсивности

ственных связей в их развитии, однако отметим, что минусом подхода является относительность его терминологии («более», «менее»).

Таким образом, выявленные существенные признаки преемственности в развитии права позволяют отграничить ее от смежных понятий, устранить противоречия в ее классификациях.

1.3 Механизм преемственности в развитии права

В отличие от предложений по формулированию определения преемственности в развитии права, понятие механизма преемственности в развитии права никем из авторов, исследовавших проблему, не дается. Только А.И.Косарев в своей диссертации упоминает о факторах как структурной единице механизма преемственности [117, с. 195], но что такое механизм преемственности в развитии права, какие еще элементы он включает, не разъясняет.

Механизм преемственности в развитии права объективно существует, о чем свидетельствует сохранение тех или иных элементов правовой системы на последовательно сменяющихся этапах развития права, или негативные результаты проведения радикальных правовых реформ или заимствования иностранных правовых элементов. Следовательно, задачей работы является сделать его «видимым» среди иных явлений объективной действительности.

В настоящее время в юриспруденции понятие «механизм» наиболее часто употребляется в таких устоявшихся словосочетаниях, как механизм правового регулирования, механизм правотворчества, механизм формирования правомерного поведения, механизм правового воспитания, механизм реализации личных конституционных прав и свобод граждан, механизм государства и др. [131].

Популярность понятия «механизм» в теоретических исследованиях права объясняется тем, что его философское определение как «внутреннего устройства, системы чего-либо» и «совокупности состояний и процессов, из которых складывается какое-либо явление» [146, с. 262] - всеобъемлюще и может быть использовано для характеристики любого объекта. Учитывая, однако, что существуют также понятия «системы» и «структуры» права, термин «механизм» в большей степени используется для характеристики деятельностной стороны права. По мнению В.А.Четвернина, механизм - это всегда некая функциональная характеристика объекта. Поэтому термин «механизм» следует использовать не для структурного описания объекта, а для уяснения функциональной специфики различных его частей и элементов [189, с. 567]. Понятие «механизм» позволяет авторам «не только собрать вместе явления правовой действительности»

сти., но и представить их в «работающем» виде» [252]. Он понимается всеми «как способ функционирования, система средств воздействия» [112, с. 383].

Первоначально термин «механизм» использовался применительно к проблемам действия права. Так, в 60-е г. XX в. появляются работы, посвященные вопросам правового регулирования, его предмета, метода, механизма (Н.Г.Александров, С.С.Алексеев, С.Н.Братусь, Д.А.Керимов и др.) [9; 10; 28; 109].

Несколько позже начали проводиться комплексные исследования как механизма правового регулирования (В.И.Гойман, Л.Н.Завадская) [48; 93], так и различных его аспектов: философско-гносеологического (В.К.Бабаев, А.М.Васильев, Д.А.Керимов) [16; 33; 109], социологического (В.Н.Кудрявцев, В.В.Оксамытный) [123; 175], охранительного (С.Н.Братусь, О.Э.Лейст) [28; 127]. Объектом исследований становились и различные стадии механизма правового регулирования: правоприменение (П.Е.Недбайло, Н.Н.Вопленко) [42; 155], правотворчество (А.С.Пиголкин, С.В.Поленина) [183; 184] и др.

Не вдаваясь в сущность проблемы механизма действия права, отметим, что фактически все исследователи, описывая механизм действия права, говорят о его элементах, стадиях, факторах, на него воздействующих, его цели [252]. Подобную структуру имеют механизмы всех правовых явлений.

Тесная взаимосвязь преемственности и изменчивости, их противоположность и взаимообусловленность как двух частей процесса развития права, позволяет использовать наработки теории механизма правового заимствования при описании механизма преемственности в праве.

Механизм правового заимствования (Егоров А.В.) [145], как и его производные: «механизм сближения правовых систем» (Ю.А.Тихомиров) [236], «механизм имплементации норм международного права» (А. С.Гавердовский) [44], «механизм согласования международного и национального права» (Е. Ю.Зарубаева) [94], «механизм имплементации норм международного гуманитарного права на внутригосударственном уровне» (В.Калугин) [103], «механизм унификации» (М.Ансельм) [14], - в некоторой степени получили свое исследование в научной литературе.

Большинство упомянутых авторов фактически отождествляют механизм заимствования с механизмом имплементации норм международного права и рассматривают его как «совокупность национальных правовых и организационных средств, применяемых государством-участником» соответствующих международных договоров и конвенций [103]. В механизм включаются субъекты (государственные органы, обеспечивающие имплементацию), объект и его разновидности (различные виды международных норм), организационные и правовые средства имплементации (в том числе национальное законодательство, регулирующее процедуру и

Некоторые авторы, рассматривающие заимствование в более широком смысле (как заимствование элементов иностранных правовых систем), предлагают несколько иную структуру механизма. Так, А.В.Егоров выделяет его доктринальные и нормативные компоненты. К первым относятся: объект, субъект и форма правового заимствования, а ко вторым - процедура заимствования и его основания (общие нормы, предусматривающие возможность такой процедуры) [145, с. 28].

Тесная взаимосвязь преемственности и изменчивости обуславливает сходство их механизмов, обратных по своей направленности. Прежде всего необходимо помнить, что заимствование лишь часть изменчивости и поэтому полного соответствия между механизмами преемственности и заимствования нет. Кроме того, механизм преемственности в развитии права имеет свои специфические черты, определяемые ее большей обусловленностью объективными закономерностями развития общества, противоположными более субъективному характеру изменчивости, связанному с личностью субъекта правотворчества.

В структуре механизма преемственности в развитии права также можно выделить доктринальный и нормативный компоненты. Доктринальный блок, состоящий из объекта, субъекта, формы, оснований и факторов механизма преемственности в развитии права, в правовой системе любого государства складывается объективно.

Вопрос об основаниях преемственных связей в развитии права в правовой науке является дискуссионным. Следует указать, что понятия «основания преемственности» и «факторы, влияющие на преемственность в развитии права» различны. Основание отражает действительную причину, обуславливающую появление обоснованного, позволяет его объяснить [152, с. 8]. Факторы, влияющие на преемственность в развитии права, такой возможности не дают. Они лишь воздействуют на интенсивность, глубину преемственности. Однако именно такое смешение понятий подчас наблюдается в юридической литературе, например, в работах Н.Неновски [157, с. 21].

Для представителей советской правовой науки характерно выделение в качестве главного основания преемственности в развитии права - преемственности в развитии производительных сил и производственных отношений [152, с. 9]. В русле господствовавшей в то время идеологии материалистического историзма делался вывод о безусловной определяемости элементов надстройки, в том числе и права, экономическим базисом [260, с. 19]. Вторым традиционным основанием выступает относительная самостоятельность права как элемента надстройки, которая обладает независимым развитием и подчиняется своим собственным законам.

Опираясь на данные представления, А.Нашиц предположила, что преемст-

родной и социальной среде, в которой протекает правотворчество. К ее компонентам - основаниям преемственности в развитии права - она относит наличие стабильных структур или структурных элементов в общественных связях и отношениях, существование объективных законов природы и общества, «констант» человеческой природы [154, с. 36-37].

Н. Неновски по-своему перегруппировал основания преемственности в праве, выделив наличие констант и принципов социального управления; относительную самостоятельность общественного сознания и преемственность в нем; преемственность в области человеческой культуры; преемственность в производственных отношениях и в надстройке; неизменность законов природы и их учета при воздействии человека, общества на природу; «международный фактор», который заключается во взаимовлиянии правовых систем [157, с. 28-32].

По мнению автора, всеми перечисленными моментами можно объяснить наличие преемственности в развитии права, однако результаты исторических и социологических исследований XX в. ставят под сомнение приоритет одного - экономического - основания над остальными. Действительно, характер экономических отношений нередко напрямую преломляется в правовых институтах. Однако возникновение на базе однотипных экономических отношений различных, с точки зрения доктрины и юридической техники, правовых систем (индусской и мусульманской на Востоке, английской и французской в Европе и т.д.) свидетельствует о том, что взаимодействие права и экономики происходит не напрямую.

Для установления оснований преемственности в праве следует воспользоваться подходом к пониманию структуры общества, разработанным Н.С.Розовым на основе анализа работ выдающихся теоретиков социологии. Общество, по его мнению, существует в следующих подпространствах: экотехнологическом (понимаемом как совокупность основанных на технологиях процессов материального взаимодействия людей с природной и социальной средой), социальном (объединяет социальные, политико-правовые и экономические сущности и процессы), культурном (понимаемом как система образцов сознания и поведения, передающихся из поколения в поколение) и психологическом (все психические свойства, процессы, неотчуждаемые от человека компоненты менталитета) [202, с. 150, 152, 154-155, 165, 167-168]. Наиболее общий принцип связи между подсистемами общества - это стабильное существование (режим) общества в каждой подсистеме, которое может осуществляться эффективно только в том случае, когда режимы остальных подсистем ему соответствуют.

Все подсистемы общества тесно взаимодействуют и, в зависимости от характеристики и типа вызова стоящего перед обществом, могут попеременно

Само существование объективных закономерностей в подсистемах общества является фактором стабильного упорядочивания последних, обеспечивает преемственность в их развитии. Данное обстоятельство объясняется тем, что социальный закон включает в себя повторение «определенных связей, определенного взаимодействия явлений, устойчивость этих связей» [244, с. 43-51]. Основой устойчивости, повторяемости связей являются условия действия закона. Закономерности могут действовать лишь в определенных условиях, которые нельзя отрывать от них самих, а изменения условий часто вызывает и смену самих закономерностей. Таким образом, стабильное существование общества в подсистемах общества определяется закономерностями, которые в них складываются в результате неизменного существования воздействующих на систему факторов-вызовов в течение некоторого промежутка времени.

Тесная взаимосвязь права с различными подсистемами общества, аккумуляция им в себе всех наиболее значимых сфер жизнедеятельности [80, с. 3], обуславливает существование преемственности в развитии права наличием закономерностей в данных подсистемах. Право отражает социальные закономерности [212, с. 31; 237, с. 170], но они остаются внешними по отношению к нему.

Применительно к социальной жизни закономерности проявляются в целом ряде устойчиво повторяющихся общественных отношений, важность для общества которых может вызвать за собой их упорядочивание правовыми нормами. Последнее включает в себя целый ряд действий: формирование норм права, обеспечивающих неукоснительное действие социальных связей в системе правовых отношений, установления норм, определяющих способы регулирования данной сферы общественной жизни, норм, регулирующих участие государства, его органов, должностных лиц в обеспечении реального действия норм права, норм, определяющих ответственность лиц, виновных в ненадлежащем исполнении действующих в обществе норм права. Таким образом, социальная закономерность преобразуется в целый ряд взаимосвязанных правовых норм, а продолжительность ее существования обуславливает длительную необходимость в упорядочивании составляющих ее общественных отношений, а значит, существование преемственности в развитии права.

К подобным закономерностям из области экотехнологии Н.С.Розов относит закономерности «естественного» прироста населения в условиях ресурсной достаточности, закономерности степени изменений условий внешней среды в результате человеческой активности и их влияния на человеческую деятельность и др. [202, с. 175]. Закономерности данной подсистемы обуславливают наличие сходных правовых норм, институтов, касающихся регулирования численности населения в зависимости от благосостояния общества, взаимодействия с природными ресурсами (их добычи, сбережения), их использования, об-

работки, распределения прибыли, полученной в результате обмена или продажи изготовленных из них товаров и др.

Закономерности психосферы: рост, расширение, усложнение потребностей при их достаточном удовлетворении, стремление к повышению статуса, фактор поисковой и конструктивной активности, тенденция передачи и закрепления в поколениях, приобретенных психических и поведенческих свойств, зависимости адаптивных свойств психики от социальных, культурных, технологических условий и др. [202, с. 175-177] обеспечивают преемственность в области регулирования отношений, связанных с появлением инноваций, созданием социальных институтов (объединений людей с одним статусом) и др.

Закономерности социосферы в области геополитических противостояний и вооружений, необходимость построения иерархий (где высшие обладают средствами принуждения и ресурсами) и институциональных структур для разрешения или подавления внутренних конфликтов общества, закономерности увеличения дифференциации населения по профессиям в сочетании с интеграцией в области управления и др. [202, с. 177-179] - обеспечивают преемственное существование правовых норм, регулирующих отношения связанные с управлением, разрешением конфликтов, внутренней и внешней безопасностью.

Закономерности, обеспечивающие устойчивость сферы культуры, также обеспечивают преемственность в развитии права. Кроме того, культурные ценности, пронизывая общественные отношения, отражаются в правовых нормах. Инерционность в движении культурных образцов и стереотипов, их стремление к гомогенному заполнению всего доступного пространства как географического (в пределах границ доминирования ведущего общества цивилизации), так и социального (привнести ценностную окраску во все остальные подсистемы общества) [202, с. 179-181] - все это обуславливает цивилизационную ценностную преемственность в развитии права.

Определяя закономерности подсистем общества как основания преемственности в развитии права, необходимо учитывать то, что последнее имеет наиболее тесные связи с социосферой и сферой культуры. Первая определяет его политическое назначение - обеспечение единообразного порядка через нормативность, общеобязательность, верховенство, а вторая - ценность, т.е. установление и реализацию общесоциальной справедливости. Соответственно, социосфера в наибольшей степени оказывает влияние на развитие источников права и функциональность содержания правовых норм, а культура - на ценностную составляющую содержания права. Совместное их влияние проявляется в области юридической техники.

В отличие от оснований, обуславливающих само существование преемственности, факторы определяют ее интенсивность. Они ослабляют действие закономерностей, ставя перед правовой системой вопрос о необходимости изме-

нений. Фактически факторы преемственности соответствуют основаниям, вызывающим изменчивость в развитии права.

В сфере экотехнологии вызов преемственности бросают следующие факторы: изменение численности населения, уменьшение количества природных ресурсов, научно-технический прогресс, накопление избыточного продукта и др. Данные новации влекут за собой изменения отношений в области производства, обмена, распределения и потребления товаров, а значит, и модификацию социосферы - изменения социальных ролей и функций людей в данных процессах, отношений между ними по поводу собственности, пользования ресурсами, орудиями производства, управления, характера и способов разрешения конфликтов. В свою очередь, это вызывает изменения в праве.

Право меняется не только по мере того, как изменяется круг и характер вопросов, подлежащих регламентированию, но и по мере изменений требований, предъявляемых к праву. Изменения в любых формах общественного сознания, представлениях о желаемом (нежелаемом), допустимом (недопустимом), поощряемом (порицаемом) поведении с позиции интересов большинства народа, неизменно влекут за собой изменения в оценке права, в принятии или непринятии его норм населением, осознание необходимости его изменения или отмены. Изменения в правосознании модифицируют право, «оно становится в большей или меньшей степени либеральным или авторитарным, более или менее общим или специализированным...» [24, с. 199], в нем появляются новые отрасли, институты и нормы или исчезают старые, что обеспечивает сохранение его эффективности.

Геополитические вызовы как факторы, влекущие изменения в социосфере, также воздействуют на степень интенсивности преемственности в развитии права. В случае военных конфликтов само существование государства и его правовой системы может быть поставлено под угрозу. Мирная конкуренция государств, в свою очередь, может вызвать необходимость использования иностранного опыта при построении национальной правовой системы, вызвать разрыв в ее преемственном развитии.

Под объектом механизма преемственности в развитии права мы понимаем такой элемент правовой системы, который сохраняется при переходе с одного этапа развития права к другому. По поводу объектов механизма преемственности в развитии права в науке высказаны различные мнения. Проблема в основном рассматривалась в разрезе пределов преемственности, под которыми понимались те сферы права, где преемственность может иметь место.

Н. Неновски предлагает весьма широкое понимание пределов преемственности в развитии права. Он указывает, что преемственность в историческом развитии права, в том числе и между противоположными по классовой сущности правовыми системами, наблюдается не только в форме, но и в определен-

ной степени в объекте, целях и методе правового регулирования. Это означает, что преемственность можно обнаружить и в специфическом содержании права как социального явления [157, с. 20-21]. Далее Н.Неновски наблюдает преемственность «не только в форме и нормативном содержании, но и в его классовой сущности и основных социальных функциях» [157, с. 37]. Кроме того, он дает длинный список элементов, которые сходны или идентичны для нескольких и даже для всех типов права.

В свою очередь, В.К.Бабаев полностью исключает преемственность в развитии сущности и принципов права и выделяет «очень ограниченную преемственность в некоторых элементах содержания», «преемственность в элементах формы» и «преемственность в сфере юридической техники» [17, с. 104-106].

Представляется, что при решении спора об объектах механизма преемственности необходимо согласиться с мнением Т.И.Довнар о том, что наиболее общая сущность права выступает как объект механизма преемственности в праве на всех уровнях его развития [70, с. 9]. Независимо от типа права, вида правовой семьи и правовой системы, его наиболее общая сущность идентична -общесоциальная политическая справедливость. Именно она, обеспечивающая достижение двух основных целей права - сохранение порядка и осуществление правосудия [25, с. 37], обуславливает преемственность в развитии права.

На каждом из исторических этапов развития права его сущность наполняется своей исторической спецификой, связанной с особенностями понимания обществом справедливости. Она по-своему конкретизируется в содержании права. При качественном изменении и переходе на новый этап развития в позитивном праве сохраняются не только абстрактная сущность права, но и определенные элементы содержания исторического этапа развития позитивного права. От этапа к этапу может передаваться, например, традиция отступления власти от необходимости реализации через закон общесоциальной справедливости, стремление политической элиты закрепить свое видение справедливого, когда право рассматривается как инструмент законодателя и его реализация опирается лишь на принудительность. В обратной ситуации, при эволюционном изменении права, будет сохраняться его соответствие общественным ценностям и реализация в опоре на уважение.

Содержание права всегда состоит из двух элементов - общесоциального и конкретно-исторического, что обусловлено общесоциальными и историческими функциями права. С точки зрения исследования преемственности на уровнях развития права как нормативного регулятора, правовой семьи, правовой системы, сходные и идентичные нормы, институты будут наблюдаться там, где регулируются отношения, важные в любой момент истории. Здесь можно назвать сферу борьбы с преступностью, сферу регулирования каких-либо технических процес-

сов (лоцию, дорожное движение), в меньшей степени отношения собственности, купли-продажи и др.

В рамках одного этапа развития права преемственность наблюдается в отношениях, характерных исключительно для данного типа права, эпохи, например, преемственность в содержании правовых норм, регулирующих ленные отношения в период феодализма.

Непосредственными объектами механизма преемственности в содержании права выступают те элементы содержания, которые в неизменном виде переходят с одного этапа развития права на другой. Представляется, что на каждом уровне, на котором возможно исследование преемственности, их объем варьируется. Так, объектом механизма преемственности между этапами развития института права являются нормы права, между этапами развития отрасли права - нормы и институты права.

Непосредственным объектом преемственности на уровне национальной правовой системы выступают нормы и институты права. Отрасль права может быть объектом механизма преемственности лишь теоретически, так как крайне трудно представить неизменную по нормативному наполнению отрасль права, сохранившуюся в таком состоянии на хотя бы двух последовательных этапах развития правовой системы. Аналогичное можно сказать и про уровни правовой семьи и права как нормативного регулятора. При исследовании преемственности на данных уровнях развития права имеет смысл использовать категории права, концентрировано выражающие суть преемственно сохраняющихся нормативных комплексов.

При изучении объекта преемственности в содержании права необходимо выявить следующие его компоненты в сравниваемых этапах: факт его юридического присутствия (его наличие), «протяженность» его в правовой системе (актуально для нормативного комплекса) и направленность на определенный вид общественных отношений.

Первые два элемента наиболее четко проявляются при исследовании преемственности на уровнях развития права в романо-германской правовой семье, где и норму и институт права довольно легко выделить в правовой системе государства, а более сложно в англо-саксонской (где норма и институт могут содержаться в комплексе административных и судебных прецедентов) и религиозно-общинной (где границы нормы и института определяются религиозными догмами) правовых семьях [85, с. 67-68].

Направленность на определенный вид общественных отношений выявляется посредством оценки условий, в которых объект действует, и функций, которые он выполняет. Только при их сохранении можно смело сказать, что не просто сохранилась формулировка объекта, но и сам он наполнен прежним содержанием и выполняет прежние функции.

Прежде чем обратиться к вопросу формы права как объекта механизма преемственности в праве, отметим, что большинство авторов склонны различать внутреннюю и внешнюю формы права. Действительно, праву присуща особая внутренняя организация, не составляющая ни его сущности, ни его содержания, особое строение и постоянно развивающаяся структура. Ее развитие тесно связано с общим развитием культуры данного народа и носит преемственный характер. Только на высших уровнях развития права, когда этапы охватывают значительные временные периоды, в структуре появляются изменения: устойчивые связи между структурными элементами изменяют свою интенсивность, т.е. право становится более или менее системным или централизованным.

Структура права теснейшим образом связана с его внешней формой (источниками права). Под последней понимают «принятые в данном обществе формы выражения права, т. е. ту совокупность законов и иных нормативных правовых актов, прецедентов и т.п., в которых объективно выражены составляющие это право нормы» [263, с. 31]. Источники права как объект механизма преемственности в развитии права не подвержены резким изменениям при переходе от одного типа права к другому. Они тесно связаны с политической историей народа, так как каждому этапу развития властных структур соответствует эпоха доминирования источника права, наиболее адекватного применяемым ими способам и методам регулирующего воздействия на общество.

Объектами механизма преемственности в праве являются и элементы юридической техники, т.е. «системы основанных на практике правотворчества и теоретически осмысленных средств, методов, правил и приемов подготовки наиболее целесообразных по форме и структуре правовых источников...» [187, с. 391]. Очевидно, что составляющие юридическую технику компоненты - явления технического порядка. Соответственно, в данной области преемственность проявляется с высокой интенсивностью и обусловлена преемственностью в культуре.

Степень совершенства способов закрепления и передачи информации, уровень развития языка всегда тесно связаны с уровнем развития политических структур, поэтому каждой эпохе доминирования того или иного источника права объективно соответствовали способы и средства изложения и закрепления правовых норм, систематизации их и источников права.

Юридическая терминология, несмотря на воздействие субъективного (авторского) фактора, «вызванное информационными потребностями, развитием человеческих знаний и международными деловыми связями» [241, с. 58] изменение языка, обладает значительной устойчивостью, обусловленной автономностью речи. Только это может объяснить существование современной многочисленной юридической терминологии, сформированной еще античными и

Если форма механизма правового заимствования определяет объем изменений общественных отношений [145, с. 42], способ таких изменений (гармонизация, унификация, рецепция [8-А]), то форма как элемент механизма преемственности в развитии права представляет собой способ фиксации, закрепления и избирательного сохранения тех или иных правовых элементов.

Представляется, что в качестве формы механизма преемственности выступает правовая традиция. Она является одним из видов культурной традиции, под которой принято понимать «известные воззрения и учреждения, которые являются привычными в человеческом обществе и, благодаря силе привычки приобретают иногда чрезвычайную устойчивость» [35, с. 84]. Она обеспечивает воспроизводство в системе настоящего апробированных и выдержавших испытание временем образцов прошлого.

Традиция бывает «первичной», неосознанной и «не связанной с институциональными формами обеспечения через специальный аппарат власти», и «вторичной». Последняя, в результате ее осмысления субъектом, рационализируется и может вернуться в виде осознанно сконструированных образцов поведения, в том числе выраженных в письменно-знаковой форме, и вполне осознанно поддерживаться действующими субъектами [6, с. 1047-1048].

Применительно к сфере преемственности в развитии права «первичная» традиция существует в виде правового обычая. Общественные отношения, которые носят устойчивый характер, формируют стереотип поведения, автоматизм, «клише» в поступках [136, с. 23]. Благодаря практике, к нему так привыкают, что общество начинает требовать от каждого своего члена его соблюдения, т. е. социальный обычай превращается в правовой. На определенной стадии развития общества правовые обычаи стали фиксироваться государственными субъектами, а затем появилось правотворчество и в иных формах: закона, прецедента, доктрины и т.д. В данном случае, однако, традиция как форма механизма преемственности в праве сохранила свое действие, трансформировавшись в свою «вторичную» разновидность.

Современный законодатель создает правовые нормы, как посредством закрепления в праве правил регулирования важных и стабильных общественных отношений, так и путем формирования новых норм для моделирования новых полезных общественных отношений. В обоих случаях нормы постепенно укореняются в деятельности субъектов, утрачивают необходимость в постоянной государственной поддержке и могут эволюционировать в традицию. При этом превращение правовых норм в традицию может наступить как вследствие укоренения норм в жизни общества, когда они соответствуют действующим закономерностям его развития и ценностям социальной жизни, так и вследствие их закрепления в сознании законодателя. В последнем случае реализация и преем-

ственное существование норм будет опираться лишь на принудительную силу государства и противоречить потребностям общества.

«Вторичная» традиция охватывает и вариант, когда законодатель осмыслил необходимость преемственного пути развития правовой системы и в процессе ее совершенствования сознательно закрепляет устоявшиеся элементы права в обновленном законодательстве.

В качестве субъектов механизма преемственности в развитии права выступают правотворческие органы власти. В догосударственный период это могут быть общественные структуры, выполняющие политические функции, а в государственный - органы исполнительной, законодательной и судебной властей. Список субъектов механизма преемственности различен для каждого конкретного государства.

Необходимо лишь учесть определяемую спецификой формы механизма преемственности особенность его субъектов. В отличие от субъектов механизма изменчивости в развитии права, субъекты механизма преемственности не всегда сознательно принимают меры по обеспечению преемственного развития права. Законотворческие органы в процессе правотворчества часто действуют в силу сложившихся стереотипов в их собственном либо общественном сознании. При этом, однако, именно от них зависит формирование правовой системы, ее преемственный или радикально инновационный характер.

Правоприменительные органы могут выступать в качестве носителей правовых традиций механизма преемственности. Сложившаяся правоприменительная практика, например, по рассмотрению определенного вида гражданских дел, может превратиться в традицию, найти свое закрепление в законодательстве. Может возникнуть даже ситуация, когда законодательство изменилось, а правоприменитель, в нарушение нового закона, применяет сохранившиеся для него авторитет старые правовые нормы. Простые граждане в силу привычки также могут выступить в качестве носителя юридической традиции, соблюдать, исполнять и использовать уже отмененные правовые нормы. Подобный случай сатирически изображен в белорусской художественной литературе: в пьесе В.Дунина-Марцинкевича «Пинская шляхта» становой пристав применяет при рассмотрении дела давно отмененный, но укоренившийся, благодаря своему авторитету, в сознании шляхты Статут Великого княжества Литовского 1588 г., а шляхта, не сомневаясь, исполняет его «дэкрэт» [82, с. 64, 65].

«Нормативный блок» механизма правового заимствования представляет собой комплекс норм, регулирующих имплементацию иностранных элементов в национальную правовую систему. В отличие от него в механизме преемственности в развитии права комплекса норм, который в таком же смысле обеспечивал сохранение элементов прошедшего этапа развития права в последующем, не существует.

Прежде всего это связано с зачастую неосознанными, основанными на традиции действиями законодателя по обеспечению преемственности в развитии права. Нежелание модернизировать правовую систему он может обосновывать причинами религиозными («законы дал Бог, и их изменять нельзя»), политическими (приоритет стабильности), традициями («так жили предки») и т.п.

Таким образом, механизм преемственности в развитии права представляет собой больше систему сложившихся в обществе социальных практик, нежели нормативных правил. Все же в определенных случаях законодатель осознает важность неких общественных ценностей и соответствующих им стереотипов поведения, ставших традиционными для общества, понимает их основополагающий характер, необходимость их последовательного правового закрепления и стремится направлять развитие общества в соответствии с ними. В подобных случаях субъект правотворчества приобретает важное значение для функционирования механизма преемственности в развитии права. В качестве нормативного элемента механизма преемственности в данном случае выступают нормы, обеспечивающие учет преемственных основ в праве.

Нормативный блок состоит из двух компонентов. К первому относятся нормы, обеспечивающие стабильность и постепенность правотворческого процесса, в том числе предусматривающие многочисленные согласования и экспертизы принимаемых законопроектов. Второй компонент нормативного блока относится лишь к тому варианту деятельности субъектов, когда традиция от-рефлексирована и осознанно переносится в содержание новых источников права при его совершенствовании. Фактически он представляет собой комплекс норм, обеспечивающих учет основ преемственности при совершенствовании законодательства. К нему относятся нормы двух видов: нормы, соответствующие сохраняемому объекту механизма преемственности, и нормы, обеспечивающие их сохранение, декларирующие и закрепляющие объекты в совершенствуемом праве.

Осознание важности следования некоторым правовым традициям обычно выражается в восприятии и положительной оценке определенных принципов права, его целей и задач, актуальность которых не уменьшается в условиях реформ.

На основании выявленных компонентов механизма преемственности в праве можно дать его определение. Под механизмом преемственности в развитии права следует понимать процесс, отражающий сохранение субъектами права тех или иных элементов права в форме правовых традиций на последовательно сменяющих друг друга этапах правового развития в результате воздействия объективных и субъективных оснований и факторов.

Изучение преемственности развития того или иного института, отрасли проводится путем сопоставления содержания норм, регулирующих данный род

вых источниках. Его неизменные элементы будут отражать преемственность в его развитии, а любые инновации, вплоть до изменения формулировок норм, всегда можно оценить, определив их юридическую и социальную эффективность. Подобные исследования осуществляются в рамках отраслевых наук права.

Применительно к специальности, в рамках которой выполняется данная работа, наибольший интерес имеет изучение механизма преемственности в развитии национальной правовой системы, т.е. преемственности между этапами и в рамках этапа национальной правовой системы. Масштабность охватываемого правового материала требует использования таких категорий права как принципы и функции права, которые позволяют сопоставлять данные правовые массивы, обнаруживать в них элементы преемственности, инновации, объясняют их связь с основаниями и факторами преемственности.

Функционирование механизма преемственности в развитии права, соответственно, можно представить следующим образом.

На историческом этапе развития общества складываются определенные закономерности его подсистем - основания механизма преемственности. Интегра-тивность права как нормативного регулятора вызывает необходимость отражения закономерностей в содержании права, что реализуется в виде системы норм. На основе познанных объективных закономерностей учеными формулируются принципы соответствующей подсистемы общества. Преобразование данных принципов в правовые позволяет уменьшить количество необходимых для правовой системы норм права и увеличить эффективность ее действия. Правовые принципы могут быть сформулированы и из содержания права [111, с. 64], т.е. на основе анализа комплекса однородных правовых норм, переводящих социальную закономерность в правовую форму. В то же время может иметь место ситуация, когда правовые принципы, соответствующие социальным закономерностям, не осознаны и не сформулированы. В таком случае правовые нормы, описывающие социальную реальность, оказываются несовершенными [227, с. 65].

Внутренние и внешние факторы, воздействующие на общество в рамках определенного этапа его развития, не оказывают на него существенного влияния, поэтому при незначительных количественных изменениях в правовой системе основные ее принципы, наиболее концентрированно отражающие преемственность в ее содержании, сохраняются неизменными. Правовые нормы складываются либо в форме обычая, либо иных источников права, которые постепенно настолько укореняются в сознании населения, что перестают нуждаться в государственном обеспечении для своей действенности.

Восприятие обществом механизма действия объективных законов формирует общественное представление о социальной справедливости,

сознании, затем они закрепляются в законе, а уже потом объективируются в правовом поведении [156, с. 186]. Фактически за каждой задачей, которую должна разрешить отдельная норма права, стоит стремление урегулировать социальную жизнь на основе устоявшегося и значимого культурного стереотипа.

Таким образом, стабильность подсистем общества, их взаимосвязей с правом, стабильность культурных ценностей обуславливают преемственность в содержании этапа национальной правовой системы и находят свое концентрированное выражение в неизменности ее функций и принципов.

На определенном этапе истории под воздействием внешних и внутренних факторов в обществе назревают перемены, в подсистемах закладываются новые закономерности. Революционным или эволюционным путем общество переходит на новый этап развития. В правовую систему вносится множество инноваций, вызванных необходимостью соответствовать новым социальным закономерностям, потребностью привести в содержание права новый взгляд общества на справедливость. Изменения в праве могут быть обусловлены и внешним вмешательством в жизнь народа.

Несмотря на многочисленность и кардинальность изменений, часть старых социальных отношений продолжает существовать, например, ценностно-нейтральные. Их укорененность в жизни общества обеспечивает в силу традиции некритический перенос регулирующих их норм в новое законодательство. Другая часть принципов и норм предыдущего этапа развития осознаются обществом и законодателем как полезные на новом этапе развития. Законодатель принимает меры к закреплению и обеспечению неизменности важных для него традиционных принципов права, правовых институтов.

Таким образом, можно сделать вывод:

1. Преемственность в развитии права - это неотъемлемая составляющая процесса развития права, представляющая собой связь между этапами развития определенной правовой общности, состоящую в непрерывном, обусловленном существованием закономерностей подсистем общества, сохранении тех или иных его элементов или отношений между его структурными частями.

2. Механизм преемственности в развитии права - процесс, отражающий сохранение субъектами права тех или иных элементов права в форме правовых традиций на последовательно сменяющихся друг друга этапах правового развития в результате воздействия объективных и субъективных оснований и факторов. Он состоит из доктринального и нормативного блоков. Доктринальный блок состоит из оснований, факторов, объектов, формы и субъектов, а нормативный - из норм, стабилизирующих правотворческий процесс, и норм, закрепляющих выявленные, осознанные и оцененные положительно элементы преемственности в праве.

ГЛАВА 2

ДИСКРЕТНОСТЬ В РАЗВИТИИ ПРАВА 2.1

Понятие дискретности и ее роль в развитии права

Общество, как и любая динамичная система, стремится к стабильности, требуемой психологией человека. «Только в том случае человек в будущем сможет сознательно заниматься какой-либо деятельностью, сможет организовать свой труд, создать семью, только в том случае он сможет рассчитывать на сохранение того, что он получил, если сегодня он может предвидеть последствия своих поступков... Всякое предвидение основано на знании существующих правил...» [24, с. 205].

Государство - это традиционная структура стабильности общества [26, с. 127], а право - система стабилизирующего нормирования, упорядочивания общественных отношений. «Любая юридическая норма есть «попытка стабилизации социальных отношений, пребывающих в вечном становлении, а любой юридический порядок есть вызов времени, усилие, направленное на консервацию утверждаемого и закрепляемого им социального порядка» [24, с. 195]. Разумеется, право никогда не сможет парализовать развитие общества, так как воздействие внешних факторов на жизнь общества постоянно и многообразно, и при игнорировании изменений правом, неизменности правовой системы, оно не сможет быть эффективным, а значит, не сможет реализовать свою сущность - обеспечить справедливость. Устанавливая порядок в обществе, право стремится учитывать общественные изменения, обусловленные факторами-вызовами, и сохранять при этом неизменными основные параметры общественной жизни.

Реализация данной цели, вытекающей из сущности права, выполняется при условии стабильного развития самой правовой системы. Последнее, как и стабильное развитие любой системы, будет достигаться при условии устойчивого поддержания основ ее воспроизводства (что обеспечивает стабильность ее от-граниченности от окружающих явлений), иерархичности (как основы стабильного сохранения ее целостности) и функциональности [26, с. 118]. Неизменность воспроизводства будет реализовываться при сохранении порядка принятия правовых норм, их изменения, отмены, преемственном развитии субъектов правотворчества. Стабильность иерархичности права как системы при его развитии будет реализована в случае неизменности основ построения его внутренней структуры, системы источников права. Функциональная устойчивость проявляется через неизменность отражения в

права, а также в неизменности целей, которые ставит перед правом законодатель, что выражается в сохранении основных функций выполняемых правом.

При этом следует отметить, что для сохранения стабильности развития правовой системы наибольшее значение имеет последняя характеристика. Появление новых отраслей и институтов права не обязательно сопровождается дестабилизацией всей правовой системы. Изменение состава субъектов правотворчества, соотношения источников права в истории национальной правовой системы также не обязательно вызывает нарушение стабильности ее развития.

Приход в результате выборов к власти новых политических сил, реформирование ими системы органов государственной власти, приводящее к изменению соотношения актов правотворчества по юридической силе, не обязательно влечет нарушение стабильности развития правовой системы. Так, принятие новой редакции Конституции Республики Беларусь в 1996 г., повлекшее изменение правового статуса субъектов правотворчества и иерархической системы нормативных правовых актов, не оказало отрицательного влияния на стабильность правовой системы белорусского государства.

В тоже время кардинальное изменение подсистем общества, лежащих в их основе закономерностей, неизменно вызывающее изменение целей и задач правового регулирования, почти всегда сопровождается изменениями в структуре государственной власти, в системе источников права, появлением новых правовых отраслей и институтов. Так, потребности развития капиталистических отношений, переход экономической власти от феодалов к буржуазии, потеря словесным делением общества своей общественной полезности и другие изменения в подсистемах общества Франции в XVIII в. вызвали свершение Великой Французской революции и кардинальное изменение правовой системы Франции, которая была перестроена на ценностях «индивидуализма, рационализма и национализма» [25, с. 46-47].

Таким образом, качественная преемственность в развитии правовой системы как сопровождает стабильное развитие общества, так и содействует ему. Однако при изучении истории национальных правовых систем, истории права отдельных народов, исследователи зачастую сталкиваются с резкими изменениями в развитии права, когда правовая система за относительно небольшой промежуток времени коренным образом преобразуется. Качественные изменения в развитии правовой системы вызывают прерывание ее преемственного развития.

Следует отметить, что полного прерывания преемственности в развитии права быть не может, так как подобное событие, отрицая даже преемственность наиболее общей сущности права, вызвало бы прекращение развития правовой системы, ее исчезновение. Следовательно, когда речь идет о прерывании пре-

национальной правовой системы, прежде всего взглядов общества на справедливость, системы наиболее важных принципов и функций права. В данном случае, следует согласиться с Е. В. Скурко, как минимум, наблюдается сохранение того, что в литературе называют «стилем правовой системы»: юридической техники, характеристики соотношения права и государства, соотношения «абстрактности» и «казуальности» норм [214, с. 155-156].

Характеристику развития национальной правовой системы обратную преемственности и состоящую в отсутствии качественных преемственных связей между этапами развития национальной правовой системы, мы назовем дискретностью в развитии права (от лат. *Diskretus* - разделенный, прерывистый [68, с. 325]). Непосредственный случай проявления дискретности - разрыв преемственности в развитии права - это вызванный определенным историческим событием период в развитии национальной правовой системы, в течение которого произошло ее кардинальное изменение, сопровождаемое прерыванием качественных преемственных связей между этапами ее развития.

Дискретность в развитии национального права вызывается введением иностранного права, что может осуществляться как принудительно, так и добровольно. Принудительный разрыв в развитии права осуществляется в результате завоевания государства, а добровольный - в результате широкомасштабного заимствования национальными правотворческими органами иностранного права - рецепции. Особое место в развитии права занимает дискретность в развитии права, вызванная социальной революцией.

Аннексия, т.е. насильственный захват чужой территории, может сопровождаться как полным включением завоеванного государства в состав государства-завоевателя с заменой национального права правом страны-завоевателя, так и предоставлением завоеванной территории правовой автономии.

При полной аннексии прекращается развитие национальной правовой системы завоеванного государства. Так, в XVII в. на основе дела Кальвина (1608 г.) Англия решает, что, когда колонизация касается нехристианских обществ, местное право автоматически упраздняется в пользу «естественной справедливости». Как отмечают исследователи, вводимая концепция «справедливости» полностью соответствовала английской концепции, и многие территории, особенно в XIX в., были вынуждены принять правила английского права [206, с. 371]. Земли, которые вошли в состав Французской империи к 1810 г., также полностью восприняли французское законодательство [206, с. 371-372].

Полная аннексия делает невозможным исследование преемственности между этапами национального права ввиду формально полного его отсутствия после завоевания. Однако на практике, и в этом следует согласиться с Н.Руланом, редко происходит полное исчезновение правовой системы после завоевания

преемственно сохраняться в правореализации. Жители завоеванной территории во взаимоотношениях между собой будут исполнять, соблюдать и использовать свое национальное право, которое фактически превратится в правовой обычай, частично игнорирующий правовые нормы государства-завоевателя. Подобная ситуация прежде всего сложится в таких консервативных сферах жизни общества, как семья и наследование имущества.

Сокращение поля действия отмененного права во многом будет зависеть от карательных возможностей завоевателя, а равно от близости отмененного и введенного права, культурного родства народов, соответствия уровней их развития. Постепенно завоеванное население сможет воспринять привнесенное право. Г. Дж. Берман приводит мнение Ойген Розеншток-Хюсси о том, что требуется больше одного поколения, чтобы обеспечить укоренение новой системы ценностей и, соответственно, новой системы права в сознание общества [25, с. 36]. В случае если национальное право не воспринималось как справедливое, соответствующее реалиям общественной жизни, а право завоевателя удовлетворяло этим требованиям, то этот срок мог быть и меньшим. После изгнания войск Наполеона Бонапарта, гражданский кодекс, навязанный им ранее завоеванным народам, для многих стран стал образцом для создания собственных гражданских кодексов [206, с. 372].

Принудительное введение на завоеванной территории права завоевателя с полной отменой местного права в истории встречается довольно редко из-за своей неэффективности. Значительно чаще завоеватель сохраняет в некоторых сферах действие местного права. В Средневековье в условиях правового партикуляризма частой была практика сохранения на завоеванной территории действия местных обычаев, например, нормандское завоевание Англии не привело к упразднению местного права [206, с. 373].

После начала колониальной эпохи во Франции, Англии, Испании были разработаны доктрины, суть которых, независимо от национальной специфики, сводилась к обоснованию сохранения туземного права в колониях для регулирования некоторых сфер общественной жизни. Н. Рулан приводит несколько вариантов соотношения традиционного права колоний с правом страны-колонизатора, описанных канадским юристом Б. В. Морсом [207, с. 194]. В случае первого - сотрудничества - на основании определенных территориальных, субъективных или объективных критериев определяется компетенция различных судебных систем. Таким образом, суды будут действовать, и колониальное право будет применяться одновременно и к колониатам, и к местному населению во всех сферах в последовательно колонизируемых зонах, а там, где территория обжита только местными жителями, будет действовать исключительно местное право.

При втором варианте - интеграции - местное право включается в право

ном право завоеванного народа сохраняет действие в сфере регулирования семейных отношений, наследования, отправления культа, а урегулирование вопросов собственности на землю, экономических отношений и управления чаще всего передается введенному праву колонизатора [206, с. 373-381].

В более поздние периоды истории подобная практика продолжила свое существование. Так, после оккупации Германской империей французских Эльзаса и Лотарингии в 1871 г. на их территории продолжало действовать французское право.

Несмотря на кажущуюся толерантность при сохранении местного права, в результате действий оккупационной администрации по ассимиляции населения, непоследовательности правовой политики завоевателей и даже поведения местных жителей, стремящихся подражать образу жизни завоевателей, развитие права на завоеванной территории всегда движется в сторону сокращения сферы применения права завоеванного народа. Так, Н.Рулан отмечает, что область применения общего права Германской империи неуклонно расширялась на территории Эльзаса и Лотарингии [206, с. 399].

В случае восстановления государственности, утраченной в результате обоих видов аннексии, возникает вопрос о наличии или отсутствии преемственности между правом восстановленного государства и правом завоевателя. Представляется, что непродолжительная оккупация с последующим полным восстановлением национальной правовой системы не может рассматриваться как пример разрыва преемственности в развитии права временно завоеванного государства. Так, оккупация в 1941 - 1944 гг. значительной части СССР фашистской Германией не привела к разрыву в развитии советского права.

Если оккупационный период охватывает большой временной промежуток, жизнь нескольких поколений, то действующее на территории завоеванного народа право завоевателей нужно оценивать в зависимости от включения его в правовую культуру этого народа, восприятия его населением как своего. Так, после окончания Первой мировой войны и воссоединения Эльзаса и Лотарингии с Францией, на данной территории по требованию местного населения сохраняется действие местного права - синтеза французского права периода 1871 г., права Германской империи и норм, принятых местными дозволенными империей органами власти [206, с. 389-401].

Таким образом, только длительное завоевание с последующей полной ассимиляцией завоеванного народа влечет за собой прекращение развитие его права. Остальные виды аннексий, вызывая разрыв преемственности в истории национального права, не могут окончательно прекратить его существование. В случае восприятия народом длительно действовавшего права завоевателя как своего, последнее можно расценивать как этап в развитии национального права. и после

восстановления государственности можно оценивать преемственность между ним и новым правом.

Разрыв в преемственном развитии национального права может произойти в результате добровольных действий национального законодателя по полномасштабному заимствованию иностранного права.

Влияние заимствования иностранного опыта, в том числе иностранного права, на стабильное существование общества оценивали представители цивилизационных учений о направленности истории человечества. Н.Я.Данилевский в результате своих исследований формулирует следующий закон исторического развития: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает их для себя...» [59]. Распространение цивилизации может происходить путем колонизации - полного уничтожения прочих народов и передачи (прививки), которая не приносит пользы тому, к чему прививается. Однако народы могут и должны знакомиться с результатами чужого опыта, «принимая и прикладывая к себе из него то, что, так сказать, стоит вне сферы народности, т. е. выводы и методы положительной науки, технические приемы и усовершенствования искусств и промышленности. Все же остальное, в особенности все относящееся до познания человека и общества, а тем более до практического применения этого познания, вовсе не может быть предметом заимствования. » [59].

Из размышлений Н. Я. Данилевского следует, что безболезненному восприятию могут подлежать лишь ценностно-нейтральные иностранные правовые нормы, например, регулирующие вопросы технических сфер. Такой вывод оспаривал А. Тойнби, утверждавший, что любые элементы культуры становятся опасными и разрушительными в чужом социальном контексте. Опасность усиливается тем, что после своего укоренения, они приобретают тенденцию привлекать к себе другие элементы своей собственной культуры [238, с. 578]. В то же время А. Тойнби рассматривал заимствование как объективную реальность, результат необходимости поиска ответа на стоящие перед обществом вызовы. От вызовов нельзя уклоняться, а необходимо стараться выборочно воспринимать новое, ассимилировать его и строить на его сочетании со старой культурой новую культурную целостность [238, с. 578, 586-587].

Геополитические вызовы как факторы, влекущие изменения общества, вызывают необходимость использования иностранного опыта при построении национальных правовых систем. Фактически ни одна правовая система не является чисто национальным образованием. Использование чужого опыта - общесоциальное явление, так как «всякая нация может и должна учиться у других» [134, с. 36].

венные отношения, но отсутствует их должное правовое регулирование, и для экономии времени и средств, вместо самостоятельного полного проб и ошибок пути по формированию правовых норм, законодатель использует правовой опыт стран уже решивших данную правовую проблему. В подобной ситуации находится Правительство Республики Беларусь, когда оно изучает с целью дальнейшего применения опыт Российской Федерации и иных стран в сфере проведения пенсионной реформы и др.

Результат заимствования иностранного права во многом зависит от объема воспринимаемого права, от способности законодателя согласовывать возможные противоречия в ценностях воспринимающего общества и воспринимаемого права, построить на их основе новую целостность. Важным является осознание и позитивное отношение к необходимости нововведений со стороны населения. При соблюдении данных требований инновационное заимствование иностранного права будет сочетаться с преемственностью в развитии национальной правовой системы, не произойдет ее разрыва, развитие права будет проходить эволюционным путем.

В случае если население государства не ощущает потребности в обновлении правовой системы, воспринимаемое право основано на иной системе ценностей, соответствует иным закономерностям общественной жизни, а заимствование навязано обществу в результате внешнего давления либо исключительно обеспеченно принуждением законодателя, то произойдет разрыв преемственности в развитии права.

Дискретность в развитии правовой системы в результате заимствования имела место в истории многих африканских государств в XX в. После приобретения независимости их руководители и их советники, часто получавшие образование в европейских вузах, думали, что юридические акты и обеспечиваемое ими моделирование общественных отношений, имевшие место в бывших метрополиях, дадут аналогичные результаты в Африке по причине их технического совершенства. Однако в большинстве случаев нововведения вызвали тяжкие политические кризисы и правовую декультурацию [207, с. 191, 212].

Положительный пример заимствования иностранных правовых норм находят в истории права Японии. Ее правовая система первоначально заимствовала китайское право, начиная с эры Мэйдзи (1868 г.) - европейское право, а после второй мировой войны японское право перестраивается под влиянием права США [134, с. 38]. Другие же исследователи отмечают, что и в данном случае «перенос европейских правовых норм не завершился полным изменением концепций права, разделяемых японцами... Восхваляемое элитами, часто менее приветствуемое простым народом, оно утвердилось лишь ценой многочисленных приспособительных изменений.», создало много трудностей и замечаний [206, с. 387-388].

Оценивая результаты полномасштабных рецепций, Н.Рулан приводит мнение М. Аллио, что в случае рецепции либо передача права будет ничем иным как иллюзией, либо цена передачи будет очень высока - «распад структуры общества» [207, с. 191]. Действительно, все приведенные случаи свидетельствуют о неполном достижении целей, которые ставил перед собой законодатель, осуществляя заимствование. Иностранное право укоренялось крайне медленно и воспринималось населением лишь частично, только после многочисленных приспособлений и переистолкований. Особое сопротивление иностранному праву было оказано в сфере семейного права. Так, в Турции через полвека после реформ Ататюрка гражданские браки составляли менее половины всех браков, заключаемых ежегодно, и только 25% супружеских пар было моногамными [206, с. 389].

Успех заимствования, как показывает история, имеет место лишь при восприятии правовых массивов у культурно близких обществ, находящихся на одном уровне развития, либо актов, соответствующих общепризнанным международным стандартам. В этом случае рецепция будет заключаться в введении лишь технически более совершенного документа, что не вызовет нарушений в стабильном развитии права воспринимающей страны.

Следовательно, уточнив мнение Н.Рулана, можно отметить, что для предотвращения дискретности в развитии национального права необходимо, чтобы заимствования отвечали ряду требований:

- общество должно осознавать необходимость в изменениях, требующих принятия нового права;
- передаваемое право должно исходить от общества, основные черты которого не сильно отличаются от черт воспринимающего общества, или рассматриваться последним как независимое от общества, в котором оно родилось, и возможное для принятия любым другим обществом [207, с. 191].

В истории права имели место случаи, когда рецепция не носила масштабного характера, не приводила к разрывам преемственности в развитии права, а лишь к формированию законодательства, содержавшего, наряду с господствующими ценностями, принципами права, ценности и принципы им противоречащие. Последние из-за своей немногочисленности не вызывали неэффективности правовой системы, дестабилизации общества.

Длительное и постепенное накопление инноваций через определенный промежуток времени могло привести к эволюционному качественному изменению правовой системы. Подобное явление имело место в тех странах Европы, которые без революционных потрясений воспринимали политические и правовые идеи Ренессанса, Реформации, Просвещения.

Таким образом, дискретность в развитии национальной правовой системы наступает в случае завоевания государства и может иметь место при доброволь-

права сохраняется всегда, за исключением случаев полного уничтожения или ассимиляции народа.

2.2 Революция в развитии права как причина разрыва его преемственных связей

Дискретность в развитии правовой системы может иметь место как в результате внешнего влияния иных государств, чрезмерного заимствования иностранного права, так и в результате внутренних причин, объективного процесса развития правовой системы.

Равновесие системы права, соответствующее определенному этапу национальной правовой системы, обеспечивается единством его сущности, структуры, функций и принципов. Однако история показывает, что право постоянно изменяется, соответственно, следует рассмотреть процесс появления изменений в праве, его переход от одного равновесного состояния к другому, наличие или отсутствие преемственных связей между ними.

В социологии при изучении социальных систем используется понятие «дисфункции». Если функции «способствуют упорядочению системы» [226, с. 216], то дисфункция - это негативное последствие воздействия одной части системы на другую» [4, с. 547]. Дисфункции уменьшают упорядоченность системы, поэтому последние никогда не бывают совершенными, полностью интегрированными. Соответственно, равновесие системы никогда не бывает статичным, оно всегда динамично и является результатом баланса функций.

Применительно к праву ситуация выглядит следующим образом. Факторы-вызовы, возникающие перед той или иной подсистемой общества, вызывают в ней, а затем и во всей системе изменения, осуществляя которые общество снова стремится прийти в стабильное состояние. Изменения в подсистемах выступают основаниями изменений в праве. На их основе складываются новые и важные для общества закономерности, требующие своего преобразования в правовую форму - норм, и лежащих в их основе принципов. Одновременно изменения требуют направляющей деятельности от законодателя по приспособлению к ним общества. Перед ним стоит ряд задач, разрешение которых возможно только путем создания и реализации правовых норм, построенных, в том числе с учетом изменений в культурной подсистеме общества, изменений его ценностной основы.

Таким образом, нормы права могут выполнять и дисфункциональную роль, если регулируемые ими отношения в чем-то противоречат господствующим в данном историческом типе общества. Соответственно, и в рамках систе-

вать на равновесие системы. Последнее, соответствующее определенному этапу развития национальной правовой системы, будет существовать, пока нормы, реализующие функции и основанные на принципах, соответствующих доминирующим закономерностям данного общества, будут составлять основу правовой системы. Параллельно с ними в системе права существуют нормы, отражающие в праве альтернативные закономерности, выполняющие дисфункциональную роль, соответствующие иным принципам. Так, в период Средневековья манориальная экономика была господствующей формой хозяйства, а в сфере регулирования экономических отношений главенствующая роль принадлежала манориальному и ленному праву. Однако в результате «сельскохозяйственной революции XI - XII вв.» растет количество городов, развивается торговля и соответствующее торговое право [25, с. 38, с. 338]. Оно начинает самостоятельный рост, который со временем приведет торговое право на главенствующее место в области регулирования экономических отношений.

В результате воздействия внешних факторов в правовой системе происходит накопление инноваций, а следовательно, накопление дисфункций и альтернативных принципов. И если в обществе они вызывают рост противоречий и социальных конфликтов, то в правовой системе нарастание функционального дисбаланса, противоречия принципов, соответствующих различным закономерностям, приводит к ее нестабильности и неэффективности.

Нарастание противоречий в правовой системе связано и с нарастанием ценностного дисбаланса. Изменения в культурной подсистеме общества влекут за собой модификацию системы культурных ценностей, взглядов общества на справедливость. Новые цели-ценности вызывают появление нехарактерных для права данного общества функций, вносящих ценностное противоречие в содержание права. Закрепление противоположных ценностей характерно не только для норм, регулирующих экономические отношения, хотя там они наиболее контрастны, но и для иных отраслей права.

Законодатель постоянно обеспечивает динамическое равновесие системы права, принимая компромиссные нормы. В результате этого развитие права представляет собой сочетание изменчивости и преемственности в каждом конкретном случае. Так, институт займа в истории европейского права прошел длительный путь от полного запрета на ростовщичество через систему исключений из данного запрета к современному его пониманию как возмездного договора [25, с. 239-240].

Если право в любой момент является сочетанием преемственности и инновации, то возникает вопрос о характере смены этапов национальной правовой системы, о его постепенности или скачкообразности. Существование тесной связи между развитием общества и развитием его подсистем позволяет при ответе на поставленный вопрос использовать предложенные теорией социальных

изменений модели развития общества. В соответствии с одной из модернизационных моделей, моделью Т.Парсонса, общество за счет процессов дифференциации подсистем и их функций постепенно эволюционирует и проходит ряд стадий [242, с. 712]. Модель Т.Парсонса справедливо критиковалась за исключение из проблемного поля девиантных отклонений и конфликтов, отсутствие удовлетворительного объяснения социальных изменений [29, с. 173-179].

В соответствии с марксистской моделью процесс эволюции, т.е. постепенного созревания в недрах старого общественного строя элементов нового, завершается социальной революцией, основной составляющей которой является политическая революция [196, с. 435-436]. Модель К.Маркса, в свою очередь, справедливо критиковалась за противоречие «между экономическим детерминизмом и коллективным волюнтаризмом революции» [29, с. 181].

Представляется, что история права состоит как из эволюции, так и революций. В данном случае интересна позиция Г. Дж.Бермана, который в истории западного общества и права выделяет шесть революций, не связывая их ни с учением о смене формаций, ни с марксистским пониманием классовой борьбы: «Папская революция 1075 - 1122 гг.», Реформация, Английская революция XVII в., Французская и Американская революции конца XVIII в. и «Русская революция 1917 г.» [25, с. 35].

Большинство из них первоначально носили локальный характер, но после непродолжительного периода враждебности к стране, являвшейся ее переносчиком, находили отклик в масштабе всего Запада. Все данные революции были «тотальными» в том смысле, что они создали не только новые формы правления, но и новые структуры общественных и экономических отношений, новые структуры отношений между церковью и государством и новые структуры права, а также новые взгляды на общество, новые воззрения на историю и новые системы универсальных ценностей и убеждений» [25, с. 36].

Таким образом, не вызывает сомнения факт существования в истории событий, отражающих быстрый переход общества и права, как наиболее важного нормативного регулятора общественных отношений, в новое качественное состояние. Спорным остается только вопрос количества подобных скачков в истории права.

Революционный скачок обусловлен наличием ценностно-функционального дисбаланса в правовой системе. Дисбаланс может быть минимизирован эволюционным путем - путем постепенных осознанных государственной властью изменений. Подобное развитие имеют национальные правовые системы государств, воспринимавших идеи революции в смягченной форме. Вопрос «порога» перехода из одного состояния в другое разрешить в данном случае невозможно. Фактически данный процесс является локальным и

своей сути, но укладывается в рамки глобального революционного изменения, вызванного одной из перечисленных революций.

Свержение старого права обуславливается нежеланием правящих элит, в силу идеологических причин, социальной инерции, поступиться властью, идти на компромисс с оппонентами, произвести реформу в системе права и во всей социальной системе в целом. Кроме субъективной воли законодателя ситуацию кризиса усугубляет объективная нацеленность права на стабилизацию общественных отношений. Общесоциальная справедливость, заложенная в праве, постоянно изменяется в соответствии с изменением подсистем общества. Следовательно, адекватность представлений о ней в обществе и отражение ее в содержании правовых норм должны постоянно обеспечиваться изменением последних. В то же время изменчивость права противоречит одной из его основных целей - обеспечивать стабильность в регулировании, порядок. В результате любой законодатель постоянно вынужден искать компромисс между взглядами общества на справедливость, которые должны отражаться в праве, и стабильностью общественной жизни и законодательства.

На стабильность правовой системы влияет и осознание законодателем функций и принципов права, которые с этого момента приобретают для него значимость, в соответствии с ними он стремится формулировать правовые нормы. Их неизменность для него отождествляется со стабильностью правопорядка. Злоупотребление последней и может привести к свержению права.

Накануне социальной революции, несмотря на конфликты в социальной жизни и ценностно-функциональный дисбаланс в законодательстве, нормы и институты, закрепляющие устаревшие принципы и выполняющие вредные для нового общества функции, поддерживаются принудительной силой государства, а нормы и институты, соответствующие социальным реалиям, подавляются. В результате в общественном сознании нарастает конфликт - закрепляемая властью в праве справедливость не воспринимается таковой людьми. «Свержение существующего закона как порядка всегда оправдывалось восстановлением более фундаментального закона как справедливости» [25, с. 37].

В своем исследовании Г. Дж. Берман убедительно показывает, что все революции представляли собой радикальный отказ от старого права, но ни одной из них не удалось отменить дореволюционную правовую систему и сразу же вместо нее создать абсолютно новую. Каждая из революций переживала промежуточный период, когда новые законы, декреты, приказы стремительно рождались и так же стремительно исправлялись, отменялись или заменялись. В конце концов, каждая из этих революций примирялась с дореволюционным правом и восстанавливала многие из его элементов путем включения их в новую систему, построенную на новых принципах и выполняющую новые функции.

Революция сразу же сметает нормы и институты, кардинально противоречащие новому правопорядку, качественные преемственные связи в развитии правовой системы разрываются. Сохраняется лишь количественная преемственность с теми нормами и институтами, которые выполняли на прошлом этапе дестабилизирующую альтернативную роль, а на новом этапе заняли господствующие позиции. Кроме того, как в жизни общества многие устаревшие социальные отношения в силу социальной инерции продолжают, постепенно затухая, существовать, так и регулирующие их правовые нормы продолжают действовать, постепенно теряя свою эффективность. Однако и кроме них есть блок норм, который сохраняет свое значение. Существуют нормы и институты, содержащие нейтральные ценности и выполняющие нейтральные функции в отношении нового социального порядка и новой правовой системы. К ним относятся нормы и институты, регулирующие технические процессы.

Таким образом, очевидно, что изменения в праве происходят как эволюционно, так и революционно: «элементы непрерывности, эволюции сочетаются с элементами дискретности, качественной скачкообразности и в этом смысле революционности» [139, с. 152]. Революция в праве вызывает разрыв качественной преемственности в его развитии. При этом революционные изменения всегда сопровождаются количественной преемственностью.

Опираясь на проведенное исследование можно сделать вывод:

1. Дискретность в развитии права - это обратная преемственности характеристика развития национальной правовой системы, состоящая в отсутствии качественных преемственных связей между этапами развития национальной правовой системы. Разрыв преемственности в развитии права - это вызванный определенным историческим событием период в развитии национальной правовой системы, в течение которого произошло ее качественное изменение, сопровождаемое прерыванием качественных преемственных связей между этапами ее развития.

2. В развитии национальной правовой системы дискретность имеет место в случае завоевания государства, в случае революции в праве и может наступить в случае добровольной широкомасштабной рецепции иностранного права. Количественная преемственность в развитии права сохраняется всегда, за исключением случаев полной ассимиляции народа, либо его уничтожения.

3. Для предотвращения дискретности в развитии национального права при рецепции иностранного права необходимо, чтобы заимствования отвечали ряду требований: общество должно осознавать необходимость в изменениях, требующих принятия нового права; передаваемое право должно исходить от общества, основные черты которого не сильно отличаются от черт воспринимающе-

ГЛАВА 3

ДИСКРЕТНОСТЬ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ИСТОРИИ ПРАВА БЕЛАРУСИ

3.1 Право в период древней белорусской государственности

Процессы развития общества, государства и права у жителей Беларуси в раннем Средневековье идентичны процессам развития всех восточнославянских обществ. Первооснову экотехнологической подсистемы славянского общества Восточной Европы определил климат, требовавший приложения более значительных усилий при аграрных работах в течение более короткого времени, чем в Западной и Центральной Европе [60, с. 60; 198, с. 65]. Он обусловил и меньшую плотность населения, что долгое время позволяло решать земельный голод через освоение новых земель, а не интенсифицировать хозяйственную деятельность [198, с. 67]. В результате коллективный аграрный труд, сильные общинные связи имели место вплоть до XIII - XIV вв., когда появляются неясные сведения о появлении аллодов, причем только в северных, черносошных землях [61, с. 105-107].

Преобладание коллективного труда в аграрной сфере, общинная собственность на землю не могли не сказаться на формировании социальных порядков. На основе общинного способа хозяйствования к IX в. на Руси уже сложилась довольно устойчивая система публичной власти, основным элементом которой выступали институты непосредственной демократии и общинно-вечевое самоуправление в городах и сельской местности [86, с. 104]. Возникновение торгового пути «из варяг в греки» и призвание варяг на княжеские престолы выступили «катализатором» ускорения имущественной и социальной дифференциации, политического и экономического объединения прилегающих к пути земель [90, с. 126-127; 144, с. 26-28].

Внешняя торговля, вызывая накопление богатств и власти в руках высших слоев раннего общества, лишь в малой степени оказывает влияние на его экономическое развитие [144, с. 27], поэтому построение государственности у восточных славян строилось на общинной основе [86, с. 122]. Князь и окружающая его знать (дружина, боярский совет), существовавшие наряду с общинными органами власти, институционально «еще не превратились в особое сословие, отгороженное от рядовых общинников. Они выступали в качестве лидеров и правителей, но власть пока получали из рук народа» [245, с. 84].

Приход скандинавов лишь ускорил процесс государственного строительства. Сами варяги из-за своей малочисленности не смогли подчинить себе местные племена, проживавшие на обширной территории, но «с выгодой для себя

вписались в общественную систему славян, балтов и фино-угров, комфортно заняв нишу военно-дружинной знати» [161, с. 133]. Отсутствие этнической укорененности варягов способствовало обособлению политических структур от племенных отношений, обеспечивало их незаангажированность в интересы различных группировок, представляло возможность для использования внешнего принуждения.

В то же время малочисленность и отсутствие корней и тесных связей в местном обществе делали для варяжских князей опасным любой серьезный конфликт с местными невоенными элитами, поэтому, а также из-за упомянутой экономической обособленности верхов от простых общинников, в восточно-славянских княжествах в домонгольский период существовал особый дуализм политического устройства, сочетавший тесное взаимодействие и взаимосвязь монархического (в лице приглашенного или наследственного князя) и демократического (в лице народных вечевых собраний старших волостных городов) элементов. Дуализм власти проявлялся в концентрации в руках князя оперативного управления «вверенной» ему территорией и в осуществлении вечем общего контроля за его деятельностью, с вмешательством в крайних, исключительных случаях. При этом, в зависимости от изменения геополитической ситуации и иных факторов, в княжествах в различные периоды могло меняться соотношение власти между князем и вечем.

Сама княжеская власть рассматривалась в категориях патриархальных родственных отношений. После Рюрика «сила отдельных племен, персонифицировавшаяся ранее в племенных князьях, переходила в глазах населения, на изведший их княжеский род» [86, с. 98]. Позднее, в период независимости Полоцкого княжества подобное отношение переносилось на Изяславовичей, а после образования ВКЛ - на Гедиминовичей. Сами члены правящей династии рассматривали государство как вотчину и наследуемое семейное владение [209, с. 67; 255, с. 166-167]. Великий князь в силу своего первородства обладал верховенством над остальными братьями и раздавал им надель в виде уделов. Из-за частой смены великих князей земли перераспределялись, что замедляло становление феодальных отношений.

Ротации князей, сильная власть общин, отсутствие аллодиальных владений замедляли процесс оседания на землю бояр. Начавшийся в XII - XIII вв., он был прерван монгольским завоеванием, и только в княжествах, существовавших на белорусских землях и вошедших в ВКЛ, наделение бояр землей получило продолжение. Благодаря гипотетически свободному доступу к службе в княжеской дружине, а следовательно, к боярству, оно не образовывало внутренне замкнутого социального слоя [266, с. 107]. Полученные за службу земли становились личной собственностью бояр, а не условным владением. Боярин, являлся ли он членом княжеского совета или просто нес службу у князя, был в

период не его вассалом [36, с. 202, 203], а скорее придворным [198, с. 73]. Его богатство состояло не столько в земельной собственности, сколько в движимом имуществе в виде ювелирных украшений, оружия [95, с. 47].

С IX по XIII вв. в восточнославянских княжествах, несмотря на периодическое изменение их границ, возвышение одних княжеств и потерю государственности иными, не произошло качественных изменений в государственном и общественном устройстве, а следовательно, не было и вызванных ими разрывов в преемственном развитии права. Последнее в дружинном государстве носило преимущественно обычный характер. Как и в догосударственный период развития общества, оно было партикулярным. «Имяху бо обычаи свои, и закон отец своих и преданья, каждо свой нрав», - даже в начале XII в. летописец мог отличать системы права и обычаев полян от древлянских, кривичских и т.п. [249, с. 7].

Создание государства вызвало появление новых форм закрепления правовых норм. Формирование власти в форме приглашения «володел нами, и судил по праву» [15, с. 141] варяжских князей с дружиной повлекло необходимость заключения с Рюриком и со всеми князьями-скандинавами договоров («рядов») об условиях их пребывания на престоле. Укрепившись во власти и объединив славянские земли в единое государство, великие князья начинают издавать правовые акты-уставы, определяющие отношение власти к подвластным, регулировавшие вопросы налогообложения [83, с. 55]. Так, в 882 г. Олег обложил данью словен, кривичей и мери [182, с. 219-220].

Образование единого государства, его развитие в направлении централизации привело к созданию в начале X в. единого свода законов - «Закона русского» [286; 182; 274], не дошедшего до нас в подлиннике, но упомянутого в греко-русских договорах 911 и 944 гг. Представляя собой инновацию в правовом развитии, он сохранил тесную преемственную связь с обычным правом и являлся записью обычаев славянских племен. Установленные государством правовые нормы только начинали ограничивать сферу действия обычного права. Право решало задачи формирования и легитимации государственных политических институтов, начинало обеспечивать не только примирение, но и общественный порядок путем индивидуального наказания. Так, в «Законе русском» кровная месть начинает сочетаться с штрафом, казнью, правом помилования [182, с. 313].

В области правосудия еще сохранялось первобытное равенство сторон и состязательность процесса, но наряду с существующими общинными и территориальными органами разрешения споров возник княжеский суд. Право начинает защищать не только коллективную, но и частную собственность. Переход к письменному закреплению правовых норм и неразвитость абстрактного мышления обусловили казуистическую форму их изложения, стремление к перечис-

Влияние скандинавов в X - XII вв. не привело к разрыву преемственных связей в развитии восточнославянского права. «В процессе формирования древнерусской государственности варяги сыграли роль хотя и важного, но, тем не менее, одного из многочисленных факторов» [151, с. 90]. В области права они, как и в государствах Европы, «не пытались ликвидировать ранее существовавшие политические и правовые институты завоеванных народов, а скорее стремились в максимально возможной степени использовать их в рамках новой политико-правовой структуры...» [25, с. 387]. Малочисленность, отсутствие тесных связей в местном сообществе не давали норманнам возможности осуществлять давление на общество, большее за предусмотренное обычаем и традициями [161, с. 138]. С.В.Юшков в своем исследовании, посвященном первому писанному источнику восточнославянского права - «Русской правде» - приводит многочисленные свидетельства отсутствия значительного иностранного влияния на восточнославянское право [274, с. 352-371].

В данный период происходила постепенная модификация принципов архаичного права. Принцип коллективной собственности на землю начинал ограничиваться в пользу князя и бояр. Еще одним принципом права стала дифференциация правового статуса различных слоев населения.

В зависимости от общественного и имущественного положения потерпевшего и преступника устанавливалась разная уголовная ответственность. Данный принцип преемственно сохраняется во всех писанных источниках данного периода. Уже в Правде Ярослава (начало XI в.) отмечается более упрощенная судебная процедура для пришлых воинов княжеской дружины и отсутствие правоспособности у холопов. Правда Ярославичей (70-е гг. XI в.) уже четко свидетельствует о неравенстве населения, дифференцируя размеры наказания за убийство в зависимости от социального статуса жертвы. Разная ответственность устанавливалась и за вред, причиненный княжескому имуществу и имуществу простых людей [251, с. 8-9].

Дифференциация размеров наказания в зависимости от социального статуса жертвы преемственно сохраняется и в XIII в. В соответствии с договором 1229 г. между Смоленским, Витебским и Полоцким княжествами с одной стороны, Ригой, Готландской землей и немецкими городами - с другой, различаются размеры взысканий за убийство и нанесение вреда здоровью свободного человека, попа, посла и холопа [58, с. 16]. При этом не имел значения статус самого убийцы, что свидетельствует о только начавшемся процессе укоренения принципа социальной и юридической дифференциации [95, с. 46].

Преступление традиционно понимается не как нарушение закона или княжеской воли, а как «обида», т.е. причинение материального или морального вреда лицу или группе лиц [231, с. 24]. Уголовное правонарушение не отлича-

В X в. начало осуществляться существенное изменение в культурной подсистеме общества восточных славян, которое потенциально могло привести к разрыву в развитии права. Представляется все же, что принятие христианства не вызвало разрыва в развитии государства и права. Во-первых, современные исследователи отмечают поверхностный характер восприятия христианства восточнославянскими племенами [198, с. 75], его длительное укоренение от высших слоев населения к низшим, соответственно которому медленно менялись обряды и обычаи [159, с. 32]. В данном случае необходимо помнить и о сильной социальной инерции при изменении культурных ценностей. Во-вторых, христианство восточного образца, как и христианство западного образца до конца IX в. пришедшее к германцам, не было озабочено реформой общественных институтов. «Его послание людям касалось жизни мира грядущего и подготовки к этой жизни» [25, с. 74].

Однако христианство заложило и подоснову для общественных изменений, модификаций в понимании власти и права. Единая христианская вера преодолела разницу межплеменных верований. Великий князь стал представителем универсального божества, чья власть простиралась на все племена. Христианство усилило роль князей в области правосудия, считалось, что они назначены Господом быть судьями в особых случаях. И самое главное, обращение в христианство дало толчок записи племенных обычаев. Во-первых, христианство принесло письмо, а письмо позволило фиксировать обычаи, что облегчало переговоры по улаживанию споров и укрепило зарождавшуюся юрисдикцию властей по наказанию самых серьезных преступлений. Во-вторых, запись обычаев давала возможность произвести некоторые изменения в них. Христианские священники и монахи становились советниками при князях и способствовали развитию идей, привнесенных из Византии, об усилении княжеской власти и объединении земель.

Первыми источниками церковной юрисдикции на землях Беларуси, вероятно, были Статуты (Уставы) Владимира и Ярослава. Церковное право, которое нашло отображение в этих актах, представляло собой итог определенного синтеза местного дохристианского и церковного византийского права, как того требовали условия христианизации общества того времени. Позже, когда влияние христианства устоялось, нормы церковного права начали использоваться со своих первоисточников (Номоканона, Кормчей книги). В начале своего существования Кормчие не выступали в качестве действующих источников права, так как существовала значительная разница в социально-экономическом развитии между Византийской империей и Русью, поэтому в XII-XIII вв. создаются их адаптированные сокращенные варианты, в которых «составители пытались сгладить те черты греческого права, которые резко противоречили нравам сво-

бодного народа» [83, с. 64]. Через них осуществлялась рецепция как норм и институтов византийского права, так и законодательства Юстиниана [91, с. 38].

На рубеже X-XI вв. по Уставу Владимира устанавливалась десятина в пользу церкви, определялась подсудность суда митрополита или епископа по делам между служителями церкви, а также между светскими лицами по делам о ересь, причинении ущерба или оскорблении церкви, преступлениям, связанным с сексуальной сферой или супружеской жизнью, отношениям по поводу заключения или расторжения брака, имущественным и личным отношениям супругов и членов семьи, преступлениям против морали [243, с. 187].

Устав Ярослава был составлен в XI - XII вв. для регулирования брачно-семейных отношений. В Уставе предусматривалась семейная ответственность за вину одного лица, борьба с языческим брачным правом (многоженством) и установление христианского единобрачия, запрет двоеженства, многоженства, в определенной степени признание и уравнивание языческого (невенчанного) брака с церковным, признание самовольных разводов. Устав отображал процесс установления моногамии, но брачно-семейным отношениям в то время были свойственные черты переходного периода от полигамной к моногамной семье [65, с. 93].

Уставы Владимира и Ярослава отобразили определенную степень влияния христианства в обществе и роли церкви в государстве, в них была сделана попытка взять под контроль государства семейные отношения. Г. В. Дербина приводит мнение Я.Н.Щапова, который считает, что Уставы «превратили канонические нормы церковной жизни с норм этичных и связанных с препровождением культа в нормы публичного права, которое подлежит контролю со стороны государственного чиновничества» [65, с.93-94].

Писанное церковное право было направлено на разрыв преемственных связей в развитии регулирования брачно-семейных отношений, однако обычное право, основанное на языческих традициях и ценностях, еще долго регулировало семейные отношения на территории Беларуси.

Церковная форма заключения брака не скоро была воспринята на Руси, где в общественное сознание было глубоко укоренено понимание брака как светского института. В XI в. церковные браки заключали лишь представители высших слоев общества - бояре и князья, а простые люди по-прежнему обходились без благословения и венчания, «устраивая свадьбы с плясанием, гудением и плесканием» [151, с. 166; 210, с. 72].

Ю.Бардах, изучавший обычное брачное право русинов ВКЛ XV - XVII вв., свидетельствует, что древнерусское право, продолжало признавать браки, которые заключались без участия священника, что противоречило точным постановлениям византийского права, которое уже с конца XII в. брало под специальную защиту жену, брак с которой заключался в церкви, желая таким обра-

зом поднять авторитет церковного брака [20]. Он же приводит утверждение митрополита киевского Ионы, который в конце XV в. утверждал, что отношения, которые касаются брака, еще остаются под языческим влиянием. Браки заключались без участия церкви, а в сфере разводов существовала большая свобода [20]. В его исследовании приводятся многочисленные случаи, когда в ВКЛ даже в XV - XVII вв. стороны, начиная тесное и прочное сожитительство, не считали нужным санкционировать его церковным браком и разводились в светских судах, нарушая церковные правила [20].

Следовательно, отменяя обычное право в сфере брачно-семейных отношений, церковные источники формально приводили к разрыву преемственных связей в развитии данной отрасли права, но фактически «приживались они длительно и трудно» [211, с. 6]. «Греция обнаружила свое влияние не во столько, во сколько сама хотела обнаружить его, но во столько и в таких формах, из каких сами русские хотели принимать ее влияние; ни светская, ни духовная власть Восточной Империи не могли иметь решительного влияния на явления древней русской жизни, не могли выставить начала равносильного господствовавшим в ней началам, которые потому и развивались свободно и независимо» [83, с. 66; 216].

Таким образом, право, действовавшее на белорусских землях в IX - XIII вв., следует рассматривать как однородное, не имевшее разрывов преемственности в своем развитии. Преемственность права была обусловлена отсутствием кардинальных изменений в подсистемах общества того времени, независимостью их от смены государственных форм. Принятие христианства, рецепция норм церковного права лишь формально разорвали преемственность в развитии некоторых отраслей права, фактически подчеркнув процесс сокращения влияния родоплеменных отношений и усиления государственной власти.

3.2 Дискретность и преемственность в праве ВКЛ и Речи Посполитой

3.2.1 Образование ВКЛ и развитие права на восточнославянских землях в середине XIII - конце XIV вв.

Общее происхождение (синтез славянских и балтских племен), сильные экономические связи, внешние угрозы стали причиной к объединению белорусских и литовских земель в середине XIII в. в единое государство - Великое княжество Литовское, Русское и Жамойтское.

Очень образно данный процесс описал М. Николаев: «В политическом плане происходило повсеместное падение княжеских столов Рюриковичей и переход власти к литовским династиям. Население просто отрекалось, выталкивало Рюриковичей, которые давно стали символом краха и позора, слабости и бессмысленной жестокости, определенного единства, да, но единства насквозь дурного, фальшивого, единства постоянных войн и крови и при этом полного бессилия и даже раболепия перед внешним врагом. С другой стороны, эта свобода (от монголов) служила мощной объединительной причиной, которая реально объединяла земли Северо-Западной Руси задолго до установления их династического единства под «гербом Колюмнов» (династический герб Гедиминовичей)» [160].

Новое государство ни в общественном устройстве, ни в государственном строе качественно не отличалось от восточнославянских княжеств. К моменту заключения Кревской унии оно являлось обществом с ранней государственностью, а власть князя опиралась на патримониальную концепцию [23, с. 37]. В отсутствие традиций отчуждения земель в частные владения все правящее сословие жило не за счет принадлежавших ему земель с крестьянами, а за счет государственных доходов. Крестьяне, оставаясь лично свободными, являлись наследственными держателями земель в общинах. Крупная земельная собственность в XIII - XIV вв. отсутствовала у феодалов [198, с. 62]. В данных обстоятельствах долго не формировалось землевладение служилого строя - рыцарей, задерживалось их оседание на землю

В культурной сфере ВКЛ также значительно не отличалось от восточнославянских княжеств X - XII вв. В нем тесно переплетались православие и язычество, при некотором различии в степени христианизации входивших в него земель.

Образование ВКЛ не повлекло разрыва в преемственном развитии права на белорусских землях. Бояре удельных княжеств и жители крупных городов заключали с великим князем договоры о его верховной власти и сохранении местного самоуправления земель с их стародавним обычным правом. Применялся юридический принцип, который затем подтверждался в тексте областных грамот от имени великого князя: «Мы старины не рушаем, а навины не уводим...» [186, с. 142].

Фактически в тот период истории ВКЛ балтские земли жили по балтскому обычному праву, а восточнославянские по обычному праву и древнерусскому писанному праву. Брачно-семейные отношения язычников регулировались по языческим обычаям, у православных - по церковным писанным источникам - Статутам Владимира и Ярослава, Кормчим книгам, а у немногочисленных католиков - Декретами Грациана XII в., Декреталями Григория IX (1234 г.).

Как право на белорусских землях периода IX - XIII вв., а также право наро-

процесс создания норм и принятия решений. Оно «не было навязанным сверху сводом правил, а скорее неотъемлемой частью коллективного сознания... Сам народ творил закон и суд на своих собраниях; когда короли утвердили свою власть над законом, это было сделано с намерением руководить обычаем и правовым сознанием народа, а отнюдь не переделыванием его» [25, с. 86].

Таким образом, образование ВКЛ не вызвало качественных изменений в социальной и культурной жизни восточнославянского общества, проживавшего на входивших в него белорусских землях, не привело к разрыву в развитии права.

3.2.2 Возникновение и развитие общегосударственного, феодального (ленного), манориального и городского права ВКЛ и Речи Посполитой в конце XIV - середине XVIII вв.

Формирование и развитие права в ВКЛ после заключения Кревской унии в конце XIV в. тесно связано с государственно-правовыми процессами в Западной Европе, поэтому необходимо кратко отметить наиболее важные события, которые повлияли на формирование отличительных черт западного государства и права Средневековья.

В результате значительных изменений в общественной, экономической, правовой и культурной жизни в XI - XII вв. в Западной Европе, связываемых с «Папской революцией 1050 - 1150 гг.», было создано первое государство в современном его понимании - католическая церковь, первая современная западная система права - каноническое право [25, с. 118, 119-120].

В целом можно говорить о трех основных направлениях в развитии права в этот период: построение новой системы правовых норм, опиравшейся на новое понимание справедливости, становление процедур и институтов средневековой юриспруденции.

Новая правовая система - каноническое право - была построена на иерархических началах (иерархия источников и норм) и опиралась на свод принципов. Право стало средством и результатом борьбы церкви за свою независимость, но при этом появление соперничающих церковной и светской властей привело к их институционализации, установлению юрисдикций их судебных органов. В борьбе с церковью появляется светское государство и право.

Для систематизации и рационализации права в целях поддержания сложного равновесия множественных конкурирующих систем права возникла западная наука права и юридическое университетское образование. Разработанные «глоссаторами» и «комментаторами» схоластические методы позволяли

строить органические системы права, устраняя противоречия как внутри каждой из них, так и между конкурирующими юрисдикциями властей.

«Папская революция» содействовала коренным изменениям в социальной и экономической подсистемах общества - развитию торговли и бурному росту городов, развитию ремесел. Становление сословий и систематизация отношений между их членами привели к появлению построенных по образцу канонического и королевского права, сословных светских правовых систем - феодального, ма-нориального, городского, торгового и гильдейского права.

В основе западного сословного права лежало единое понимание справедливости. «Справедливость требует, чтобы за каждый грех (преступление) было заплачено отпущением и страданием, которые были бы адекватны греховному поступку и нарушенному закону» [200, с. 135]. При этом справедливы те отношения, которые примиряют сложившиеся социальные позиции, позволяют сосуществовать разным социальным субъектам. Право, подчеркивает Г.Дж.Берман, возникло в ответ на «потребность» примирить бушующие конфликты между и внутри социальных и политических структур и в то же время осознать структурное единство всего общества (Европы, Запада, западного христианства), частью которого они являлись, и найти настоящий синтез» [25, с. 164].

Такое понимание справедливости, единство принципов, на основе которых строились сословные правовые системы, и функций, определявших их содержание, обусловили преемственное развитие права западноевропейской цивилизации с XI по XV - XVI вв., до периода Реформации.

Славянские земли в Центральной и Восточной Европе не принадлежали на тот момент к западноевропейской цивилизации. В то время, когда в Западной Европе в XI - XII вв. осуществлялся переход к развитому феодальному обществу и сословному государству, в славянские дружинные государства только начали проникать феодальные отношения. Через политические и личные контакты, принятие католичества, немецкую колонизацию и экспансию, осознание необходимости перехода от дружинного войска к рыцарскому, опиравшемуся на воинов-рыцарей, осевших на землю, сословные устои внедрялись в западославянские государства. В славянских государствах Центральной Европы с XI - XII вв. усиливаются индивидуальные права крестьян на наделы, а знать, особенно с XIII в., начинает получать от князей землю и иммунитетные привилегии, принятые в Западной Европе [21, с. 39]. Форсирование центральной властью перехода к феодализму опиралось на заимствование иностранного права.

К XIV в. Польша уже представляла собой сословное монархическое государство западноевропейского образца с обособлением государства (Короны Польской) от личности правителя, а в ВКЛ процесс становления зрелого со-

Как и в случае с западными славянами несколькими веками раньше, иностранное влияние обусловило ускорение процессов феодализации, изменение типа государства и права. Необходимость отражать немецкую и монгольскую агрессии, соперничать в объединении славянских земель на Востоке с Московским княжеством и другие внутренние и внешние причины вызвали заключение унии между ВКЛ и Польшей в 1385 г. С этого момента начинается ускоренное общественное развитие Княжества в направлении развитого сословного строя. Обиная период индивидуальных привилегий, в ВКЛ с 1387 г. начинают выдаваться, со ссылкой на польский пример, общеземские привилегии, предоставляющие шляхте феодальные сословные иммунитеты и привилегии. Постепенно, начиная с конца XIV в., формируется феодальное сословное право.

Принятие привилегия великого князя ВКЛ и короля Польши Ягайлы 1387 г. имело целью склонение панов и бояр к объединению ВКЛ с Коронай Польской, привлечение их в новую веру и, возможно, нейтрализацию попытки недовольных князей искать у магнатов и бояр поддержки против политики Ягайлы. Благодаря принятию данного привилегия начала осуществляться кристаллизация сословной структуры в ВКЛ, что способствовало политической активизации боярства. Так, в 1398 г. Витовт собрал съезд феодалов на острове Салин, а в 1401 г. в заключении Виленско-Радомской унии принимали участие 30 бояр (но всего один князь и один маршалок) как представители «кровных и родных». Литвинское представительство, имея сословный характер, опиралось на живую в современной им Литве родовую организацию магнатов и высшего боярства, а не на принцип земской, т.е. территориальной, организации шляхты, которая доминировала уже в соседней Польше. Так старина мешалась с новизною [23, с. 48].

Подобное наблюдается и при заключении Городельской унии 1413 г., когда 47 представителей литвинских родов, которых Витовт сам выбрал, заключили побратимство с польскими феодалами и получили право участвовать в выборе великого князя, давать согласие на избрание польского короля.

Ускоренность процесса феодализации, обеспеченная насаждением его сверху, первоначально вызвала отчуждение в среде членов династии и местных князей. Прежде всего находила непонимание новая концепция власти, предполагающая отделение личности правителя от понятия государства. В подобной ситуации, как отмечает Ю.Бардах, мазовецкие князья соглашались принести присягу верности только королю, а «не Короне Королевства, утверждая, что если бы присягнули короне, то каждый из короны мог бы их считать своими ленниками, и они лучше умрут, чем потерпят такое унижение» [23, с. 41]. Ситуация усугублялась и противоречиями, существовавшими между литвинской и русской частями ВКЛ, особенно после принятия первой католичества.

паратизмом князей в оформившемся сословии шляхты. В первую очередь на это повлияло распространение иммунитетов и привилегий по общеземским привилегиям 1432 и 1434 гг. на всю шляхту независимо от вероисповедания. Одновременно землям выдавались областные грамоты.

Великий князь преемственно сохранял свои широкие полномочия: вести международные дела, вступать в союзы, объявлять войну и заключать мир, распоряжаться вооруженными силами государства, государственным имуществом, доходами, казной, наделять государственным имуществом, титулами и званиями, осуществлять высший суд и т.д. Он фактически был «центром правительственной деятельности» [140, с. 53].

После Кревской унии на ВКЛ распространилось возникшее в Западной Европе после «Папской революции» новое представление о королевской власти, которое включало признание законодательной роли великого князя. С конца XIV в. в ВКЛ возросла законодательная активность князя: выдавались общегосударственные привилегии, содержащие нормы как публичного, так и частного права, причем количество последних постепенно возрастало. В 1468 г. был выдан Судебник Казимира Ягеллончика - первый кодифицированный нормативный правовой акт по уголовному и уголовно-процессуальному праву. Разумеется, нормы частного права в первых законодательных актах княжеской власти во многом опирались на обычное право, но сама законодательная активность великих князей на фоне предыдущих этапов развития государства и права является показательной.

Предоставление шляхте привилегий и наделение их землями из государственного земельного фонда привело к формированию сословия и возникновению сословных органов. Совет при князе (Рада) существовал еще в эпоху Киевской Руси и началах ВКЛ [272, с. 112-113]. В тот период Рада была в основном совещательным органом при князе. Она формировалась из родственников князя - правителей удельных княжеств, а также близких слуг, помогавших ему в управлении.

С ростом влияния крупных феодалов в середине XV в. великий князь все чаще начинает призывать в свой совет именно их представителей. Малолетство Казимира, отсутствие великого князя в государстве в связи с совмещением им королевского трона Польши и княжеского ВКЛ, передача государем огромных земельных угодий панам-радным привели в конце XV в. к активному участию Рады в законодательной деятельности. По привилегии Александра 1492 г. великий князь уже не может отменять или изменять постановления, принятые им с согласия панов-рады, а по «пастановам і справам» переданным для «абговорвання» в Раду «выконваць тое, што яны радзілі» [191, с. 48]. Привилегией Жигимонта Старого 1506 г. еще более увеличил полномочия Рады, возложив на великого князя обязательство не толковать и не изменять старых и не

Преемственное развитие получил и институт Сойма. Большинство исследователей сходятся в том, что данный институт берет свое начало в общих собраниях племенного строя и раннего этапа развития государственности [213, с. 4]. Преобразование съездов военнослужилых людей в представительный орган привилегированного сословия ускорилось после Кревской унии. Именно с ней некоторые ученые связывают развитие Сойма в ВКЛ [283, с. 18]. В течение XV в. имеют место лишь эпизодические собрания Сойма [194, с. 375], но уже с конца XV в. он окончательно конституируется как орган шляхетского представительства. Первоначально Сойм представлял собой расширенное собрание Рады и роль шляхты в нем была невелика [282, с. 38-39], однако к середине XVI в. шляхта в союзе с королем добилась заключения унии с Польшей [276, с. 284], расширения своих прав и вывела Соймы из-под влияния магнатов.

На Бельском Сойме ВКЛ в 1564 г. магнаты под давлением шляхты дали согласие на создание земских сословных судов, где кандидатов на должности судей избирали шляхетские соймики. Одновременно была произведена новая административно-территориальная реформа. Новые поветы, созданные в 1565-1566 гг., были не только единицами судебной, административной, военной организации, но и сословной организации шляхты, так как каждый повет имел свой поветовый соймик. Реформа местных органов власти в 60-х гг. XVI в., «проведенная по польскому образцу, привела к потере связи с населением» [141, с. 10]. Местные органы власти окончательно приобрели сословный характер.

Довершила процесс эмансипации шляхты берестейская поправка Статута 1566 г., вводившая свободу отчуждения наследственных маентков без согласия родственников и государя, что еще раз подчеркивает единство феодального и конституционного права в ВКЛ в данный период.

Период шляхетской демократии продлился до конца XVI в., а с начала XVII в. влияние снова перешло к магнатам Речи Посполитой. Однако фактическое перераспределение власти между социальными группами не повлекло изменений в институтах конституционного права. Последнее строилось на сословных принципах равенства всех членов шляхетского сословия, что вытекало в принцип единогласия при принятии решений на соймиках и Вальном сойме, принцип законности, который ограничивал все органы власти требованием подчиняться праву и давал право рокаша (восстания) шляхте при нарушении монархом ее привилегий. Принцип равенства затрагивал и сферу правосудия, все (а подразумевалась шляхта) были равны перед законом и судом и могли быть судимы только равными по положению. Данные принципы обеспечивали неизменность в развитии конституционного права сословного государства и общества, которое без существенных изменений просуществовало до середины XVIII в.

Г. Ловмянского о том, что в этот период имела место ускоренная эволюция общества княжества в направлении развитого сословного строя, эволюция, основанная на «перепрыгивание» ВКЛ периода индивидуальных привилегий [23, с. 43]. Однако «перепрыгивание» через этап, ускорение в развитии на несколько десятков, а то и сотен лет, с очевидностью подтверждает наличие дискретности в развитии права, вызванной рецепцией иностранных общественных и правовых идей.

Разумеется, использование Кревской унии 1385 г. как границы деления истории права на этапы носит символический характер, но она является тем рубежом, после которого в право на белорусских землях начали вноситься многочисленные изменения, произошла масштабная доктринальная рецепция западноевропейских сословных порядков. Само право стало восприниматься как система, а государство, в отличие от предыдущего периода правотворческой активности народа, как активный законодатель.

В конституционное право ВКЛ активно внедряется идея различия между государством и великим князем. Дружинные по своей основе совещательные органы при князе и общинные органы управления на местах превращаются в сословно-представительные органы. Данные и иные существенные отличия двух этапов развития права, их обусловленность заимствованием иностранного опыта великокняжеской властью, проблемы с его восприятием населением, длительным укоренением в реальной жизни, свидетельствует о разрыве преемственных связей в развитии права на белорусских землях.

После принятия Кревской унии земельные правоотношения также были подвергнуты кардинальному переустройству, что нашло отражение в появлении и развитии ленного права в ВКЛ. В Великом княжестве этот процесс сопровождал рост политического влияния шляхетского сословия.

Если в Западной Европе феодальное право формировалось снизу, в форме обычаев, индивидуальных пожалований, затем в форме частных обобщений обычного права и только затем слилось с более сильным и динамичным королевским (общегосударственным) правом, то в ВКЛ феодальное и княжеское право были изначально слиты воедино. В издаваемых великим князем актах нормы, традиционно относящиеся к европейскому средневековому княжескому праву - вопросы обеспечения мира (нормы ответственности за наиболее опасные правонарушения), управления (создания государственных органов в центре и на местах) и юрисдикции (юрисдикция князя и назначенных им местных должностных лиц), сочетались с нормами, предоставляющими сословные льготы всему классу феодалов.

Первоначально верховным собственником всех земель государства был великий князь. Крупная земельная собственность в XIII - XIV в., как отмечалось, отсутствовала у феодалов ВКЛ [198, с. 62]. Только с конца XIV в. параллельно

с переходом к сословному рыцарскому войску осуществляется массовое наделение мелких феодалов землями под условия военной службы. В актах дарения часто отмечалось, что право нового держателя земли составляет получение той данины и службы, которые ранее исполнялись в пользу великого князя [77, с. 69]. И если в конце XIV в. на государственных землях проживала большая часть населения, то в первой четверти XVI в. только одна треть [67, с. 44].

В конце XV в. по привилею Александра 1492 г. произошло юридическое размежевание великокняжеских и государственных земель, как результат укоренения представлений о разделении личности правителя и государства только в конце XV - XVI вв. [76, с. 14].

В дальнейшем своем развитии ленное право ВКЛ, как и в Западной Европе, опиралось на ряд принципов, обеспечивавших его преемственное развитие и существование до середины XVIII в.: наследуемость феода, его отчуждаемость вассалом, равенство в рамках сословия, ответственность за нарушение обязательства, взаимность прав короля (сеньора) и шляхты (вассалов), например, служба и повинности шляхтича корреспондировались с обязательством князя без причины не отнимать феода, не допускать иноземцев к владению землями и др.

Возникновение феодального (ленного) права в ВКЛ тесно связано с возникновением и развитием манориального права. В развитии последнего также имело место привнесенное извне ускорение социальных процессов центральной властью, отразившееся в быстром формировании сословного манориально-го права, регулирующего отношения между помещиком и феодально-зависимыми крестьянами.

До конца XIV в. подавляющее большинство крестьян были свободными общинниками, жившими на великокняжеских государственных землях и платившими «данину» в виде натурального «оброка», участвовавшими в несении воинской службы. Привилей 1387 г. указывает, что военный поход «Погоня» считается обязательным для каждого, кто может держать оружие в руках [192, с. 40], но к обычной воинской службе крестьян, как правило, уже не привлекали.

В период после заключения Кревской унии вместе с процессом формирования феодальных отношений начинается ускоренное закрепощение крестьян. Вместе с даренными в держание землями, где проживали общинники, великий князь передает в пользу феодала часть или большинство повинностей крестьян этой земли. Данную практику с перечислением повинностей в пользу феодалов и в пользу государства, а также право феодалов судить своих крестьян закрепил привилей Казимира 1447 г. В XVI в. феодалы добились окончательного законодательного закрепления в Статутах ВКЛ своих прав на землю и личность крестьян [71, с. 34-35].

ими своей свободой и превращения в лично свободных арендаторов земли, то в ВКЛ поздний приход феодальных отношений, слабость городов и выгодная рыночная конъюнктура в виде высоких цен на сельскохозяйственную продукцию обеспечили закабаление крестьян и консервацию феодальных отношений до конца XVIII в. [198, с. 63-64, 88].

Многовековая история закрепощения является ярким примером сочетания в праве элементов традиции, опиравшихся на нормы обычного права, и инноваций, содержащихся в актах государства. В целом манориальное право строилось, как это не покажется странным, на принципе взаимности прав и обязанностей феодалов и крестьян, являвшимся одновременно и результатом, и источником преемственности. Обязанность хозяина манора не изменять повинности крестьян сначала вытекали из обычного права [54, с. 110-11], ранее регулировавшего их повинности в отношении великого князя, а затем с укреплением крепостничества повинности крестьян были расписаны в «Уставе на волоки» 1557 г. Разумеется, в результате злоупотреблений феодалов или их наместников повинности крестьян к середине XVIII в. возросли [67, с. 118], но взаимность прав, как принцип манориального права, оставалась неизменной.

Таким образом, появление систем феодального и манориального права в ВКЛ с конца XIV в. являлось результатом разрыва преемственности в развитии права на белорусских землях. Ранее не носившие массового характера феодальные отношения после принятия Кревской унии стали в ускоренном порядке насаждаться в обществе. В результате в ВКЛ проявились свои особенности - основным источником феодального и манориального права и в материальном, и формальном смысле стала государственная власть и ее правовые акты. Стремление власти перенести в государство западноевропейские порядки столкнулось с сопротивлением населения, устои развитого феодального сословного общества укоренились лишь к концу XV - первой половине XVI вв. Так, в восточных регионах ВКЛ закрепощение крестьян проходило медленнее, сохранялись общинные традиции, и власти, заинтересованные в лояльности населения, учитывая противостояние с Московским государством, шли на сохранение «старинны», «даже вопреки интересам землевладельца» [198, с. 89; 270, с. 87].

Развитие городского права в ВКЛ как сословной правовой системы также было ускорено великокняжеской властью после заключения Кревской унии.

Если в Западной Европе города как правовые сообщества возникли в XI-XII вв., в Центральной Европе под влиянием немецкой колонизации - лишь в XIII-XIV вв. [197, с. 26], то на белорусских землях появление городов нового типа, «жители которых составляют общину, являющуюся правовым образованием и имеющую присущие ей законы и институты, занимающиеся коммерцией и промышленностью (ремеслом), а не земледелием» [25, с. 337], относится лишь к XV - XVI вв. До этого времени большинство городов

большие укрепленные поселения, которые обеспечивали безопасность торговых путей. Они являлись центрами мелких княжеств и подчинялись княжеской власти. Исключение составляли лишь несколько городов, расположенных на торговых путях (как, например, Полоцк) и бывших довольно независимыми от князя.

Как и развитие ленных отношений, становление сословного городского права было ускорено внешними факторами. После заключения Кревской унии великий князь выдает привилеи на самоуправление по магдебургскому праву в 1387 г. Вильне, а в 1390 и 1391 гг. - Берестье и Городне. При этом, как отмечает Ю. Бардах, немаловажным здесь был элемент престижа [23, с. 148]. Городское население на тот момент еще не было сформировано как сословие, осознающее свои экономические и правовые интересы, да и количественно оно было невелико [153, с. 160].

На развитие городов в ВКЛ в XIV в. влияла неразвитость феодальных отношений: большинство крестьян были свободными общинниками и не стремились в города. Только с активизацией закрепощения крестьян в середине XV в. начался рост городского населения. Произошло выделение самостоятельного городского сословия, закрепление за ним термина «мещане» [273, с. 26]. Тогда же возросла заинтересованность княжеской власти в увеличении прибыли от торговли, привлечении новых жителей («к посполитому доброму размножению» [193, с. 91]), в организации обороны [40, с. 90], в распространении католичества (католики в обязательном порядке вводились в органы управления городом [149, с. 112]), что и вызвало в конце XV в. новую волну предоставления городам магдебургского права: в 1441 г. его получил Слуцк, в 1498 - Полоцк, 1499 - Минск и др.

Включение в органы управления городов, получивших магдебургское право, католиков на паритетных основаниях с православными, в условиях численного меньшинства первых, еще раз свидетельствует о тесной связи новых городских порядков с западным культурным и политическим влиянием.

Вопрос о преемственности между городским правом в городах, получивших самоуправление по магдебургскому праву в ВКЛ в конце XIV - XVI вв., и городским правом восточнославянских княжеств IX - XIII вв. - дискуссионен. Прежде всего следует отличать нормы городского права, регулирующие управление городом, и нормы, которые использовались в магистратских судах.

В IX - XIII вв. органы власти в городах носили общинный характер. Самоуправление в форме вече, достигавшего в отдельные периоды в некоторых городах значительного влияния, вплоть до решения судебных князей, было лишь вариантом общинного самоуправления, характерного для раннегосударственного периода [198, с. 76]. В нем участвовали свободные главы семей независимо от функций, выполняемых в обществе. Сословные

Процесс становления городских сословных органов в конце XIV в. форсировала великокняжеская власть. Массовость дарования грамот на магдебургское право в конце XV - XVI вв. свидетельствует об укоренении идей городского сословного самоуправления только к этому периоду.

В отношении норм, использовавшихся магистратскими судами также существует несколько мнений: 1) нормы настоящего магдебургского права в ВКЛ не использовались вообще, а существовали сборники собственных законов городов, как отмечает В. Антонович; 2) немецкое право в городах ВКЛ использовалось из первоисточников - «Вайхбильд Магдебурга», «Саксонское зеркало» (М. Ф. Владимирский-Буданов); 3) использовалось преимущественно магдебургское право в переработках Б.Гроицкого и П.Щербича (Ф.В.Тарановский); 4) в городах одновременно действовали источники магдебургского права и свое собственное городское право (З.Ю.Копыцкий) [64, с. 17]. Исследователи правильно отмечают, что в городских грамотах ничего не говорится о том, в чем же сущность вводимого немецкого права и какими изданиями немецких законов необходимо пользоваться. Нет в грамотах и норм уголовного, гражданского, семейного, земельного и других наиболее важных отраслей права [72, с. 5; 272, с. 201].

Действительно, немецкое право в ВКЛ напрямую не использовалось, заимствование было опосредованным, распространялись напечатанные в Польше тексты магдебургского права, начиная от расположенных в Статуте Лаского (1506). В ВКЛ имели хождение и компендиум магдебургского права Я.Тухольчика «Farrago actionum» (1531 г.), и латинские переводы М.Я.Яскера «Саксонского зеркала» и «Магдебургского Вайхбильда», и публикуемые с середины XVI в. по-польски произведения Б.Гроицкого и П.Щербича. На данные работы, особенно на труды последних двух авторов, часто ссылались адвокаты в городских судах [23, с. 144].

Наряду с заимствованным таким способом немецким правом, в городах ВКЛ действовали иные нормы. Даже сами грамоты, как, например, привилей Полоцку 1498 г., указывали не просто на перевод города «с права Литовского и Русского и которое, коли будет там держано, в право Немецкое Майдеборское», но на отмену лишь тех «прав, уставов и обычаев перводержанных, которые ж тое право Майдеборское нагабають або перакажають» [193, с. 91].

После принятия магдебургского права существовавшие до него правовые нормы стали играть субсидиарную роль. Прежде всего это касается норм стародавнего обычного права, генетически и преемственно связанного с предыдущим этапом развития права. Т.И.Довнар приводит мнение Ф.Тарановского о том, что «рядом с магдебургским правом действовало и применялось в судах обычное право, старина, стародавняя пошлина отцов и дедов» [72, с. 5]. В городах, получивших привилеи, часто встречаются и старые

Кроме правовых обычаев в городах существовали и собственные письменные источники права. Так, в Орше был обнаружен Вилькер (от нем. «воля» и «выбирать»), принятый в дополнение к магдебургским источникам с целью толкования мест, которые в «праве немецким майдеборским скрытыя і цьмяныя». Вилькер состоял из 36 статей, из анализа которых вытекает, что рецепция магдебургского права не затронула таких институтов местного права, как ответственность за убийство, за лжесвидетельство, наследственные отношения [64, с. 15]. Известно, что в Вильно и Львове также действовали свои Вилькеры, при этом автором первого считается известный юрист, доктор права Витенбергского университета А.Ратондус [64, с. 16], сторонник идей унификации правовой доктрины на основе римского права, который долгое время участвовал в управлении городом.

Таким образом, в сфере городского права заимствование касалось идей освобождения города от феодальных повинностей, сословного управления им. Первоначально столкнувшись с отсутствием условий для реализации, городское сословное самоуправление начало массово вводиться лишь в конце XV - XVI вв.

Материальное и процессуальное право городов опиралось на немецкое право, но последнее всемерно дополнялось местными нормами при регулировании специфики города. Их существование во многом свидетельствует о реакции на введение иностранного права, является попыткой снять противоречия между его нормами и правосознанием местного населения.

Само городское право в форме грамот о предоставлении магдебургского права преемственно существовало в ВКЛ с конца XIV в. до отмены его указами Екатерины II в конце XVIII в. [148, с. 8].

3.2.3 Значение Статутов ВКЛ в преемственном развитии права

Реформация в Европе середины XV - XVI вв. затронула основы мировоззрения той эпохи, вызвала существенные изменения в праве и сопутствовала изменениям в экономической подсистеме общества. В области права Ренессанс и Реформация выдвинули следующие идеи: примат государственного правопорядка над церковным, приоритет права и законов, гарантий и прав личности на жизнь и собственность, священность и нерушимость договорных и имущественных прав. В справедливости акцент был перенесен с достоинства Бога, при котором каждое правонарушение - ему обида и требует покаяния, на закон, установленный Богом (божественное и натуральное право). Нарушение, соответственно, требовало, в первую очередь, наказания как средства

В Западной и Центральной Европе протестантизм вызвал революцию в общественном сознании. Его правовые и общественные идеи укоренились в результате длительных войн и социальных преобразований даже в государствах, отринувших его религиозную доктрину. Первоначально в XVI в. лютеранство популяризировало идею перераспределения юрисдикции и власти в пользу государства в лице абсолютного монарха и оформления его как верховного светского законодателя. Позже получил распространение кальвинизм, который своими идеями о способности всех христиан, а не только правителей, к исправлению мира и приоритете местной общины во главе с выборным священником и старейшинами над любыми политическими властями, обеспечил основу таких возникших в новое время понятий, как общественный договор и правительство с согласия управляемых.

Следует отметить, что в период Средневековья и Ренессанса распространение правовых идей во многом осуществлялось посредством университетской правовой науки. Она имела наднациональный характер, формировала единую правовую доктрину, опиралась на изучение римского права и использовала латинский язык - международный язык общения той эпохи. Юристы, получавшие одинаковое университетское образование в вузах Европы, затем на основе разработанных наукой единых методов создания норм права, общих принципов права и единой терминологии разрабатывали законодательство в своих государствах, толковали и применяли закон.

Исследователи отмечают, что в XV - начале XVI вв. в правовой системе ВКЛ преобладала концепция школы постглоссаторов (комментаторов) [65, с. 52]. В Западной Европе они, провозгласив принцип «Где отсутствует местный закон, там используется общее (что значит римское) право» («*Ubi cessat statum habet locus commune*»), использовали последнее как основу для формирования частного права. Его принципы, дефиниции, институты, методы систематизации использовались для совершенствования права в государствах Европы, в том числе и в ВКЛ, где влияние комментаторов наблюдают в большей систематизации привилегий конца XV - начала XVI вв., закреплении в них основных принципов права, в использовании судьями доктрины и иностранных систем права [65, с. 53].

Вместе с Ренессансом в XVI в. на территорию ВКЛ проникают идеи школы права гуманистов, начинаются процессы рационализации, гуманизации и концептуализации права. Представители данной школы, например, Августин Ратондус, Петр Раизий и др., принимают активное участие в кодификационных работах. Обязательная систематизация права, проведение кодификационных работ логично вытекали из разработанной школой гуманистов концепции неограниченного суверенитета монарха, а следовательно, и преобладания издаваемого им писанного права над остальными правовыми источниками.

Кодификация в ВКЛ проходила в русле общеевропейского кодификационного процесса [51, с. 25]. При этом, по мнению Ю.Бардаха, в результате прямого воздействия западной культуры, правовая система ВКЛ из всех европейских государств носила наиболее выраженный ренессансный характер [22, с. 79].

Процесс кодификации права в ВКЛ в XVI в. был тесно связан и с распространением протестантизма, политико-правовое учение которого рассматривало кодексы как «инструмент Реформации» по совершенствованию общества [66, с. 131]. Значительное количество протестантов среди сенаторов, 35 % которых имело высшее юридическое образование, полученное за границей, руководителей и чиновников канцелярии ВКЛ [66, с. 131-132] обеспечивало рецепцию западноевропейских правовых идей, принципов и институтов.

Вопрос об источниках рецепции иностранного или римского права при создании Статутов ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. является дискуссионным. Большинство ученых, по свидетельству исследовавшей данный вопрос Г.В.Дербиной, отмечают полное соответствие развития права ВКЛ общеевропейским тенденциям, считают, что рецепция осуществлялась не только через правовую науку, каноническое и магдебургское право, но и в узком смысле прямо из *Corpus Iuris Civilis* (И.Алдаковский, Й.Асалинский, Я.Бандке, Ф.Басовский, И.Данилович, К.Кораный, И.Лаппо). Противоположное мнение высказывали Т.Чацкий, И.Ракавецкий и др. [65, с. 62].

Объем заимствования в каждом Статуте также вызывает различные мнения. Большинство ученых, в том числе А.Ф.Вишневецкий, Т.И.Довнар, И. А. Юхо, считают, что Статут 1529 г. строился в основном на обычном праве, однако в нем присутствуют и некоторые заимствования. В нем находят романтические элементы относительно распоряжения феодалами частью земельных владений, порядка составления завещаний, опекунского права и др. [77, с. 25]. При этом сам уровень юридической техники, выделение в Статуте норм частного права в отдельные разделы позволяют исследователям говорить о доктринальном влиянии на его составление системы школы права гуманистов [65, с. 70].

В Статутах ВКЛ 1566 и 1588 гг. заимствований больше, что объяснялось привлечением к их созданию «дактаров прав чужеземных» и выдающихся отечественных правоведов [77, с. 27]. Так, упоминавшиеся П.Раизий и А.Ратондус играли ведущую роль в деятельности комиссии по составлению Статута 1566 г. [74, с. 31].

Заимствования в основном касались римского права, которое воспринималось опосредованно, через влияние канонического права, «Саксонского зеркала», магдебургского права, польского Статута Лаского 1506 г. [75, с. 98, 99, 100, 101]. В Статуте 1566 г. более заметно влияние науки права: разработаны научные принципы классификации правовых норм и институтов,

ношений, усовершенствована юридическая техника и терминология. Однако нормы отечественного происхождения во всех статутах намного превосходили заимствованные, которые, как отмечает Н.А.Максимейко, всегда приспособлялись к местным условиям и касались в основном общих понятий, сформулированных в немецких кодексах учеными юристами в виде глосс [135, с. 174].

Представляется, что основанная на идеях Ренессанса и Реформации рецепция римского и иностранного права в XVI в. в ВКЛ не привела к качественному разрыву преемственных связей в развитии права на белорусских землях. Поздний приход феодальных отношений, неразвитость городов и буржуазных отношений не позволили гуманистическо-реформационным идеям произвести переворот в социальной структуре общества. Они усваивались компромиссно, согласовывались с феодальными представлениями о государстве, обществе и праве [37, с. 37].

В таких условиях рецепция осуществлялась выборочно, использовались те более совершенные правовые формы, которые позволяли скорее разрешить наиболее актуальные проблемы общества, но не вносили кардинальных изменений в его жизнь. Многие заимствованные правовые идеи в результате оставались декларативными, не подкреплялись реальными механизмами реализации. Кроме того, поскольку рецепцию совершала заинтересованная сторона по своей инициативе, то, как считает Ю.Бардах, в таких случаях заимствуются только те институты, которые эта сторона выбирает. В результате новые элементы ассимилируются правовой системой, она обогащается, но не изменяет своей сути [22, с. 76-77].

Прежде всего правом ВКЛ был воспринят принцип приоритета правопорядка, причем приоритета писанного правопорядка. А.Волан, Ф.Скорина и большинство мыслителей эпохи Возрождения отмечали важность права для государства, так как «его несовершенство, противоречие натуральному закону вызывают конфликты, бунты и даже междоусобные войны» [37, с. 51]. Уже в Статуте 1529 г. содержатся указания о единстве права и приоритете писанного права - «иж все подданные наши, так вбогие, яко и богатые,... ровно а одностайным тым писаным правом мають сужоны быти» (PI, Ст.9), единство и приоритет писанного права подтверждается и в посвященном судебному строю: «Теж уставуем: иж кожды воевода наш и старосты. не мають подданных наших иначе судити и правовати, леч тыми писаными правы, которыя есмо всим подданым нашим Великого Князства дали...» ^ .VI , Ст.1) [181].

Единство закона для всех подданных, приоритет писанного права, подсудность закону закрепляли и последующие Статуты: Статут 1566 г. PI, Ст. 1, 2, 16, 17 [221, с. 50, 51, 58]; Статут 1588 г. PI, Ст. 1, 2; P. III, Ст. 5 [222, с. 18, 44] и др.

сидиарным источником в первую очередь выступало писанное право христианских государств: «...судити и сказывати... толко водлуг сего статуту и артыку-лов в нем описаных... А где бы чого в том статусе не доставало, тогды суд, при-хияючыся до ближшое справедливости водлуг сумненья своего и прикладом иных прав хрестияньских то отпраовати и судити маеть» [75, с. 98; 223].

Приоритет писанного права, провозглашение единства права для всего населения страны, однако, сочеталось с существованием нескольких сословных правовых систем и их источников. Таким образом, в Статутах лишь намечался процесс становления единой общегосударственной правовой системы.

Принцип равенства перед законом и судом также претерпел модификацию. Наряду с его провозглашением в Статутах, а также провозглашением равенства между верующими разных конфессий привилегиями 1563, 1564 гг., актом Варшавской конфедерации 1573 г., Статутом 1588 г. (Р.Ш, Ст. 3) [222, с. 42-43], само право различных сословий оставалось разным, содержало различные привилегии и обязательства.

Провозглашаемые Ренессансом гуманизация права, свобода личности (Статут 1529 г. Р[^], Ст. 6 [181]; Статут 1566 г. Р[^]П, Ст. 7 [221, с. 194]; Статут 1588 г. Р[^]П[^], Ст. 3, 11 и др. [222, с. 197, 201]), защита личности и имущества независимо от сословной принадлежности (Статут 1588 г. Р[^]П, Ст. 1, 5, 7 [222, с. 182-183] и др.), сочетались с рабством, различием в размере наказания в зависимости от сословной принадлежности, возможностью внесудебной расправы над зависимыми людьми. Рабство все же постепенно сокращалось, и если Первый Статут рассматривал четыре источника рабства, второй - три, то третий закрепил лишь один - пленение, причем дети пленника рабами уже не считались (Статут 1529 г. Р.П, Ст. 12 [181]; Статут 1566 г. Р[^]П, Ст. 13 [221, с. 196]; Статут 1588 г. Р[^]П, Ст. 21 [222, с. 188]). Название «челядь невольная» Статутом 1588 г. [^].XIV, Ст.36) также заменялось на понятие «челядь дворовая» [222, с. 207].

Начиная с Судебника 1468 г., как отмечает в своем исследовании Т.И.Довнар, происходит восприятие новых идей справедливости и их выражения в понятии преступления и наказания. В Судебнике на первый план выдвигается противоправность деяния - преступник совершил «проступку», «над правом сягнул». Возврат в Статуте 1529 г. к старому понятию «кривды» - вреда частному лицу - лишь показывает постепенность и преемственность развития идей, так как в Статуте 1588 г. уже четко делается акцент на противоправности преступления, его общественной опасности [77, с. 133]. Одновременно с этим в статутах возрастала устрашающая роль наказания, «строгости посполитого права» [76, с. 22; 77, с. 181].

Все же наряду с присутствием принципа запугивания и существования

презумпция невиновности, освобождение от уголовной ответственности детей и психически больных лиц, постепенно нашли свое закрепление в Статутах.

Статуты ВКЛ положили начало оформлению отрасли гражданского права [52, с. 84]. Право собственности и договорные отношения были развиты и ранее, но они, соединившись с новыми идеями, стали выходить на первый план в правовом регулировании. По этой причине в XVI в. в праве ВКЛ отмечается значительное развитие норм и институтов гражданского права, а также связанных непосредственно с ними договорных отношений в области ссуды, найма, подряда и т. д., в которых вместо лица, относящегося к определенному сословию, начинает выступать в качестве субъекта договора абстрактное лицо: покупатель, собственник, залогополучатель. В Статутах появляются целые разделы, почти полностью посвященные гражданскому праву, напр. Р. VII Статута 1566 г. [221, с. 148-157]

Кодификация внесла изменения в процессуальное право. Происходит постепенная формализация процесса, которая способствует повышению авторитета писанного права. В Статутах нашел отражение процесс постепенного зарождения свободной оценки доказательств, публичности, гласности и состязательности судебного процесса, институционности судебной системы [78, с. 13], которые, однако, сочетались с различным отношением к субъектам процесса в зависимости от их социального положения (Статут 1588 г. Р^{III}, Ст. 3-6 и др. [222, с. 182-183]).

В наибольшей степени синтез традиционных феодальных и инновационных ренессансно-реформационных идей проявился в государственно-правовой сфере. Возникшие в рамках лютеранства идеи об абсолюте светской власти в лице монарха разделялись ведущими духовными деятелями той эпохи - С.Будным, А.Воланом, М.Гусовским, П.Скаргой, Ф.Скориной, но не привились в ВКЛ, и само лютеранство получило свое распространение в основном в среде иностранцев. Кальвинизм, напротив, был воспринят магнатами и шляхтой. В условиях неразвитости городов и буржуазных отношений, преобладания в политической сфере сословия феодалов восприятие протестантизма привело к тому, что идеи ограничения власти монарха, участия в управлении государством народом, широкого самоуправления на местах распространились лишь на привилегированное шляхетское сословие. В XVI в. они ограничили власть монарха представительным органом - Соймом, на местах создавались земские поветовые соймки, была выстроена отдельная от администрации судебная система земских шляхетских судов во главе с Трибуналом ВКЛ, действующая на принципах выборности и несменяемости судей. Большинство личных и гражданских прав, в том числе право собственности на землю, распространялись в основном на шляхту.

способливались к местным условиям. Право ВКЛ продолжало сохранять свой феодальный характер.

3.2.4 Развитие права Речи Посполитой в середине - конце XVIII в.

Эпоха Просвещения была отражением тех социальных изменений, которые во второй половине XVIII в. привели к существенному изменению всех подсистем общества. «Индивидуализм, рационализм, национализм - это триединое божество демократии - нашли юридическое выражение в превознесении роли законодательного органа и последующем сокращении законотворческой роли судебных органов; в освобождении действий индивида от контроля общества, особенно в экономической сфере; в требовании кодификации уголовного и гражданского права; в попытке сделать предсказуемыми правовые последствия индивидуальных действий (опять-таки в экономической сфере)» [25, с. 46-47].

В ряде государств преобразования произошли в результате революций, например, войны за независимость в США (Американская революция), Великой французской революции во Франции, остальные осуществили постепенные эволюционные изменения, восприняв их идеи. Политические революции вызывали кардинальное изменение правовых систем.

В истории права Беларуси невозможно четко проследить преемственность развития права в буржуазный период истории общества, так как в конце XVIII в. Речь Посполитая перестала существовать, белорусские земли вошли в состав Российской империи и развитие собственного правотворчества было прекращено до начала XX в. Все же с середины и до конца XVIII в. в Речи Посполитой начались государственные реформы, отразившиеся в конституционном законодательстве, исследовать которое на предмет его преемственности с предыдущим этапом развития права представляется возможным.

Стабилизация международных связей в середине XVIII в. ускорила экономическое возрождение государства, способствовало развитию капиталистических отношений. В духовной сфере им соответствовала и способствовала идеология Просвещения. Популярная философия французских энциклопедистов помогла обществу Речи Посполитой «посмотреть на свой быт критически и сформулировать свои неясные стремления к лучшему порядку вещей» [37, с. 86]. В разной степени в творчестве историков К.Галовки, Ф.Папроцкого, А.Нарушевича, М.Фогеля, публицистов М.Белазора, С.Канарского, К.Нарбута, юристов А.Загурского и Т.Астровского, физиократов

ления, юридической безграмотности чиновников и судей и предложения по реформированию государства на принципах рациональности, всемерного образования жителей, преобразования правопорядка в соответствии с идеями естественного права, закрепления естественных прав и свобод. Опираясь на их идеи, осуществлялись реформы Речи Посполитой середины - конца XVIII в.

В данный период на государственном устройстве только начинает отражаться переход общества от феодализма к капитализму, поэтому как для идей, так и для проводимых на их основе реформ, характерен синтез обеих эпох, сочетание традиций и инноваций. Сдерживающее влияние имел международный фактор, так как соседние государства препятствовали проведению реформ, оказывая их противникам финансовую и военную поддержку.

Реформы успели затронуть только конституционное право, но в соответствии с предписаниями Конституции 29 июня 1791 г. были созданы две комиссии депутатов от Польши и ВКЛ, которые должны были подготовить проект правовой реформы, разработать основы систематизации и, в первую очередь, кодификации уголовного и гражданского права страны [32, с. 104]. В основу законодательства предполагалось положить Статут ВКЛ 1588 г. [37, с. 101]. Таким образом, должна была обеспечиваться преемственность между буржуазным и феодальным правом.

В области конституционного права, реформы которого осуществлялись в середине - конце XVIII в., наблюдается сочетание принципов, присущих обеим эпохам. В области правового положения жителей Речи Посполитой провозглашался принцип всеобщности гражданства, все жители составляли «народ». Однако единственной статьей Конституции, где под народом понимались все граждане, была ст. 11, которая называлась «Народные вооруженные силы». Всеобщность гражданства сопрягалась с пережитком феодального сословного строя - с неравенством граждан. В первую очередь это касалось крестьянства. Признавая их вклад в составление «наибольших богатств страны», объявляя их свободными гражданами, ст. 4 Конституции 3 мая 1791 г. не предоставляла им права свободы заключения договоров с помещиками и свободы ухода от них. Такое право получали лишь «новоприбывшие» и те, «которые сначала покинули родину, а теперь решили на нее вернуться» [37, с. 100; 38, с. 159]. Остальным лишь гарантировалась опека государства в обеспечении взаимности обязательств по договорам с помещиком и невозможности для последних их нарушить.

Права мещан и шляхты постепенно уравнивались, но в полной мере слияния данных сословий в политических правах не произошло. В соответствии с Конституцией от 3 мая 1791 г., Законами от 13 мая 1791 г. «Соймы» и «Соймовые суды» указывалось, что Посольская изба, нижняя

ным по вопросам торговли и промышленности [194, с. 379]. Для регулирования прав городов и их жителей 21 апреля 1791 г. был принят закон «Гарады нашыя Каралеўскія вольныя ў дзяржавах Рэчы Паспалітай», в соответствии с которым мещанам разрешалось занимать низшие должности в государственных учреждениях и судах, работать в качестве адвокатов и, самое главное, приобретать имения, заселенные зависимыми крестьянами, что в случае их стоимости свыше 2000 злотых давало право ходатайства о введении в шляхетское сословие. На мещан распространялись такие же права личной неприкосновенности, свободы слова и печати, как и на шляхту (ст.2) [45]. В тоже время, закон распространялся только на королевские города, те же, что принадлежали иным землевладельцам, не входили в состав вольных городов, на них и их жителей не распространялись указанные привилегии без согласия собственника земли, на которой находился город, и передачи им городу земли в собственность (ч.6 ст.1) [45].

В отношении шляхты вводился вместо сословного имущественный принцип избирательного права - избирать и быть избранными по Закону «Соймики» от 24 февраля 1791 г. имели право лишь 18-летние собственники или владельцы, платившие налоги в размере свыше 1000 злотых.

В области государственного управления были отменены наиболее архаичные институты конституционного права эпохи феодализма - «либерум вето», выборность короля, право на образование конфедераций, принцип местного представительства депутатом Сойма (отныне он представитель народа), вводились институты разделения властей, контрасигнатуры актов короля, постоянного правительства. Впервые в Европе устанавливалась индивидуальная политическая и судебная ответственность министров (ст.7 Конституции) [104, с. 164; 281, с. 155]. Однако данные институты и принципы сочетались с сословным способом формирования высшего представительного органа, местных органов власти.

После периода магнатской олигархии в Речи Посполитой произошло возвращение к традициям сильного главы государства. Король, в соответствии с новыми теориями, возглавил исполнительную власть, наделялся широкими полномочиями. Ярko проявилась преемственность и в организации судебной власти. Провозглашался принцип независимости судебной власти, но сохранялись отдельные сословные суды для шляхты, горожан и крестьян.

Реформы государственного устройства и права, несмотря на сочетание в них наряду с инновациями многих элементов преемственности, не были реализованы на практике. Конституция 3 мая 1791 г., добившись признания и одобрения большинства шляхты, в том числе на четырех пятых соймиков в ВКЛ [279, с. 356], просуществовала только год и осталась скорее «декларацией о намерениях», а не реальным правовым актом [258, с. 21]. Против реформ восстала

нововведений, а после подавления восстания Т.Костюшки в 1795 г. Речь Посполитая окончательно перестала существовать.

Таким образом, в середине - конце XVIII в. не произошло разрыва преемственных связей в развитии права Речи Посполитой. Реформы в государстве были подготовлены долгим развитием политико-правовой мысли, проводились с согласия большинства населения. Изменения в конституционном законодательстве на основе рецепции правовых идей эпохи Просвещения не были радикальными, они сочетались с сохранением принципов и идей феодального сословного права.

Проанализировав историю развития права ВКЛ и Речи Посполитой с середины XIII по конец XVIII вв. можно сделать следующие выводы:

1. Образование ВКЛ не повлекло разрыва в развитии права на белорусских землях, так как ни в общественном устройстве, ни в государственном строе не произошло качественных изменений по сравнению с ранее существовавшими на территории Беларуси государствами.

2. После заключения Кревской унии 1385 г. в развитии права на белорусских землях произошел разрыв, так как общество ВКЛ перестраивалось в направлении развитого сословного строя. Оно было основано на заимствовании западноевропейского опыта, что позволило государству пропустить некоторые этапы общественного развития. Рецепция идей сословного государства и права привела к отличиям ВКЛ от западных государств, вызвала особенности в содержании феодального, манориального и городского права.

3. Статуты ВКЛ стали результатом преемственного развития права Великого княжества. Восприятие ВКЛ в XVI в. идей западноевропейских Ренессанса и Реформации не вызвало кардинального преобразования правовой системы. Заимствованные правовые идеи, принципы и институты выборочно и адаптировано включались в Статуты ВКЛ наряду с ценностями и принципами феодального государства и права.

4. Вызванные заимствованием западноевропейских идей эпохи Просвещения изменения в правовой системе Речи Посполитой в середине - конце XVIII в. не привели к разрыву в преемственном развитии права на белорусских землях. Правовые реформы, подготовленные длительным периодом развития политико-правовой мысли, были востребованы населением. В конституционном законодательстве Речи Посполитой рецепируемые правовые принципы и институты сочетались с правовыми идеями и нормами феодального сословного права.

3.3 Особенности правового развития периода Российской империи

тая и ВКЛ, как ее составная часть. Следует согласиться с мнением, что события государственно-правового характера, происходившие на землях Беларуси во времена Российской империи, повлияли на будущее данной территории [257, с. 157], поэтому необходимо рассмотреть наиболее важные государственно-правовые процессы этого периода с точки зрения преемственности и дискретности в развитии права.

После разделов Речи Посполитой в правовой истории Беларуси произошли кардинальные изменения. Присоединенные земли сразу же были включены в процесс унификации российского имперского законодательства, который начался во второй половине XVIII в. [234]. Правда, на новых землях, включенных в этот период в состав России, унификационные процессы проявлялись не сразу и слабее, так как российские власти опасались вызвать в недавно приобретенных провинциях сепаратистские настроения.

По указанной причине в первые десятилетия после аннексии земель не произошло полной отмены действовавшего на данной территории права и замены его российскими законами. Фактически имела место правовая интеграция, когда местное право включалось в право колонизатора во всех сферах, где не существовало явных противоречий. Так, еще 28 мая 1772 г. в «Наказе Екатерины II генерал-губернаторам Псковской и Могилевской губерний об организации управления в присоединенных от Польши землях» указывалось: «Суд и расправа внутренние тех провинций в личных делах имеет производиться по их законам и обыкновениям и их языком во всех тех случаях, кои не дотрагиваются до власти нашей. Дела же, нарушающие спокойствие и тишину граждан, да будут ведомы не в иных местах, как в тех, кои от власти верховной на то устроены...» [170]. Данное положение подтверждалось и в «Указе Екатерины II генерал-губернатору Белорусских губерний об организации управления в присоединенных землях» от 16 августа 1772 г. [169], и в «Манифесте генерал-губернатора об организации управления и судов на присоединенной к России по третьему разделу Речи Посполитой» от 17 декабря 1795 г. [171].

Соотношение российского законодательства и местного права было различным для отдельных отраслей. Наиболее радикальные изменения имели место в конституционном праве, в котором произошел разрыв преемственных связей с предыдущим этапом его развития. Конституционную монархию Речи Посполитой, в Конституции которой провозглашалось разделение властей, под-законность власти короля и правительства сменила абсолютная самодержавная власть российских императоров.

Политические права и свободы шляхты, которые в большинстве своем в результате реформ конца XVIII в. в Речи Посполитой должны были стать доступны горожанам, российской властью фактически ликвидировались. Прежде всего это касалось возможности через представителей участвовать в

тельности, а также в составе местных представительных органов выбирать должностных лиц местного управления, формировать судебные органы и др. Неограниченная власть императора в России не допускала своего ограничения, реализовывалась через значительный бюрократический аппарат управления.

После распространения на шляхту действия «Жалованной грамоты дворянству» 1785 г., она приобретала те же права, что и дворянство империи [92]. В новообразованных губерниях на территории Беларуси и Литвы шляхте было разрешено каждые три - четыре года собирать собрания, которые в документах конца XVIII - первой четверти XIX вв. традиционно назывались соймиками. Фактически дворянские собрания играли роль корпоративных органов данного сословия. Основной их целью было избрание губернских и уездных предводителей дворянства (маршалков), представителей в сословные суды и учреждения, обсуждение раскладок земских повинностей, решение хозяйственных и общественных дел местной жизни.

Однако и без того сократившиеся права шляхты были урезаны из-за опасений в ее неблагонадежности. В 1777 г. шляхте было запрещено самовольно собираться на соймики. Указом от 14 декабря 1799 г. были ликвидированы губернские дворянские собрания. Губернские маршалки дворянства выбирались из узкого круга поветовых маршалков, а не из всей шляхты губернии. Земские исправники, которые возглавляли нижние земские суды - главные органы власти с административно-полицейскими функциями в поветах, в отличие от центральных уездов России не избирались дворянством, а назначались Сенатом с согласия министра внутренних дел по представлению губернатора.

Для участия в дворянском собрании для шляхты вводился имущественный ценз, ограничивающий права шляхты, а начавшийся после разделов «разбор шляхты», т.е. необходимость подтверждать свое происхождение документально, окончательно лишил значительную часть малоземельной шляхты политических прав вместе с дворянским званием.

На территории Беларуси неоднократно изменялось административно-территориальное деление, но в 1801 г. были учреждены пять губерний, которые и просуществовали вплоть до революции 1917 г. В губерниях Беларуси была учреждена система местных органов власти и управления, предусмотренная законом «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. Управление губерниями представляло собой систему бюрократических органов при губернаторах, фактически неограниченных в своей деятельности представительными органами дворянского сословия, что радикально отличалось от местного управления Речи Посполитой.

После разделов Речи Посполитой в городах некоторое время действовало магдебургское право. В «Наказе Екатерины II генерал-губернаторам Псковской

Польши землях» от 28 мая 1772 г. указывалось: «Города оставьте на их правах и привилегиях на первый случай и каждому из них не препятствуйте просить у нас о подтверждении сих... » [170].

С 1801 г. на территорию Беларуси было распространено действие Городового положения и Жалованной Грамоты, данной городам в 1785 г. С этого времени фактически были отменены все привилегии данные городам Беларуси, но окончательно были устранены особенности в составе городских магистратов Беларуси только после прекращения действия по указу императора на территории Беларуси Статута 1588 г. и распространения действия законодательства России.

Полиция городов полностью подчинялась правительственным органам. В ее ведении находилось поддержание порядка, податное дело принадлежало казенным палатам, суд был зависим от местной администрации. Сословные городские органы ведали лишь вопросами городского хозяйства и всем тем, что связано с городскими «пользами и нуждами». Однако даже данная хозяйственная деятельность ограничивалась узкой финансовой базой и чрезмерной опекой со стороны губернатора.

Таким образом, в отличие от периода Речи Посполитой, органы городского самоуправления городов Беларуси после присоединения к Российской империи «играли роль жалкого административно-хозяйственного придатка к аппарату администрации и полиции» [126, с. 113], но даже подобное положение отличалось от статуса магистратов русских городов, которые выполняли лишь чисто судебные функции [264, с. 17].

В результате первых двух разделов Речи Посполитой в устройство судебной системы на белорусских землях были внесены определенные изменения, но по указам Павла I от 12 декабря 1796 г. и от 6 февраля 1797 г. в губерниях на территории Беларуси была восстановлена с некоторыми изменениями прежняя система судебных органов. Возвращение к структуре судебной системы ВКЛ оказалось недолговечным, почти сразу же начинается ее постепенное изменение в направлении общеимперских порядков, но даже в первой трети XIX в. некоторые отличия и особенности сохранялись [265, с. 12]. Дольше всех в белорусско-литовских губерниях из старой судебной системы сохранились городские суды (в Витебской, Могилевской и Минской губерниях до 1795 г., в Виленской и Гродненской до 1831 г.), компромисарские и эксдивизорско-таксаторские суды (до 1840 г.).

В отличие от норм конституционного права, кардинальные изменения в котором произошли после разделов Речи Посполитой, а незначительные отличия от общеимперского государственного права медленно стирались в первой трети XIX в., в сфере частного права основным источником права оставался Статут ВКЛ 1588 г., подтвержденный Павлом I. Однако и в данной сфере «шел

По мнению исследовавшего данный вопрос А.А.Тесля, проект «Свода местных законов Западных губерний», составленный во II Отделении под руководством И.Н.Даниловича к 1834 г., является ярким примером существенного сужения сферы действия права ВКЛ: «Вместо целостной системы права перед нами оказывается набор лоскутков, перемежающийся ссылками на общерусские законы, действие которых было распространено также и на эти губернии, либо же на специальные законы, принятые исключительно в отношении западных губерний, но введивших общерусские положения» [232]. Подобное мнение высказывал и исследователь начала XX в. А.Э.Нольдэ, который на основе анализа материалов подготовки «Свода местных законов Западных губерний» пришел к выводу, что к 1840 г. из всего права западных губерний «целостность и некоторую законченность сохранил только гражданский процесс» [162, с. 250]

В 1831 г. на территории Витебской и Могилевской губерний было отменено действие прежних, унаследованных от ВКЛ источников права и введено общеимперское право.

В окончательно подготовленном к 1837 г. проекте «Свода местных законов Западных губерний» влияние местных законов ощущалось в сфере регулирования отношений получения наследства, порядка и условий заключения брака между лицами католической веры, в регулировании сервитутов, в упрощенном порядке правил подсудности по гражданским делам, в порядке рассмотрения и обжалования гражданских дел [38, с. 155]. Однако «Свод местных законов Западных губерний» не был введен в действие как отдельный закон, а 25 июня 1840 г. указом «О распространении силы и действия Российских гражданских законов, на все Западные, возвращенные от Польши, области» правовая автономия западных губерний была отменена, и уже на всей территории Беларуси действовало российское общеимперское право.

Некоторые незначительные отличия права западных губерний от общеимперского права сохранялись и в дальнейшем, так как они не подпали под действие указа от 25 июня 1840 г., будучи еще ранее включенными в изданный в 1832 г. Свод законов Российской империи. Из них наиболее важными были нормы об управлении казенными и арендными имениями, регулировавшие статус «поиезутских» имений (сохранены они были и в Своде 1842 г.) [162, с. 251].

Таким образом, в 1831 г. в Витебской и Могилевской и в 1840 г. в Виленской, Гродненской и Минской губерниях в праве Беларуси произошел окончательный разрыв преемственных связей с предыдущим этапом развития права. С этого периода на данной территории действовало исключительно право Российской империи.

Население Беларуси боролось за возрождения государственности ВКЛ, восстановление ее правовой системы. Так, М.К.Огинский в 1811 г. предлагал

вести на ее территории управление в соответствии с Основным статутом ВКЛ (предполагаемой конституцией), гражданские отношения и судопроизводство урегулировать Статутом ВКЛ 1588 г. [7, с. 212-213].

Попытки вооруженного восстановления государственности в 1830 - 1831 и 1863 - 1864 гг. окончились поражением, но использование К.Калиновским в пропаганде среди крестьян противопоставления «ронда польского» и несправедливых порядков «московских», свидетельствует о еще не полном укоренении новой системы права в сознании общества: «. найперш, каб не магло вырабляціся сумленне народнае, пакасаваў маскаль усе сходкі людзей выбар-ных, усе школы нашы, а так, абабраўшы з сумлення да і з розуму, а завеўшы ў нас свой парадак маскоўскі, пазволіў кожнаму дужшаму глуміцца над бедным як толька хоча... Мужыку не толька што не даў ніякага права, но яшчэ адабраў і тое права, якое ен меў ад ронду польскага. Кожнаму можна было мужыка крыўдзіць, а чыноўнікі маскоўскія не рабілі яму ніякай справядлівасці, но яшчэ калі суд на глум не ссылаў мужыка ў Сібір, то аддаваў на вечнасць у салда-ты...» («Лісты з-пад шыбініцы») [102, с. 301-302].

К 80-м гг. XIX в. подобная агитация потеряла смысл и подавляющее большинство белорусских политических организаций, начиная с «Гомона», вплоть до Первой мировой войны видело развитие Беларуси в составе Российской империи как ее автономной или федеративной части. Создание правовой автономии виделось им не через возрождение элементов права ВКЛ и Речи Посполитой, а на основе прогрессивного реформирования российского законодательства.

Следует отметить, что радикальность последствий разрыва преемственных связей в развитии права Беларуси снижалась из-за осуществлявшейся в тот период вестернизации российского права, сделавшей последнее ближе уже пережившему западное влияние праву ВКЛ. Вестернизация в России началась с государственно-правовых реформ Петра I в XVIII в., заключавшихся в заимствовании шведского, датского, германского и отчасти французского права, формировании многоотраслевой системы права по западному образцу, секуляризации права.

Ученые отмечают, что в период, когда белорусские земли были присоединены к Российской империи, в ней начинались обширные кодификационные работы, в результате которых при отказе от прямых заимствований было осуществлено построение собственной рационально организованной правовой системы по западному образцу, сформировалась российская юридическая наука, образование [110].

Из-за вестернизации российского права, такие его достижения как: «а) обретение русским правом западной отраслевой структуры.; б) превалирование письменного нормативного правового акта над иными источниками права; в)

диционных, архаических юридических ритуалов (религиозно-символических актов, ранее выполнявших роль юридических фактов)...» [110], - оказались близки характеристикам права ВКЛ, не вызвали резкого отторжения у жителей Беларуси.

Исследователи западного влияния на развитие права Российской империи XVIII - начала XX вв. отмечают, что исключительная роль государства в проведении модернизации не позволила России «полностью порвать с византийским пониманием права как воли власти, а государства как православной империи — хранительницы уникальной истины, которую нельзя доверить самостоятельному и активному гражданскому обществу западного типа. Вместо рациональности как свободы разумного выбора каждым индивидом своего варианта действия, была воспринята рациональность как утилитарный расчет, калькуляция различных социальных факторов ради того, чтобы добиться наиболее оптимального, с точки зрения калькулирующего, поведения своего и окружающих. В России этим «калькулирующим» выступила публичная власть, а ее приказ — воплощением разумности права» [110].

Если идея доминирования власти в проведении модернизации общественного строя не была чужда традициям белорусского народа, то отсутствие свободы, разделения гражданского общества и государства вызвало неприятие и активное сопротивление различных слоев общества Беларуси, в первую очередь шляхты, как «наиболее ориентированного и воспринявшего в период Речи Посполитой западные нормы и ценности сословия» [198, с. 88].

После принудительной унификации права белорусских губерний с правом общероссийским, российское законодательство пережило еще две волны правовых заимствований западного правового опыта:

- государственно-правовые реформы второй половины XIX в., еще более приблизившие российское право к западному (ориентация в государственно-правовых реформах и в развитии теоретического правоведения преимущественно на Германию и Францию; подготовка наиболее важных законопроектов с учетом мирового опыта регулирования соответствующих сфер общественной жизни; учреждение судов присяжных и адвокатуры, придавшее социальный вес юристам в обществе);

- реформы начала XX в., когда Россия была захвачена волной демократизации, образцом для которой выступили западные страны [110].

В результате этих реформ в России в начале XX в. по западному образцу была сформирована рационально организованная правовая система, опиравшаяся, однако, на укоренившиеся ценности доминирования государства над обществом, восприятия права как воли государственной власти.

Реформы второй половины XIX в., проводившиеся на территории Беларуси с некоторыми изъятиями, и демократизация начала XX в. способствовали

развитию самоуправления на белорусских землях, позволили населению края направлять депутатов в Государственную Думу, обусловили восприятие действовавшего правопорядка как своего.

Таким образом, присоединение земель Беларуси к Российской империи в конце XVIII в. вызвало разрыв преемственности в развитии права Беларуси. Первоначально местное право автономно интегрировалось в право общероссийское, но в 1831 г. в Витебской и Могилевской и в 1840 г. в Виленской, Гродненской и Минской губерниях правовая автономия на землях Беларуси была ликвидирована. Однако различия между правовыми системами России и Речи Посполитой частично сглаживались начавшимися в империи процессами вестернизации права. Смена поколений и демократизация в Российской империи позволили в конце XIX - начале XX в. большинству населения воспринимать действовавшее на территории Беларуси право как свое.

3.4 Дискретность и преемственность права в советский период

Начало XX в. оказалось связанным с радикальной трансформацией основ социального порядка. Вместе с XIX в. уходила в прошлое либеральная система взглядов на отношения индивида и общества, государства и общества, государства и экономики. Новый социальный порядок получил название государственно-монополистического капитализма [185, с. 21]. Бурный рост новых технологий, индустриализация, мировые экономические кризисы 1870 - 1913 гг., переход к монополии как новой форме социальных и экономических отношений, трансформация отношений собственности, империализм, сопровождавшиеся распространением националистических и социалистических идей, отрицавших индивидуализм, привели к трансформации всех подсистем общества, а следовательно, и права как верховенствующего интегративного нормативного регулятора. Произошло кардинальное изменение права из-за модификации представлений в обществе о справедливости как его основы. Если на предыдущем этапе она ассоциировалась с общественным мнением, разумом и правами человека, то теперь - с коллективизмом, плановой экономикой и социальным равенством [25, с. 37].

Трансформация затронула все политические и правовые системы, но в наиболее радикальной форме она проявилась в период Октябрьской революции 1917 г. в Российской империи. В ходе последней произошло возрождение белорусской государственности. Обе модели политико-правового строительства - Белорусская Советская Социалистическая Республика (далее - БССР) и Белорусская Народная Республика (далее - БНР) - развивались в рамках

о независимости БССР от 1 января 1919 г., Конституция БССР 1919 г.) закрепляли принципы социалистического общества [256, с. 197-199]. БНР не смогла стать государством в юридическом смысле [38, с. 178-179], и модель государственности и права, основанная на компромиссе буржуазных и социалистических идей (например, отмена частной собственности на землю при закреплении политических прав и свобод человека [81, с. 202]), была отвергнута. Возобладала модель радикального преобразования общества в рамках БССР.

При рассмотрении вопроса о преемственности или инновационности права БССР по отношению к прошлым типам права и преемственности в его развитии следует исследовать вопрос о роли белорусского народа в правотворчестве в данный период, о степени его независимости.

Возникновение БССР в 1919 г. в первую очередь было реакцией правительства большевиков в Москве на необходимость взаимодействовать с другими государствами [38, с. 185]. Так, в телеграмме от 29 ноября 1918 г. Председатель СНК В. Ленин советовал главнокомандующему всеми вооруженными силами республики И. Вацетису создавать в занятых районах временные национальные правительства, что, по его мнению, позволяло большевикам укреплять свою власть и вместе с тем избегать обвинений в проведении захватнической политики. При этом большевики желали отгородиться от Европы буферными государствами, которые должны были сдерживать и ослаблять «империалистический натиск» [46, с. 105-106]. Кроме того, советскому руководству приходилось учитывать и «подъем национально-освободительного движения, провозглашение БНР и деятельность ее органов» [73, с. 71; 130, с. 400].

Преобладание внешнеполитических мотиваций стало причиной того, что буквально через месяц после образования БССР была объединена с Литовской ССР. Литовско-Белорусская ССР также не получила реальных полномочий, так как 1 июня 1919 г. ВЦИК РСФСР с целью объединения усилий всех советских республик в условиях гражданской войны принял декрет о создании военного союза республик, на основании которого фактически полностью ограничил их самостоятельность.

Повторное провозглашение БССР 31 июля 1920 г., принятие Декларации о независимости фактически не изменили ее статус. Провозглашение ее равноправия с другими советскими республиками сталкивалось с жесткой централизацией и дисциплиной, устанавливаемой в стране под прямым руководством РКП(б). Об этом свидетельствует постановление III съезда КП(б)Б (ноябрь 1920 г.), в котором о правовом положении республики было сказано: «Беларусь . является составной частью РСФСР, и все ее органы в сфере общих мероприятий должны быть подчинены соответствующим комиссариатам РСФСР» [38, с. 190].

тета, так и объединение большинства важнейших наркоматов [219, с. 228-229]. Однако с конца 1920 г. постепенно началось расширение республиканских полномочий, активизация деятельности высших органов власти в Беларуси: Всебелорусского съезда Советов, ЦИКа и его Президиума, Совета Народных Комиссаров. Декретом ЦИК БССР от 21 января 1922 г. устанавливалось, что все постановления и распоряжения объединенных наркоматов обязательны для республики только в случае их подтверждения органами власти в Беларуси (кроме наиболее важных) [167, с. 230]. Данные тенденции проходили в русле победы ленинской линии на создание федеративного союза республик, расширение их полномочий для «самостоятельного национально-культурного строительства» и создания «необходимых гарантий для проявления хозяйственной инициативы каждого члена» [122, с. 134].

На основании этой позиции 30 декабря 1922 г. I Съезд Советов СССР утвердил проект Договора и Декларации о создании СССР, а 31 января 1924 г. на II Всесоюзном съезде Советов была утверждена Конституция СССР. В соответствии с ней к исключительной компетенции СССР относился широкий круг вопросов: представительство в международных отношениях, вопросы войны и мира, установление систем внутренней торговли, системы общесоюзных, республиканских и местных налогов, издание законов о труде, охране народного здоровья, судебном строе и судопроизводстве, принятие гражданского и уголовного законодательства и др.

Полномочия союзных республик сохранялись в остальных сферах, их представители получили право на участие в законотворчестве и управлении союзными делами. Однако потенциальные возможности самостоятельности в рамках СССР не были реализованы, так как с конца 20-х гг. в СССР установилась диктатура И.В.Сталина [122, с. 137], оформился советский тоталитарный политико-правовой режим [37, с. 207].

Развитие права в 20 - 30-е гг. в БССР шло по нескольким направлениям. До образования СССР на территории БССР действовали как собственные законодательные акты, так и законодательные акты РСФСР. Последние могли вводиться в действие либо постановлениями Президиума ЦИК БССР, либо в них имелись специальные оговорки о действии на территории остальных советских республик. Это были важнейшие законы - «Об основных частных имущественных правах, признаваемых в РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами» (со 2 августа 1922 г.), Гражданский (с 1 марта 1923 г.), Гражданско-процессуальный (с 1 сентября 1923 г.), Уголовный и Уголовно-процессуальный (с июля 1922 г.) кодексы РСФСР.

С образованием СССР на территории БССР отменялось действие законодательных актов РСФСР, юридической силой обладало лишь союзное законодательство и законодательство БССР. Признание получила практика

конодательства, идентичного модельным «Основам законодательства СССР и союзных республик». Принимаемые органами власти и управления БССР собственные законы лишь конкретизировали и дополняли сначала законодательство РСФСР, а затем СССР. Лишь в сферах, где было необходимо учитывать местную специфику, принимались отличающиеся от союзного законодательства акты - в культурной (в период белорусизации), в области землеустройства и землепользования (Земельный кодекс БССР 1923 г.) и др., но и они соответствовали общим принципам, установленным в Москве. Так, принятию собственного земельного кодекса предшествовало вступление в 1922 г. БССР в Федеральный комитет по земельным делам, наложившим обязательство проводить все основные мероприятия в сельском хозяйстве по образцу РСФСР, а толчком к разработке нового УК БССР, который был введен в действие с 15 ноября 1928 г., послужило принятие 31 октября 1924 г. общесоюзных «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик».

После окончания Второй мировой войны, а особенно после XX съезда КПСС, начался процесс расширения полномочий союзных республик. В Верховном Совете БССР создается 15 комиссий по разработке законопроектов в различных областях, и с 1959 по 1976 гг. им было принято 124 законодательных акта. Однако вся законодательная деятельность БССР строилась на основе законодательства СССР. Все собственные акты повторяли положения союзных законов или соответствовали им. Редкие элементы «особенного» если и вносились, то по незначительным вопросам, которые не затрагивали интересов СССР [38, с. 290].

Формально БССР была равноправным субъектом федерации, обладала значительными законодательными полномочиями, но фактически, и здесь можно согласиться с В.А.Круталевичем и И. А. Юхо, «идею «автономизации» диктатор Сталин реализовал полностью и даже больше» [122, с. 137]. Фактически «автономность» выражалась в участии представителей республики в принятии союзного законодательства и в собственном законотворчестве лишь по незначительному кругу вопросов. «Республики лишались даже права издавать свои Уголовный и Гражданский кодексы, принимать законы о судебном устройстве и судопроизводстве» [122, с. 181]. Они могли самостоятельно использовать лишь незначительную часть своих доходов [122, с. 192].

Правовая автономия БССР позволяет исследовать преемственные связи между его правом и правом, действовавшим в Беларуси в досоветский период, изучать преемственность в развитии самого советского права.

Прежде всего рассмотрим преемственность советского права и права Российской империи. Первоначально в ходе революции в России был осуществлен разрыв в развитии права. В 1918 г. коммунистическое правительство отменило

П. И. Стучка писал, что «наша программа не знала идеи советского права» [225, с. 583]. Однако жизнь заставила новую власть создавать законы и возникла концепция «пролетарского права», отрицавшего все старое в соответствии с пропагандируемым советом Вольтера: «Если хотите иметь хорошие законы, жгите свои старые и творите новые». В первом проекте Декрета о суде № 1 подчеркивалось, что революционные суды должны руководствоваться «в своих решениях и приговорах не писанными законами свергнутых правительств, а декретами Совнаркома, революционной совестью, революционным правосознанием» [158, с. 173].

Новое понимание права было сформулировано коллегией Наркомюста: «Право - это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая его организованной силой» [225, с. 58]. В праве были в радикальной степени отражены ценности новой эпохи. Нарком юстиции с 1918-1928 гг. Д.И.Курский писал: «Для нас, юристов, военный коммунизм представлял собой по преимуществу систему принудительных норм, когда хозяйственные отношения строились на началах принудительного регулирования из центра, когда мы вынуждены были расширить область внесудебных репрессий, а для ускорения хозяйственной работы широко применять административные меры» [124, с. 38].

После первоначального разрыва с предшествующей правовой традицией руководители советского государства были вынуждены примириться с дореволюционным правом и восстановить многие его элементы путем включения их в новую систему, построенную на целях, принципах и убеждениях, ради которых свершилась революция. Данная тенденция отчетливо проявилась в период НЭПа. В области права это выразилось в крупномасштабной рецепции буржуазного права. П. И. Стучка прямо писал, что из-за ограниченности во времени они почти целиком и дословно списали, например, Гражданский кодекс с лучших образцов гражданского права Запада [224, с. 125]. При этом новое законодательство все равно должно было отвечать основополагающим принципам социализма.

В конце 20-х гг. с окончательной победой тоталитарных тенденций в СССР отступления в праве от социалистических принципов, привнесенные в период НЭПа, ликвидировались. Так, в отличие от Гражданского кодекса БССР 1923 г. по Конституции БССР 1937 г. предусматривалось существование лишь двух форм социалистической собственности - государственной и кооперативно-колхозной. Право личной собственности граждан допускалось лишь на их трудовые доходы и сбережения, жилой дом, подсобное домашнее хозяйство и иные вещи личного использования (стст. 5, 10 Конституции БССР) [113]. Право получило четкое определение в соответствии с классовым

Основными функциями советского права были:

- необходимость исключения политического господства буржуазии и обеспечения полновластия пролетариата в лице Коммунистической партии. Данная функция неизменно выражалась в закреплении в содержании норм положений о монопольности власти партии, запрещении антисоветских элементов и др.;

- регулятивно-динамическая функция, отражающая восприятие права как инструмента преобразования общества. После преодоления разрыва в преемственности времен «военного коммунизма» была вновь признана важная роль права. Но оно не устанавливает рамок для деятельности властей, право является их самым надежным средством. Поэтому в советском государстве всегда преобладала политическая целесообразность при правотворчестве;

- установление государственного порядка, который будет способствовать построению социализма, а затем и коммунизма. Соответственно, содержание права составляли нормы, закреплявшие существование и деятельность институтов, которые под руководством партии должны были закладывать основы коммунистического общества: колхозы, кооперативы, профсоюзы, советские общественные организации и третейские суды;

- воспитательное воздействие права. Право, судебная практика, деятельность правоохранительных и судебных органов выступали как формы политики. Они должны были обеспечивать успех деятельности правительства, участвовать в воспитании населения, подготавливать своей деятельностью отмирание права. Стороны и общественное мнение убеждались в разумности, справедливости правоприменительного решения, закона и власти, его издавшего.

Право было построено на неизменных принципах, закреплявших основные ценности советского общества и обуславливавших преемственность в развитии содержания его правовой системы [70, с. 13]. Прежде всего следует отметить принцип социалистической законности: «Советские граждане должны соблюдать законы, потому что эти законы справедливы, а справедливы они потому, что их создает социалистическое государство, которое выражает интересы всех, а не какого-либо привилегированного класса» [56, с. 149]. Поэтому от всех требуется четкое и неуклонное соблюдение законов. Данный принцип был тесно связан с принципом публичности права.

В литературе часто упоминается высказывание В.И.Ленина, как яркая иллюстрация принципа публичности советского права: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное» [158, с. 167]. Во всех отраслях права государственные интересы были преобладающими, даже в обязательном, семейном и наследственном праве. Везде использовались и преобладали императивные методы регулирования [233]. Соответственно, любое нарушение правовых норм

рушение чьих-либо прав, а как посягательство на советское общество и государство и жесточайше каралось. С другой стороны, содержание правовых норм было нацелено на тщательную регламентацию жизни советских граждан.

Принцип публичности обусловил огромное значение для всей правовой системы ряда принципов, которые обычно относят к отрасли конституционного права. Прежде всего это принцип единства власти как противоположность буржуазному принципу разделения властей, так как власть принадлежит трудовому народу, руководящей и направляющей силой которого является коммунистическая партия. Ее доминирование также стало принципом конституционного права, и так как она была «ядром политической, государственной и общественной системы» [114, с. 6], то в праве находили закрепление ее программные установки.

Централизация в построении партии дала рождение принципу советского федерализма, т.е. формального равенства советских республик, но фактического построения унитарного государства с минимумом автономии у его субъектов.

Из всех перечисленных принципов вытекал определяющий форму права принцип приоритета закона, где закон понимался не в формальном смысле, как в странах либеральной демократии, а в материальном - как нормативный правовой акт [233]. Существование в БССР ряда правотворческих органов (Верховный Совет, его Президиум, Совет Министров), благодаря доминированию коммунистической партии не нарушало принцип единства власти. Следует также отметить наличие в советском праве таких принципов, как господство социалистической собственности на средства производства и принцип планирования или управления в области хозяйства. Хозяйственные предприятия выступают как учреждения публичного права, соответственно, значение приобретают не экономические способы регулирования экономики, а административно-командные. Различие между распоряжением и договором, заключаемым предприятиями, становится весьма произвольным [56, с. 164].

В правовой системе СССР, в том числе в праве БССР, имелось много положительных черт. В данный период были достигнуты следующие результаты: «1) установление общего, получившего устойчивые определения, языка науки (понятийного аппарата), 2) единство в признаваемых методах исследования, 3) единство в общетеоретической базе социальных наук (материалистическая диалектика), 4) создание базовых концепций во всех основных областях юридического знания» [233]. Сформировавшаяся в СССР юридическая наука смогла решить основные задачи, вызвавшие ее появление, а именно дала приемлемые юридические конструкции реально сложившихся в советском обществе отношений. Кроме того, в советском государстве был провозглашен принцип социальной защищенности человека. Наличие социальных программ в СССР оказа-

Таким образом, можно сделать вывод, что право БССР стало одним из этапов развития белорусского права. Его характеризует первоначальный резкий разрыв преемственности с предыдущими действовавшими на белорусской земле правовыми системами, а затем восстановление некоторых элементов права предыдущего периода. Развитие самого социалистического права представляло собой преемственный процесс, определяемый неизменностью его функций и закрепленных в принципах права ценностных установок социалистического государства и общества.

Рассмотрение истории права Беларуси с точки зрения преемственности и дискретности в его развитии позволяет сделать следующие обобщенные выводы.

История белорусского права характеризуется периодическими разрывами преемственных связей между ее отдельными этапами: после заключения ВКЛ Кревской унии с Польшей в конце XIV в.; после потери государственности Речью Посполитой и ВКЛ и включением последнего в состав Российской империи в конце XVIII в.; в начале XX в. после Октябрьской революции 1917 г. в России и образования БССР. Кроме того, в истории права Беларуси имеют место периоды активных изменений в правовой системе, когда воспринятые извне правовые идеи, принципы и институты включались в существующее право, не вызывая его кардинального переустройства: в результате принятия христианства в X в. восточнославянскими княжествами на территории Беларуси; после восприятия в ВКЛ в XVI в. идей Ренессанса и Реформации; в середине - конце XVIII в. после начала реформ в Речи Посполитой на основе идей эпохи Просвещения.

Разрывы преемственности в развитии права и периоды активного внедрения в него инноваций в истории права Беларуси всегда были связаны с осознанной деятельностью государственной власти, которая под воздействием иностранного влияния в не созревшем для изменений обществе активно проводила модернизационную политику.

ГЛАВА 4

ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ДИСКРЕТНОСТИ В РАЗВИТИИ ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

4.1 Развитие права в период образования Республики Беларусь и формирования ее правовой системы

Конец 60-х - начало 70-х гг. XX в. стали периодом резкой социальной трансформации всех современных обществ и их подсистем - экономики, культуры, политики, системы социальных отношений. Телекоммуникационная революция дала старт совершенно новому этапу в мировом процессе социального и экономического развития. Радикальным образом преобразуется экономическая подсистема и вся сфера труда. Возникают новые профессии, изменяются системы организации труда и управления. Осуществлен переход от гигантских суперконцентрированных социально-экономических структур к малым децентрализованным предприятиям [185, с. 291].

Советское государство ввиду повышенной социальной инерции долгое время игнорировало глобальные социальные закономерности, что привело к кризису его политической и экономической подсистем. В середине 80-х гг. XX в. была сделана попытка реформирования социалистического строя на основе демократизации общественной жизни, ослабления цензуры, расширения самостоятельности предприятий, но глубина системного кризиса, медлительность реформ, особенно в части предоставления республикам реальной самостоятельности, межнациональные конфликты привели в конце 1991 г. к распаду СССР и провозглашению суверенной Республики Беларусь.

Перед независимым белорусским государством встала задача преобразования всех подсистем общества на пути создания «демократического социального правового государства», а значит пересмотра и систематизации законодательства, которое должно было обеспечить верховенство права и стать действенным инструментом преобразований. В результате с 1990 по 1994 гг. было принято около 400 законодательных актов [31, с. 2]. По мнению Г.А.Василевича, в тот период сформировался тип правообразования, «суть которого сводится в основном к необходимости быстрого увеличения законодательного массива» в ущерб их согласованности и соподчиненности [30, с. 8]. Во многом это было время, когда из-за нацеленности на ускорение социальных, политических и экономических реформ произошел разрыв преемственности с существовавшим до этого правом БССР.

В праве закреплялись западноевропейские либеральные ценности - провозглашение индивидуальных свобод и рыночной экономики [99, с. 6]. При

этом не учитывалась возможность их столкновения с устоявшимися в белорусском обществе традиционными ценностями. Как и в других постсоветских государствах, право строилось на основе широкомасштабной рецепции норм из правовых систем западных государств [134, с. 44; 233] и международного права. Во многие законы, принятые в 90-х гг, были включены положения о применении международного договора, если им установлены правила иные, чем в соответствующем законе [165; 168; 248].

Дискретность в развитии права была вызвана и осознана государственной властью. Нацеленность на кардинальное преобразование правовой системы нашла отражение в программных документах Республики Беларусь. Уже в Преамбуле Декларации Верховного Совета Республики Беларусь «О государственном суверенитете» заявляется «... аб рашучасці стварыць прававую дзяржаву» [1, с. 253]. Желание обеспечить формирование правового государства закреплялось в Конституции 1994 г. и в ее новой редакции 1996 г., что свидетельствует об осознании этапа реформ и после конституционной реформы в середине 90-х гг. [115, с. 3].

Инновационная направленность правовой политики в Республики Беларусь прямо отражена в разделе 14 «Правовое обеспечение» «Основных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996 - 2000 годы», утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 14 ноября 1996 г. №464: «Предполагаемые меры и концептуальные подходы к социально-экономическому развитию страны определяют направления дальнейших преобразований. Они адекватны трансформационным процессам, протекающим во всем цивилизованном мире, и ориентированы на формирование новой экономической системы. Скорость, глубина и масштабы преобразований в значительной мере определяются действующей правовой базой. Чтобы интенсифицировать процесс реформ необходимо в максимально короткие сроки создать правовое обеспечение намеченных мероприятий» [172].

Посредством права в обществе, особенно в начале 90-х гг. XX в., укреплялись чуждые его предыдущей советской культуре ценности либеральной рыночной экономики, индивидуализма, демократии [101].

Прежде всего укажем, что в обществе коренным образом изменились представления о справедливости. Отношение к праву как к инструменту социальной инженерии, сохранилось в обществе, но имеет другую основу. В советском государстве норма уже по своей сути подразумевалась справедливой, как носящая классовый характер, поэтому преобладали взгляды на право как на инструмент воздействия на общество, обеспеченный принуждением, а в настоящее время преобладание инструментального отношения к праву обусловлено необходимостью проведения реформ, отсутствием единых устоявшихся ценностей в обществе. Следовательно, и в советское и в

няет прежде всего регулятивно-динамическую и воспитательно-идеологическую функции, различаясь при этом в идеологических основах и природе государства и общества.

Базовые принципы советского права подверглись кардинальному переосмыслению. Сохранил свое влияние принцип законности, но если ранее законность понималась как единообразное и неуклонное соблюдение советских законов, именно потому, что они советские, то в настоящее время «законность состоит в верховенстве, непререкаемости, торжестве правовых законов в правоустановлении и правореализации» [79, с. 316], т.е. авторитете права в правовом демократическом государстве.

Принцип публичности социалистического права сохранился лишь в форме «активного участия государства в управлении экономикой» [132, с. 3], однако если в советский период во всех отраслях права имелся государственный интерес и доминировал императивный метод правового регулирования, то в Республике Беларусь юридическая наука выделяет отрасли права, в которых преобладают частные интересы и диспозитивный метод правового регулирования (гражданское, семейное, трудовое и др.).

Преобладание государства над индивидом, имевшее место в советский период белорусской истории, заменяется «обеспечением баланса индивидуальных, общественных и государственных интересов» [163], их оптимальным соотношением в законодательстве.

В праве Республики Беларусь были отменены такие важные для всей правовой системы принципы конституционного права, как принцип единства власти, принцип однопартийности. Они были заменены соответствующими концепции правового государства принципами разделения властей, многопартийности и плюрализма (стст. 4, 5, 6 Конституции Республики Беларусь) [115, с. 4-5]. Гарантией народовластия в государстве является закрепление в Конституции Республики Беларусь широкого круга прав и свобод человека и гражданина, которым посвящены 77 статей из 146. Некоторое прежнее проявление централизации в построении системы государственной власти имеет место лишь в создании вертикали исполнительной власти в Республике Беларусь.

Господство социалистической собственности на средства производства и принцип планирования и управления в области хозяйства, характерные для советского государства, сменились «многоукладностью экономики, равноправием в функционировании на рынке государственной и частной собственности» [133, с. 45]. Государство гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности, а регулирование экономической деятельности допускается лишь в интересах человека и общества (ст.13 Конституции Республики Беларусь) [115, с. 7].

В сфере землепользования исключительная государственная собственность на землю в советский период, когда земельные участки предоставлялись гражданам в пользование лишь для строительства жилых домов, ведения подсобного хозяйства и т.п., а вся земля формально принадлежала государству, постепенно отменяется. Земельное законодательство предусматривает частную и государственную собственность на землю, однако, сохраняя преемственность с предыдущим периодом развития земельного права, значительная часть земли передаче в частную собственность не подлежит [43, с. 138]. Постепенно государство принимает меры по увеличению количества земель участвующих в гражданском обороте.

Некритическое заимствование иностранных правовых институтов и закрепляемых ими методов регулирования экономики, образцов взаимоотношения власти и общества привело, однако, в начале - середине 90-х гг. XX в. к резкой поляризации политических сил в государстве, спаду социально-экономического развития страны практически по всем показателям [30, с. 12]. Следование западным правовым моделям без учета реалий повлекло «умаление значимости общественных интересов и гипертрофию частных», а не их оптимальное соотношение [100, с. 12]. Радикальность преобразований в белорусском обществе способствовала распространению правового нигилизма [79, с. 271].

В результате осознания причин негативных явлений в среде правящей элиты сложились представления о необходимости переориентации политики государства в социальную область. Приоритетом стала реализация права человека на свободное и достойное существование [3, с. 81]. Для его достижения ставилась задача по разумному сочетанию принципов рынка и демократии с некоторым положительным опытом советского периода в виде усиления государственной власти, обеспечения дисциплины, управляемости в государстве, направляющего воздействия государства на экономику, социального обеспечения граждан. Очередной раз произошло восстановление количественных преемственных связей в развитии права после первоначального революционного и радикального его разрыва, но в целом ценностное переустройство общества продолжилось.

Начавшийся в начале 90-х гг. XX в. и связанный с ликвидацией советской командно-административной системы процесс передачи власти исключительно Советам народных депутатов противоречил традиции белорусского народа. В результате Советы «не овладели функцией координации действий государственных структур», образовался вакуум власти, ухудшилась важная в переходный период исполнительская дисциплина [178, с. 215]. Появилась необходимость индивидуализировать социальную и политическую ответственность на высшем уровне руководства. Конституцией 1994 г. был введен пост Президен-

Как верно считает А.Г.Тиковенко, в результате конституционной реформы 1996 г. «юридически оформилась еще одна ветвь власти - президентская, охранительная, арбитражная по своей сути, лидирующая - по своей направленности» [235, с. 34]. Президентские полномочия достаточно широки и касаются, по существу, всех направлений организации и осуществления государственной власти, участия в законодательном процессе, формирования судебной власти.

Несмотря на широкие полномочия и функции главы государства, построение подотчетной ему вертикали исполнительной власти, его власть ограничивается существующей системой сдержек и противовесов. Действует избираемый населением законодательный орган - Национальное Собрание Республики Беларусь (гл. 4 Конституции), система органов местного самоуправления (раздел V Конституции) [115, с. 26-35, 40-42]. Президент к тому же сохраняет традиционную тесную личную связь с народом - им избирается, обладает правом вынесения важнейших вопросов на всенародное обсуждение - республиканский референдум (ст. 84 Конституции) [115, с. 22].

Преемственно сохранился в современном белорусском праве принцип социальной справедливости. В отличие от советского периода, доведшего его реализацию до форм социального паразитизма и уравниловки [84, с. 83], в настоящее время государство возвращается к подлинной его реализации, берет на себя ответственность за «обеспечение максимально благоприятных условий, для того чтобы граждане своими усилиями достигали материального достатка для себя и своей семьи» [217, с. 98]. Социальная справедливость находит свое выражение в нормах, закрепляющих как положения о социальной защите населения, так и в нормах, обеспечивающих реализацию социального партнерства. Принцип вытекает из ст.1 Конституции, провозглашающей Республику Беларусь социальным государством. Ч.2 ст.21 Конституции предусматривает право каждого на достойный уровень жизни, ст.47 гарантирует право на социальное обеспечение [115, с. 4, 8, 14]. Для реализации конституционных норм приняты Трудовой кодекс, законы «О прожиточном минимуме в Республике Беларусь» (1990 г.), «О социальном обслуживании» (2000 г.), постановление Совета Министров «О мерах по социальной защите малообеспеченных граждан» (1999 г.) и др.

В праве Республики Беларусь преемственно сохранился и определяющий форму права принцип приоритета закона. Как и в советское время, он понимается в материальном смысле. Будучи закреплен в виде конституционного принципа верховенства права (ст.7 Конституции) [115, с. 5], он предполагает главенство нормативных правовых актов как источников права, а не только актов высшего законодательного органа, как провозглашено в конституциях ряда зарубежных государств. Динамизм общественной жизни, традиция права Беларуси обусловили, как и в советское время, восприятие нормативного правового

таемой таким формам права, как обычай и судебная практика, а равно не правовым формам нормативного регулирования. Подобное восприятие роли нормативного акта, а равно традиция приоритета закона, объясняет причину признания Постановлений Пленумов Верховного и Высшего хозяйственного судов Республики Беларусь нормативными правовыми актами [166].

Значительная преемственность наблюдается в сфере юридического языка. Советская юридическая терминология и систематика, восходящая корнями как к славянским, так и романо-германским традициям, является основой, в которую вносятся изменения вызываемые реалиями жизни. Были устранены термины, основанные исключительно на идеологической основе (социалистическая собственность, социалистические отношения, социалистическое общежитие, совхозы и т.п.), систематика и язык дополнены за счет способов, понятий, разработанных в сфере международных экономических отношений (франчайзинг, лизинг, подготовка шаблонов обоснования актов законодательства и т.д.).

Таким образом, новейшая история белорусского права, начавшаяся в начале 90-х гг. XX в. с обретением государственного суверенитета, характеризуется разрывом преемственности с правом, действовавшим в БССР. Однако с 1994 г. постепенно некоторые связи были восстановлены. Элементы советского права органично встроены в новое белорусское право, обеспечивая социальную стабильность в обществе.

4.2 Влияние дискретности и преемственности на развитие права Беларуси

Исследование дискретности и преемственности в истории развития права Беларуси позволяет выделить специфические факторы и основания, воздействующие на преемственные связи, определить остающиеся неизменными объекты механизма преемственности в развитии национального права.

Для определения оснований и факторов механизма преемственности в развитии права Беларуси воспользуемся разработанным Н.С.Розовым подходом к пониманию структуры общества, выделением в ней экотехнологической, социальной, культурной и психологической (менталитет) подсистем [202, с. 150, 152, 154-155, 165, 167-168].

К закономерностям экотехнологической сферы необходимо отнести климат, природные условия, небольшую плотность населения на землях Беларуси. В предыдущих разделах показано, что данные закономерности обеспечили длительное сохранение коллективного труда, сильных общинных связей, медленную социальную дифференциацию у восточных славян. В

на поздний приход феодализма и его консервацию, а затем и капитализма на белорусские земли. Отсутствие укоренившихся традиций частной собственности на землю, развитого гражданского общества, слабость индивидуалистских начал в конечном итоге связаны именно с этими основаниями.

В отличие от других государств на развитие общества, государства и права Беларуси значительное влияние оказали периодические смены геополитического положения государства, связанные с этим постоянные войны. Нахождение в пограничной зоне между государствами, относящимися к различным цивилизациям, имеющими различные формы построения государственной власти, приводило к частой смене политических интересов элиты общества Беларуси, вступление их в различные геополитические союзы, что неизменно приводило к нарушению устоявшихся общественных структур. Война с Тевтонским орденом и заключение Кревской унии 1385 г., войны с Московским государством и заключение Люблинской унии 1569 г., разделы Речи Посполитой конца XVIII в. и присоединение земель ВКЛ к Российской империи, Октябрьская революция в России 1917 г. и участие в создании СССР, приобретение независимости в начале 90-х гг. XX в. и построение демократического правового государства - все данные события обуславливали нестабильность в существовании государства и права Беларуси, разрывы преемственности в их развитии.

Культура Беларуси издревле воспринимается как «культура пограничья» [277, с. 50]. Частые переходы из сферы влияния одной цивилизации в сферу влияния другой привели к тому, что даже по таким элементам, как язык, религия, национальные символы, обычай, а тем более система ценностей, белорусская культура до сих пор ищет консенсус [205, с. 64-65]. Идеи двойственности белорусской культуры, ее функции моста между Западом и Россией развитые И.В. Канчевским (Абдираловичем) и Л.Акиншевичем к настоящему времени стали общим местом в белорусской исторической и философской литературе [2; 178, с. 363; 198, с. 92; 267; 277, с. 50]. Таким образом, в сфере культуры под воздействием постоянных геополитических изменений сложились такие важные для развития права Беларуси особенности, как отсутствие глубоко укоренившихся ценностей, конкуренция и борьба различных культурных ценностей.

Упомянутые особенности развития подсистем белорусского общества отразились и на менталитете населения Беларуси, для которого характерны апатичность к переменам, легкость восприятия внешних форм заимствования при внутреннем консерватизме, компромиссность, отрицание насилия как пути к справедливости, солидаризм [178, с. 363-364].

Закономерности и особенности истории Беларуси убедительно свидетельствует о наличии дискретности в развитии, поэтому выявить объекты механиз-

Разрывы преемственности в развитии права Беларуси обуславливают отсутствие значительной преемственности в содержании между этапами его истории. Можно лишь отметить, что среди политической элиты всегда было характерно преобладание взглядов на право как на инструмент государственной политики по модернизации общества, чем как на систему норм, отражающих сложившуюся общесоциальную справедливость, баланс интересов всех социальных слоев, а следовательно, ценную своей стабильностью. Представляется, что для права Беларуси характерно доминирование регулятивно-динамической функции и функции воспитательно-идеологического воздействия над регулятивно-статической функцией. Разумеется, любое право обеспечивает инновацию и социализацию, но в праве Беларуси данные функции выходят на первый план и преобладают над функцией сохранения образцов социального поведения.

Право Беларуси постоянно играет роль инструмента, с помощью которого власть обеспечивает приспособление общества Беларуси к постоянно возникающим внешним геополитическим вызовам. Необходимость экономической и военной конкуренции с Тевтонским орденом и другими западными государствами вызвали потребность переустройства общества на принципах западного сословного феодального строя, которое было осуществлено во многом посредством правового моделирования новых полезных для государства отношений. Переход Западной Европы от феодализма к началам капиталистического строя, начавшийся с периода Ренессанса и Реформации, в ВКЛ потребовал привнесения новых принципов включенных наряду с феодальными в Статуты ВКЛ. Упадок Речи Посполитой в XVII - XVIII вв., необходимость конкурирования с более экономически и военно развитыми соседями породили период интенсивного переустройства общества в середине - конце XVIII в. на идеях и принципах эпохи Просвещения.

В период вхождения белорусских земель в состав Российской империи правительство последней с помощью законодательства активно устраняло особенности западных губерний, включало их в общеимперские политические и экономические процессы. После Октябрьской революции в России в 1917 г. произошло возобновление правовой истории Беларуси. Необходимость ускоренной модернизации страны в условиях идеологического и экономического противостояния с Западом, представление о новом идеальном общественном строе в который раз в истории Беларуси обусловили основную роль права в переустройстве общества.

После приобретения независимости Республикой Беларусь в конце XX в. в ней посредством права началось очередное переустройство государства и общества. Открыто о доминировании регулятивно-динамической функции права,

создание правовой системы, способной обеспечить функционирование правового государства... Становление государственности Беларуси и реализация судебно-правовой реформы предполагают кардинальное обновление ныне действующего законодательства. Оно должно отвечать по форме и по содержанию духу времени, общественным потребностям, научным подходам и практическому опыту, соответствовать международно-правовым стандартам» [164].

Таким образом, во все указанные эпохи государственная власть осуществляла либо кардинальное, либо интенсивное изменение правовой системы, опираясь в основном не на внутренние причины и согласие всего общества, а на геополитические обстоятельства и принуждение.

Вторая доминирующая функция права Беларуси - воспитательно-идеологического воздействия - тесно связана с первой. Все случаи модернизации общества посредством права в истории Беларуси опирались на смену идеологических и культурных ценностей. В IX в. право опирается на синтез языческих и православных ценностей, в XIV в. привносит ценности западной культуры и устои феодализма, с XVI в. сочетает с ними идеологию кальвинистского конгрегационализма и устои раннекапиталистических отношений, в середине -конце XVIII в. основывается на идеологии эпохи Просвещения и принципах либерализма, с начала XX в. право формируется в соответствии с коммунистической идеологией и ценностями коллективизма, социального равенства, а в конце XX в. оно базируется на принципах демократии, прав человека и правового государства. С помощью права в истории Беларуси новые культурные стереотипы периодически принудительно внедрялись в общественное сознание.

Существование общих закономерностей подсистем общества обуславливает преемственность в развитии содержания права и отражается в его принципах. Для права Беларуси, в виду прерывности его истории, можно выделить лишь наиболее общие принципы, отражающие преемственность на всем протяжении его многовековой истории, а также особенности формирования некоторых правовых институтов.

Право Беларуси традиционно закрепляет принцип социальной справедливости. Данный принцип обусловлен природными условиями и необходимостью относительно немногочисленного населения солидарно трудиться и взаимодействовать ради общего выживания. В более поздний период он был подкреплен необходимостью сотрудничества ради отражения многочисленных военных угроз. Белорусский солидаризм имеет общие корни с общеславянским коллективизмом, с его опорой на «коллектив, общество с идеалами братской любви и солидарности» [178, с. 364]. Однако общество в Беларуси никогда не приобретало такого самодавяющего глобального характера, как у русских, когда служению общественному делу посвящаются

Первоначально принцип социальной справедливости находил свое отражение в обычном, а не писанном праве: в обычаях толоки, сгонов, гвалтов - совместного коллективного труда. Фактически он опирался на общинную организацию трудовой деятельности, просуществовавшую в восточной Беларуси вплоть до конца XIX в. Принцип находил реализацию в деятельности древнерусских артелей [88, с. 133], объединений купцов в XII - XIII вв. - «братчин», ремесленных и купеческих братств XV - XVIII вв., а также религиозно-национальных братств XVI - XVIII вв. В то время распространялись и идеи расширения социальных функций государства. Еще Ефросинья Полоцкая поддерживала введение на Руси государственной помощи бедным, старым и больным людям, занималась благотворительностью [259, с. 26].

Солидарность как элемент принципа проявлялась и в государственном праве средневековой Беларуси: в вечевом строе и патримониальной (семейной) концепции княжеской власти IX - XIV вв., обычае «погони», а затем и в рассмотрении государства как «общего дела» («речи посполитой»).

Реформы середины - конца XVIII в. успели затронуть лишь сферу конституционного права, но и Конституция 3 мая 1791 г. провозглашала «опеку права и государства» над крестьянами, взаимность договоров между ними и помещиками [104, с. 159-160]. После ликвидации государственности, действовавшее на территории Беларуси право Российской империи вплоть до начала XX в. способствовало сохранению общинной солидарности, укореняя данный правовой принцип.

После восстановления независимости Беларуси в начале XX в., а затем ее автономии в рамках СССР, в праве закреплялись и реализовывались многочисленные нормы по социальному обеспечению трудящихся, закреплению устоев советского общежития, кооперации, деятельности профсоюзных и иных советских общественных организаций.

Социальная справедливость обеспечивается и современным белорусским государством. Конституция провозглашает Республику Беларусь социальным государством, предусматривает право каждого на достойный уровень жизни, гарантирует право на социальное обеспечение [115, с. 4, 8, 14]. Обеспечение социальной справедливости предусматривают и программы социально-экономического развития на 1996 - 2000 гг. и 2001 - 2005 гг. В них прямо (раздел 2 и раздел 3 соответственно) указывается на необходимость преемственного следования традициям народа, включающим «обостренное чувство социальной справедливости» [172; 173].

«Солидарность - как традиционная белорусская взаимопомощь» [173], реализуется через политику развития социального партнерства: принят Указ Президента Республики Беларусь «О развитии социального партнерства в Рес-

Национальный и региональный советы по трудовым и социальным вопросам, создан Республиканский трудовой арбитраж. Вступивший в действие в 2000 г. Трудовой кодекс в качестве своих задач называет и развитие социального партнерства, установление и защиту взаимных прав и обязанностей работников и нанимателей (ст.2) [240, с. 5].

Природно-климатические условия способствовали устойчивому существованию в экономической системе Беларуси плюрализма форм собственности, а в праве - закреплению государственной, коллективной и частной форм собственности на землю.

Вплоть до XIV в., как отмечалось в работе, не существовало крупной частной собственности на землю. Собственность была либо государственной, либо общинной. В отличие от земель, ставших основой будущего российского государства, где приоритет государственной и коллективной форм собственности был закреплен монгольским завоеванием, на землях ВКЛ в результате полномасштабного заимствования западных норм с конца XV в. начался ускоренный процесс развития частнособственнических отношений. Паны и шляхта получали земли в условное держание, которое они постепенно превратили в безусловную собственность. Однако данный процесс захватил лишь верхи общества. Аграрные реформы XVI в. не уничтожили крестьянскую общину, за которой оставались некоторые общие повинности [198, с. 89]. К тому же они затрагивали в основном государственные земли, а на востоке ВКЛ в целях обеспечения стабильности общества в условиях военной угрозы со стороны Москвы власти вообще шли на сохранение «старинны», даже вопреки интересам шляхты и землевладельцев [198, с. 89].

После присоединения к Российской империи на землях Беларуси фактически существовал плюрализм в сфере землепользования: наряду со значительной государственной и частной дворянской собственностью на землю, в первой половине XIX в. в Виленской, Гродненской и Минской губерниях преобладало крестьянское подворное землепользование, а в Витебской и Могилевской - общинное [270, с. 124]. Тенденция была закреплена реформой 1861 г. (в Могилевской губернии 86% всех крестьянских дворов, а в Витебской 46 % - входили в общины [63, с. 68]).

В 20-е гг. XX в., в период наибольшей автономности БССР, особенно в сфере землепользования, Земельный кодекс БССР 1925 г. фиксировал на территории республики при формально государственной собственности на землю участково-подворный порядок землепользования вместо общинного в РСФСР. Одновременно усиливалась заложенная многовековой традицией сельскохозяйственная кооперация, которая к 1 октября 1927 г. составляла 37% [270, с. 228]. Только позднее обоснованная лишь идеологическими основаниями принудительная коллективизация вытеснила

Таким образом, вплоть до 30-х гг. XX в. в праве Беларуси закреплялось сочетание государственного, коллективного и частного землепользования. Со сменой производственной основы экономики оно на современном этапе переросло в принцип равноправия частной и государственной собственности (ч.2 ст.13 Конституции Республики Беларусь), многоукладность экономики.

«Пограничность» белорусской культуры обуславливает существование в праве Беларуси относительной ценностной противоречивости. Любая реформа правовой системы, в первую очередь, затрагивает конституционное право, а затем, по мере интенсивности взаимосвязей, и остальные отрасли. Преобладание инструментального отношения власти к праву, периодическая ценностная переориентация общества на протяжении всей истории Беларуси вызывали ценностную противоречивость ее правовой системы. Крещение Руси сразу же вызвало подобный диссонанс. По совету епископата Владимир Мономах попытался византийское уголовное законодательство, рассматриваемое действующими на Руси священниками как часть христианской культуры, внедрить в славянское право, но попытка закончилась полным провалом [151, с. 115]. Подобные противоречия имели место и в иных отраслях права, особенно в брачно-семейном, в котором, как отмечалось в работе, и в конце XV в., несмотря на противодействие церкви, имели место невенчаные браки и разводы без следования правилам христианской веры [20].

После Кревской унии феодальное и городское право строились на западных сословных принципах, а манориальное в большей степени сохраняло общинный характер. Следует отметить и то, что из-за ценностных противоречий тесно связанные с конституционным правом феодальное и городское право укоренялись в ВКЛ в течение 100 - 150 лет, а манориальное воспринимало западные ценности еще медленнее, постепенно распространяясь с западных регионов государства на восточные.

Ренессанс и Реформация не привели к смене правовой парадигмы в Речи Посполитой, а, как отмечалось нами ранее, их ценности включались в законодательство наряду с устоями феодализма. Подобное можно сказать и о правовых идеях эпохи Просвещения.

Более кардинальный ценностный переворот в праве произошел после социалистической революции в России, однако существование эпохи НЭПа, личной собственности, практики привнесения элементов рынка в виде социалистических соревнований, периодического введения более широкой самостоятельности предприятий на основе требований хозрасчета (например, экономическая реформа середины 60-х гг. XX в.) являются яркими примерами наличия ценностно-противоречивых институтов в праве.

Ценностная противоречивость характерна и для права современной Республики Беларусь. Ее наличие вызвано следующими причинами:

разрывом преемственности в ценностном развитии общества и права в начале 90-х гг. XX в., их переустройством на либеральных и рыночных ценностях, а также восприятием и закреплением в середине 90-х гг. XX в. ряда ценностей и институтов, переориентирующих деятельность государства в социальной сфере. Таким образом, в основе права Республики Беларусь лежат адаптированные ценности и принципы советского строя, демократии и свободного рынка, социального государства.

Противоречивость права осознана белорусским законодателем. Так, «Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь» (2002 г.) к отрицательным тенденциям национального законодательства относит: «разбалансированность отдельных частей системы законодательства, в том числе из-за действия на территории Республики Беларусь нормативных правовых актов СССР и БССР, наличие значительного количества дублирующих и в ряде случаев противоречивых актов, изданных на основе различных принципов права...» [163].

Периодические разрывы преемственности не позволяют выделить в сфере конституционного права традиции в области соотношения институтов государственной власти. Если на протяжении всей своей истории для российского государства был характерен авторитаризм государственной власти, а для Польши - преобладание представительных органов, то в истории государства и права Беларуси постоянно имел место дуализм представительных органов власти и главы государства. В зависимости от внутренних и внешних условий развития государственности, доминирование переходило от одного из них к другому. Стоит лишь отметить, что в российский и советский периоды у белорусского народа начали складываться склонность и уважение к «эффективной персонализированной власти с функциями по оперативному управлению страной» [143, с. 28].

В сфере внешней формы для права Беларуси характерен преемственный приоритет нормативных правовых актов, принимаемых представителями государственной власти, над остальными источниками права. Начиная с дофеодалного периода каждое геополитическое изменение, вызывавшее интенсивное развитие права или его качественное преобразование, опиралось на государственное правотворчество. Возникновение государственности привело к необходимости «устанавливать» дань. Крещение Руси обусловило принятие целого ряда княжеских уставов как разграничивающих компетенцию князя и церкви, так и модифицирующих право в соответствии с изменившейся культурной традицией (установление Правды Ярослава и др.).

Переориентация ВКЛ после Кревской унии вызвала начало эпохи доминирования нормативных правовых актов сначала в форме областных и общеземских привилеев, городских грамот, затем статутков. Модификация права, вы-

приоритет писанного права в Статуте ВКЛ 1529 г. (PI, Ст.9) [181] и в последующих Статутах.

После разделов Речи Посполитой на землях Беларуси сначала продолжали действовать Статуты ВКЛ, а затем вводились в действие законы Российской империи. В период БССР единственным источником права становятся акты государственных органов, доминируют они и в современной Республике Беларусь. Следовательно, нормативный правовой акт преемственно выступал главным источником права Беларуси, остальные источники - обычаи, религиозные нормы - всегда санкционировались или молчаливо допускались государством.

Таким образом, исследование истории права Беларуси с точки зрения преемственности и дискретности в его развитии позволяет выявить обусловленные закономерностями белорусского общества и традиционно сохранявшиеся на всех этапах развития объекты механизма преемственности права Беларуси. К ним относятся доминирование регулятивно-динамической и воспитательно-идеологической функций права, сохранение правового принципа социальной справедливости, преобладания нормативных правовых актов в системе источников права, ценностной противоречивости права. В истории традиционно сохраняется многообразие форм собственности.

4.3 Преемственность в праве и перспективы развития права Республики Беларусь

Изменения 70 - 80-х гг. XX в. в западном обществе показали начало перехода к новому качественному его состоянию, эпохально отличающемуся от обществ конца XVIII - середины XX вв. [185, с. 293]. Социологическая мысль зафиксировала переломный характер эпохи, но она не знает, куда направлено развитие, и может только, как Ф.Феррароти, предполагать ряд альтернативных и возможных сценариев будущего [185, с. 315-365]. Перерождение общества сопрягается с ощущением кризиса всей западной концепции права, утраты им ряда своих отличительных черт [25, с. 51, 48-55], что вызывает презрение к закону со стороны почти всех слоев населения, правовой нигилизм.

Кроме сущностного кризиса западной концепции права на белорусском праве сказываются процессы глобализации, которые объективно обуславливают сближение содержания и форм национальных правовых систем на основе заимствования иностранного международного опыта при формировании национального права.

Сфера заключения международных договоров и соглашений прямо показывает, в каких сферах может наиболее эффективно применяться иностранный опыт. Так, в соглашении о правовом обеспечении Договора о Таможенном

Союзе и Едином Экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. предусматривается, что стороны устанавливают единообразный порядок регулирования правоотношений посредством гражданского законодательства, законодательства о валютном регулировании и контроле, законодательства о транспортной деятельности, налогового законодательства, законодательства о труде и его охране, и других сфер [47, с. 86].

Соответственно, нет ничего удивительного в том, что в специальном разделе Конституции Республики Беларусь «Личность, общество, государство» закрепляются права и свободы граждан в трактовке пактов о правах человека 1966 г. [179, с. 54]. В Гражданском кодексе Республики Беларусь главы о лизинге, факторинге, франчайзинге разработаны с учетом иностранного законодательства, а глава 30 «Купля-продажа» впитала в себя ряд правил Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (Венская конвенция) [53, с. 98].

На право воздействуют и внутренние факторы: необходимость дальнейшего реформирования экономики, усвоение новых идеологических ценностей. В таких условиях остро стоит проблема сочетания преемственности и инновации в развитии права.

Представляется, что государство и право должны развиваться эволюционным преемственным путем. Только в этом случае в обществе сохраняется стабильность, отсутствуют острые социальные конфликты. Богатая на примеры кардинального преобразования политической и правовой сферы история Беларуси ярко показывает негативные последствия таких событий: гражданские войны, ценностная и социальная разобщенность, угроза существованию общества и государства.

В работе отмечается, что, несмотря на объективность ряда оснований и факторов преемственности, именно от государственной политики зависит насколько в праве учитываются закономерности подсистем данного общества, ценностные и правовые традиции народа, она определяет размер осознанного участия законодателя в механизме преемственности в развитии права.

Проблема преемственности в развитии права тесно взаимосвязана с вопросами совершенствования права, его эффективности. В данном случае под социальной эффективностью права понимается не ее нормативный аспект, когда она обеспечивается путем оптимизации, упорядочивания системы законодательства, ликвидации пробелов, коллизий и противоречий, а социологический - когда она зависит от уровня сознательного и добровольного исполнения норм права населением. Для обеспечения последней законодатель должен находить оптимальное соотношение между элементами преемственности и стремлением обеспечить посредством правового регулирования прогрессивное развитие общества и государства.

Становление права Республики Беларусь зависит от учета элементов преемственности в его развитии. В связи с разрывами преемственности в развитии права Беларуси, в нем выявлена лишь преемственность в наиболее общих элементах содержания соответствующих некоторым закономерностям развития подсистем белорусского общества. Выделенные проявления преемственности могут иметь как позитивное, так и негативное влияние на перспективы развития права Республики Беларусь. Соответственно, законодатель должен принять необходимые меры по закреплению положительных тенденций в развитии права и ослаблению отрицательных.

Традиционное преобладание регулятивно-динамической функции права выражается в навязывании обществу моделей поведения, а не в опоре на добровольное соблюдение норм населением. Доминирование инструментального отношения к праву является порождением постоянной изменчивости белорусского права, вызванной периодическими переориентациями государств, в формах которых существовало общество Беларуси, в геополитическом и культурном пространстве. Следовательно, стабилизация экономической жизни, национальной идеологии минимизирует негативные традиции в развитии права Беларуси и приведет к снижению уровня правового нигилизма и повышению социальной эффективности права.

Стабилизация законодательства станет одним из оснований изменения отношения к нему населения, восприятия его не как внешней, зачастую ухудшающей правовое и экономическое положение человека силы, а как регулятора, устанавливающего четкие и справедливые «правила игры». Актуальнейшей задачей называет стабилизацию законодательства и «Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь» (2002 г.) [163], специалисты в сфере законотворчества [180, с. 17].

Одной из мер по обеспечению стабильности законодательства является упорядочивание нормотворчества органов государственной власти. Необходимость последнего осознается политическим руководством страны. На третьем Всебелорусском народном собрании 2006 г. в своем докладе Президент Республики Беларусь А.Г.Лукашенко указал: «Пора уходить от чрезвычайности, от «ручного управления» экономикой и обществом» [132, с. 10].

Необходимость снижения по мере реализации реформ, роли и веса в законодательстве актов, обеспечивающих оперативное управление, отмечается в юридической литературе. По мнению Г. А. Василевича, «пока еще не вполне упорядочены отношения в области издания актов Президентом и законодательного регулирования тех же отношений Парламентом. Актуальным остается вопрос о соотношении кодексов и декретов, законов и декретов, законов и указов» [30, с. 10]. Пункты 15, 18 «Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь» также указывают на необходимость «обеспечения оп-

тимального соотношения законов Республики Беларусь и декретов Президента Республики Беларусь», на необходимость использования последних «при особой необходимости в оперативном изменении правового регулирования общественных отношений» [163].

Проблемами правотворчества в Республике Беларусь, в том числе проблемой оптимизации соотношения законодательных актов, занимались А.М.Абрамович, Г.А.Василевич, А.А.Головко, С.Г.Дробязко, В.Н.Дубовицкий, В.А.Кодавбович, А.Г.Тиковенко, В.И.Шабайлов и др. В последнее время непосредственно вопросы правотворчества исследовали И.В.Вегера, Е.П.Гуйдо, А.П.Дербин, Д.А.Лагун, Е.В.Семашко. Все указанные авторы сходятся в том, что следует четко определить юридическую силу и соотношение законодательных актов, регламентировать все аспекты их принятия.

Эффективность законодательства обеспечивается ценностной непротиворечивостью в содержании правовой системы. Использование иностранного опыта ставит перед белорусским законодателем необходимость найти оптимальное соотношение в белорусском праве западноевропейских либеральных ценностей и правовых традиций белорусского народа. Прежде всего становится очевидным конфликт между традиционно закрепляющейся в праве Беларуси социальной справедливостью и индивидуализмом, на котором основано воспринимаемое с Запада право.

Решение данной проблемы видится в установлении приоритета национальных ценностей, а следовательно, в отраслях права, базирующихся на духовной, нравственной, культурной составляющей, не может быть речи о восприятии культурно чуждых белорусскому народу институтов, таких как, например, гомосексуальные браки, клонирование и др. [98, с. 3].

Кроме того, законодатель может принять меры по устранению сложившихся ценностных противоречий в праве. Прежде всего необходимо пересмотреть на предмет соответствия устанавливаемым ценностям государственной идеологии Республики Беларусь, сформулированным на их основе целям, нормативные правовые акты, принятые до 24 ноября 1996 г. На 15 декабря 2008 г. в Эталонном банке данных правовой информации из 26842 действующих нормативных правовых актов 2221 были приняты до 15 марта 1994 г., а 1574 - с 15 марта 1994 г. по 24 ноября 1996 г. [271]. Очевидно, что многие из принятых до 24 ноября 2006 г. актов не соответствуют тем ценностям, достижение которых ставится целью современного белорусского государства и права.

Исследование элементов преемственности и влияния дискретности и преемственности на перспективы развития права Республики Беларусь позволяет сделать следующие выводы:

1. Формирование права Республики Беларусь произошло в результате разрыва преемственности с правом БССР, однако после 1994 г. некоторые элементы права предыдущего этапа были восстановлены.

2. Дискретность в истории права Беларуси затрудняет выявление элементов преемственности, характерных для всего протяжения ее многовековой истории. В работе выделены лишь наиболее общие объекты механизма преемственности, а также особенности формирования некоторых правовых институтов. К ним относятся преобладание регулятивно-динамической и воспитательно-идеологической функций права, сохранение правового принципа социальной справедливости, доминирование нормативных правовых актов в системе источников права на всех этапах истории права Беларуси, существование ценностной противоречивости в праве, вызванной периодическим восприятием иностранных культурных ценностей. В истории, за исключением советского периода, традиционно сохраняется многообразие форм собственности.

3. Проблема преемственности в развитии права тесно взаимосвязана с вопросами совершенствования права, его эффективностью. Социальная эффективность права Республики Беларусь, снижение уровня правового нигилизма у населения зависят от стабилизации правовой системы, оптимизации соотношения между законодательными актами, устранения ценностного дисбаланса в содержании правовых норм. Заимствование иностранных правовых институтов должно осуществляться с учетом традиционных для Беларуси ценностей, в первую очередь социальной справедливости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

Научная новизна исследования заключается в том, что на общетеоретическом уровне проведено новое исследование преемственности в развитии права, рассматриваются тесно связанные с ним понятия механизма преемственности в развитии права, дискретности в развитии права. В диссертации с точки зрения преемственности и дискретности анализируется история права Беларуси.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Использование в юридической науке различных философских концепций развития, а также подходов к пониманию его неотъемлемой закономерности - преемственности, привело к отсутствию единого определения преемственности в развитии права. Большинство ученых юристов соглашались с тем, что преемственность в развитии права характеризуется признаками универсальности, необходимости, существенности и объективности. Немногочисленные авторы в истории отечественной юриспруденции, заявлявшие о необязательности преемственности для развития права, опирались на идеологию радикального революционного отрицания и уже в советское время подверглись критике.

Многообразие трактовок преемственности в юридической литературе приводит к ее смешению с иными закономерностями процесса развития - инновацией в праве, повторяемостью в развитии права, интернационализацией права, заимствованием права, вариантностью развития права соседних государств, стадийностью и др.

Такие признаки, как непрерывность и временная (хронологическая) последовательность, отражают сущность преемственности в развитии права, позволяют разграничить преемственность и смежные явления. Временная последовательность преемственности означает, что она существует между последовательно сменяющимися друг друга этапами развития определенной правовой общности (права как нормативного регулятора, правовой семьи, национальной правовой системы, отрасли права, института права), а непрерывность преемственности предполагает обязательное удержание элементов предыдущего этапа на последующем.

Приведенные признаки преемственности позволяют уточнить ее понятие. Преемственность в развитии права - это неотъемлемая составляющая процесса развития права, представляющая собой связь между этапами развития определенной правовой общности, состоящую в непрерывном, обусловленном существованием закономерностей подсистем общества, сохранении тех или иных его элементов или отношений между его структурными частями.

Выявленные признаки преемственности позволяют провести ее классификацию: между этапами развития права как нормативного регулятора, правовой семьи, национальной правовой системы, отраслей, институтов и внутри таких этапов. Внутритиповая преемственность выступает как качественная преемственность, а междутиповая - как количественная. Качественную преемственность внутри определенного этапа развития права сопровождает количественное изменение отдельных его элементов - исчезновение или появление новых правовых норм, институтов, элементов юридической техники, появление новых источников права и т. д. Она основана на сохранении единых представлений в обществе о социальной справедливости как сущностной основе права, состоит в неизменности его принципов и функций. Между этапами развития права, с изменением системы культурных ценностей, взглядов на справедливость, качественная преемственность отсутствует: сохраняются только основные признаки права как нормативного регулятора и отдельные правовые институты [3-А; 9-А; 15-А].

2. В диссертации впервые осуществлено исследование механизма преемственности в развитии права, который тесно связан с механизмом действия права, механизмом заимствования в праве и определяется как процесс, отражающий сохранение субъектами права тех или иных элементов права в форме правовых традиций на последовательно сменяющихся друг друга этапах правового развития в результате воздействия объективных и субъективных оснований и факторов. Он состоит из доктринального и нормативного блоков. К первому относятся: основания, факторы, объект, субъект и форма механизма преемственности в праве. Ко второму - нормы, обеспечивающие стабилизацию законотворчества, и нормы, закрепляющие в совершенствуемом праве элементы его преемственности.

В работе проанализирован элементный состав механизма преемственности в развитии права. К основаниям механизма преемственности относятся закономерности подсистем общества, особенно закономерности социосферы и сферы культуры. Их существование обеспечивает неизменность в правовом регулировании соответствующих общественных отношений. Факторы механизма преемственности в развитии права (изменение численности населения, уменьшение количества природных ресурсов, научно-технический прогресс, войны, геополитическая переориентация государства и др.), напротив, ослабляют действие закономерностей, ставя перед правовой системой вопрос о необходимости изменений. Изменения, вносимые в правовую систему, могут быть обусловлены как закономерным развитием общества, его потребностями, так и опираться на субъективное решение законодателя.

Под объектом механизма преемственности в развитии права следует понимать такой элемент правовой системы, который сохраняется при переходе с од-

относятся: сущность права, элементы содержания, структуры права, источники права и элементы юридической техники.

При выявлении объекта механизма преемственности в развитии содержания правовой системы на сравниваемых этапах необходимо установить следующее: факт его юридического присутствия (его наличие), его «протяженность» в правовой системе (формальные границы) и направленность на определенный вид общественных отношений. Последняя определяется посредством оценки условий, в которых объект действует, и функций, которые он выполняет. Их тождественность на сравниваемых этапах подтверждает не просто сохранение формулировки правовых норм, но и то, что сами они наполнены прежним содержанием и выполняют прежние функции.

Форму механизма преемственности в развитии права составляет традиция, существующая в виде правового обычая - «первичная», и «вторичная», выраженная в виде действия созданных законодателем правовых норм, утративших необходимость в постоянной государственной поддержке и эволюционировавших в традицию из-за своей укорененности в жизни общества или в сознании законодателя.

Субъектом механизма преемственности в развитии права являются правотворческие органы власти. Правоприменительные органы, а также физические лица, могут выступать носителями юридических традиций, участвуя в реализации уже отмененных норм. Субъекты механизма преемственности часто действуют в силу сложившихся стереотипов в их собственном либо общественном сознании.

Нормативный блок механизма преемственности в развитии права относится лишь к тому варианту деятельности субъектов, когда законодатель осознает важность неких общественных ценностей и соответствующих им стереотипов поведения, ставших традиционными для общества, понимает их основополагающий характер, необходимость их последовательного правового закрепления и стремится направлять развитие общества и права в соответствие с ними. Он состоит из норм, стабилизирующих правотворческий процесс, и норм, закрепляющих выявленные, осознанные и оцененные положительно элементы преемственности в праве [4-А; 6-А; 12-А; 16-А; 17-А; 18-А; 19-А; 21-А].

3. В диссертации впервые осуществлено исследование дискретности в развитии права, сформулировано его понятие: дискретность в развитии права - это обратная преемственности характеристика развития национальной правовой системы, свидетельствующая об отсутствии качественных преемственных связей между этапами развития национальной правовой системы. При этом следует понимать, что полного прерывания преемственности в развитии права быть не может, так как подобное событие, отрицая даже преемственность наиболее общей сущности права, вызвало бы прекращение развития правовой

исчезновение. Речь идет о ситуации, когда происходит кардинальное изменение системы ценностей, лежащих в основе определенной национальной правовой системы, прежде всего взглядов общества на справедливость, системы наиболее важных принципов права и функций права.

Разрыв преемственности в развитии права - это вызванный определенным историческим событием период в развитии национальной правовой системы, в течение которого происходит ее кардинальное изменение, сопровождаемое прерыванием качественных преемственных связей между этапами ее развития.

История государства и права позволяет выявить следующие случаи разрывов преемственных связей: завоевание государства (аннексия), революция в праве и широкомасштабная рецепция иностранного права. Разрыв качественной преемственности в развитии национального права всегда сопровождается социальными потрясениями.

Длительное завоевание с последующей полной ассимиляцией завоеванного народа влечет за собой полное прекращение развития его права. Остальные виды аннексий, вызывая разрыв в истории национального права, не могут окончательно прервать его существование. Право преемственно сохраняет свое существование в наиболее консервативных сферах общественной жизни - регулировании семейных, наследственных отношений. В случае восприятия народом длительно действовавшего права завоевателя как своего, последнее можно расценивать как этап в развитии национального права, и после восстановления государственности можно оценивать преемственность между ним и новым правом.

Разрыв в преемственном развитии национального права может произойти в результате полномасштабного заимствования иностранного права. Для того чтобы не было дискретности в развитии национального права при рецепции права, необходимо, чтобы заимствования отвечали ряду требований: осознание обществом необходимости в изменениях, требующих принятия нового права; передаваемое право должно исходить от общества, основные черты которого не сильно отличаются от черт воспринимающего общества, или рассматриваться им как независимое от общества, в котором оно родилось, и возможное для принятия любым другим обществом.

Революция в праве, которая может сопровождать революцию в обществе, происходит из-за нежелания государственной власти привести ценностно-функциональные характеристики правовой системы в соответствие с представлениями большинства населения страны о справедливом праве. Революция в праве вызывает разрыв качественной преемственности в развитии правовой системы, ее переход к новому этапу развития. При этом революционные изменения всегда сопровождаются количественной преемственностью [2-А; 8-А].

ходили разрывы преемственных связей. Первый разрыв преемственности имел место после заключения в 1385 г. Кревской унии между ВКЛ и Польским Королевством. С данного момента в право на белорусских землях начали вноситься многочисленные изменения, произошла масштабная доктринальная рецепция западноевропейских сословных порядков. Право стало восприниматься как система, а государство, в отличие от предыдущего периода правотворческой активности народа, как активный законодатель. В конституционном праве ВКЛ находит место идея различия между государством и великим князем, общинные органы управления преобразуются в сословно-представительные.

Реформы вызвали появление и интенсивное развитие сословных правовых систем: феодального (ленного), манориального, городского права. Ранее не носившие массового характера феодальные отношения после заключения Кревской унии стали в ускоренном порядке насаждаться в обществе, они сопровождалась массовым закрепощением крестьян. В результате в ВКЛ проявились свои особенности - основным источником феодального и манориального права и в материальном, и в формальном смыслах стала государственная власть и ее правовые акты.

В сфере городского права заимствование касалось идей освобождения города от феодальных повинностей, введения сословного управления им. Материальное и процессуальное право городов опиралось на немецкое право, но последнее всемерно дополнялось местными нормами при регулировании специфики города. Первоначально столкнувшись с отсутствием условий для реализации, городское сословное самоуправление начало массово вводиться лишь в конце XV - XVI вв.

Очередной разрыв преемственности произошел после включения земель Беларуси в состав Российской империи в конце XVIII в. Первоначально местное право, в первую очередь гражданское, интегрировалось в право общероссийское, но в 30 - 40-е гг. XIX в. правовая автономия на землях Беларуси была ликвидирована. Наиболее радикальным был разрыв в развитии конституционного права: конституционная монархия, обширные права и свободы шляхетского сословия, часто приводившие к параличу центральный аппарат управления, самоуправление городов на основе средневекового магдебургского права, сменились самодержавием, опирающимся на сильный централизованный аппарат управления. Однако радикальность разрыва преемственных связей в развитии права Беларуси сглаживалась из-за осуществлявшейся в тот период вестернизации российского права, сделавшей последнее ближе уже пережившему западное влияние праву ВКЛ.

Право БССР, следующий этап истории развития белорусского права, характеризуется первоначальным резким разрывом преемственности с предыду-

перии. Оно представляло собой принципиально новую правовую систему, основанную на принципах коллективизма, плановой экономики и социального равенства.

В начале 90-х гг. XX в. после приобретения независимости в Республике Беларусь встала задача формирования «демократического социального правового государства». В массовом порядке пересматривались старые и принимались новые законодательные акты. В праве закреплялись западноевропейские либеральные ценности - провозглашение индивидуальных свобод и рыночной экономики. Формирование правовой системы под воздействием полномасштабной рецепции западного права вызвало разрыв преемственности с правом, действовавшим в БССР. После 1994 г. произошло восстановление преемственных связей, был воспринят оправдавший себя положительный опыт советского периода в виде усиления роли государственной власти в кризисные периоды развития общества, обеспечения дисциплины, управляемости в государстве, направляющего воздействия государства на экономику, приоритета социального обеспечения граждан [1-А; 7-А; 10-А; 13-А; 14-А; 22-А].

5. В развитии права Беларуси выявлены периоды, когда на основе восприятия иностранного правового опыта, в правовую систему интенсивно внедрялись многочисленные изменения, не приводящие, однако, к разрывам в его преемственном развитии. Подобные периоды активных изменений в праве имели место после принятия христианства в X в., после прихода идей Ренессанса и Реформации в XVI в. и в период буржуазных реформ в Речи Посполитой в середине - конце XVIII в.

Право, действовавшее на белорусских землях в IX - XIII вв., не имело разрывов преемственности в своем развитии. Принятие христианства, рецепция норм церковного права из-за медленного укоренения христианства не разорвали правовую традицию, а лишь интенсифицировали процесс сокращения влияния родоплеменных отношений, усиления государственной власти. О преемственности права свидетельствует и отсутствие кардинальных изменений в подсистемах общества того времени.

Восприятие правовых идей Ренессанса и Реформации в XVI в. не вызвало разрыва в развитии правовой системы ВКЛ. Заимствованные нормы, привнесенные из Европы ценности закреплялись в Статутах ВКЛ, однако в целом право продолжало носить сословный феодальный характер.

Вызванные заимствованием западноевропейских идей эпохи Просвещения изменения в правовой системе Речи Посполитой в середине - конце XVIII в. также не привели, в том числе из-за своей незавершенности, к разрыву преемственности в развитии права на белорусских землях. Правовые реформы, подготовленные длительным периодом развития политико-правовой мысли, были

дательства Речи Посполитой носила умеренный характер, рецепируемые правовые принципы и институты сочетались с правовыми идеями и нормами феодального сословного права [1-А; 7-А; 13-А; 20-А; 22-А].

6. Дискретность истории права Беларуси позволяет выделить ряд элементов преемственности, сохранившихся на всем протяжении его многовековой истории, особенностей формирования отдельных правовых институтов. К ним относятся: доминирование регулятивно-динамической и воспитательно-идеологической функций права, сохранение правового принципа социальной справедливости, приоритета закона в материальном смысле. В истории права, за исключением советского периода, традиционно сохраняется многообразие форм собственности.

Степень социальной эффективности национального права зависит от учета влияния элементов преемственности на его развитие. Так, правовой нигилизм населения, обусловленный особенностями национальной истории права, может быть снижен после принятия определенных мер по стабилизации правовой системы, устранения ценностного дисбаланса в содержании правовых норм. Заимствование иностранных правовых институтов должно осуществляться при условии их непротиворечивости с традиционными для Беларуси ценностями [1-А; 5-А; 11-А; 13-А; 22-А].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы:

- в научно-исследовательской работе при решении проблем правовой науки, связанных с совершенствованием национальной правовой системы, использованием иностранного опыта при ее реформировании. Результаты диссертации использованы в исследовательской работе кафедры теории и истории государства и права Полоцкого государственного университета по ГБ № 2922 за 2000 - 2005-е гг.;

- в учебном процессе при подготовке учебных курсов и отдельных лекций по теоретико-правовым и историко-правовым дисциплинам. Результаты диссертации используются в учебном процессе на юридическом факультете Полоцкого государственного университета;

- при разработке и реализации программ, мероприятий по повышению правовой культуры и правового воспитания населения, что подтверждается справкой Управления юстиции Витебского областного исполнительного комитета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Список использованных источников

1. Аб дзяржаўным суверэнітэце Рэспублікі Беларусь : Дэкларацыя Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь ад 27 ліпеня 1990 г. // Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права: дапаможнік / склад. Я. Юхо [і інш.]. - Мінск : БДУ, 2000. - С. 252-256.
2. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам / І. Абдзіраловіч [Электронны рэсурс]. - Режим доступа : <http://www.lib.by/abdziralovic/>. - Дата доступа : 21.03.2005.
3. Абрамовіч, А. М. Канстытуцыйная рэформа : праблемы і перспектывы / А.М. Абрамовіч // Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. - 1996. - №3 - С. 81-84.
4. Абушенко, В.Л. Мертон / В.Л. Абушенко // Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, [и др.]. - Минск : Книжный Дом, 2003. - С. 546-548.
5. Абушенко, В.Л. Развитие / В.Л. Абушенко // Новейший философский словарь / сост. и гл. ред. А.А. Грицанов. - 3-е изд. - Минск : Книжный дом, 2003. - С. 814
6. Абушенко, В.Л. Традиция / В.Л. Абушенко // Новейший философский словарь / сост. и гл. ред. А. А. Грицанов. - 3-е изд. - Минск : Книжный дом, 2003. - С. 1047-1048.
7. Агінскі, М.К. Проект указа аб новай арганізацыі заходніх губерняў / М.К. Агінскі // Адраджэнне: гіст. альманах / склад. і навук. рэд. А.П.Грыцкевіч. - Мінск : Універсітэцкае, 1995. - Вып. 1. - С.212-213.
8. Агульназемскі прывілей Вялікага князя Літоўскага Жыгімонта Казіміравіча 1506 года // Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзен) : вучэб. дапаможнік / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад рэд. А.Ф. Вішнеўскага. - 2-е выд., дап. - Мінск : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. - С. 52-55.
9. Александров, Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н.Г. Александров. - М. : Госюриздат, 1961. - 271 с.
10. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. - М. : Юрид. лит., 1966. - 187 с.
11. Алексеев, С.С. Общая теория права: в 2 т. / С.С. Алексеев. - Т.1. - М. : Юрид. лит., 1981. - 361 с.
12. Андреева, О.А. Проблемы методологии государства и права / О.А. Андреева // История государства и права. - 2004. - №3. - С. 13-17.

13. Аннерс, Э. История европейского права / Э. Аннерс; пер. с швед. Р.Л. Валинский [и др.] ; отв. ред. В.Н. Шенаев ; Ин-т Европы РАН. - М. : Наука, 1996. - 395 с.
14. Ансель, М. Сравнительное право и унификация права / М. Ансельм // Очерки сравнительного права: сборник / составление, перевод и вступ. статья В. А. Туманова. - М. : Прогресс, 1981. - С. 187-203.
15. Аповесць мінулых гадоў // Анталогія даўняй беларускай літаратуры : XI - першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; падрыхт. А.І. Богдан і [інш.] ; навук. рэд. В.А. Чамярыцкі. - 2-е выд., выпр.-Мінск : Бел. навука, 2005. - С. 139-154.
16. Бабаев, В.К. Логические проблемы социалистического права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: (12.00.01) / В.К.Бабаев; ВНИИ сов. законодательства. -М., 1980. - 34 с.
17. Бабаев, В.К. О преемственности между социалистическими и прошлыми типами права / В.К. Бабаев // Государство и право. - 1975. - №12. - С. 102-107.
18. Баллер, Э.А. Преемственность / Э.А. Баллер // Философский энциклопедический словарь. - М. : Советская энциклопедия, 1989. - 507 с.
19. Баллер, Э.А. Преемственность в развитии культуры / Э.А. Баллер. - М. : Изд-во «Наука», 1969. - 295 с.
20. Бардах, Ю. Звычайнае шлюбнае права русінаў Вялікага Княства Літоўскага (XV - XVII ст.) / Ю. Бардах [Электронный ресурс]. - Рэжым доступу: <http://jivebelarus.net/society/family-at-mdl.html>. - Дата доступу : 25.08.2008.
21. Бардах, Ю. История государства и права Польши / Ю. Бардах, Б. Ли-нодорский, М. Пиетрчак ; пер. с польск. - М. : Юрид. лит., 1980. - 560 с.
22. Бардах, Ю. Литовские Статуты - памятники права периода Возрождения / Ю. Бардах // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. : сб. ст. - М., 1976. - С. 71-93.
23. Бардах, Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага княства Літоўскага / Ю. Бардах; пер. М. Раманоўскага, А. Істоміна ; прадм. Г. Сагановіча. - Мінск, 2002. - 459 с.
24. Бержель, Ж.-Л. Общая теория права / Ж.-Л.Бержель ; под общ. ред. В.И.Даниленко ; пер. с фр. Г.В. Чуршукова. - М. : Издательский дом NOTA BENE, 2000. - 576 с.
25. Берман, Г.Дж. Западная традиция права : эпоха формирования / Г.Дж. Берман ; пер. с англ. - 2-е изд. - М. : Изд-во МГУ ; Издательская группа ИНФРА-М - НОРМА, 1998. - 624 с.
26. Бондарева, С.К. Традиции : стабильность и преемственность в жизни общества : учеб. пособие / С.К. Бондарева, Д.В. Колесов. - М. : Изд-во Московского психолого-социального института ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК».

28. Бошно, С.В. Правотворчество : путь от источника к форме права : лекции / С.В. Бошно. - М. : Изд-во РАГС, 2002. - 102 с.
29. Братусь, С.Н. Юридическая ответственность и законность : очерк теории / С. Н. Братусь ; Всесоюзн. научн.-исслед. институт сов. законодательства. -М. : Юрид. лит., 1976. - 215 с.
30. Бэрк, П. Гісторыя і сацыяльная тэорыя / П. Бэрк ; пер. з анг. М. Гілевіча. - Мінск : Тэхналогія, 2003. - 235 с.
31. Василевич, Г. А. Конституционные нормы и принципы как основа национальной правовой системы / Г.А. Василевич // Конституция Республики Беларусь - основа преобразования государства и общества (к 10-летию Основного Закона) : материалы респ. науч. конф., Минск, 3 марта 2004 г. / Бел. гос. университет ; редкол.: Г.А. Василевич [и др.]. - Минск : БГУ, 2004. - С. 3-17.
32. Василевич, Г.А. Конституционные принципы и нормы - важнейшие составляющие законодательного регулирования общественных отношений / Г.А. Василевич // Вестник ПГУ. Серия D. Экономические и гуманитарные науки. - 2004. - №7. - С. 1-7.
33. Васілевіч, Р.А. Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі / Р.А. Васілевіч, Т.І. Доўнар, І.А. Юхо. - Мінск : Права і эканоміка, 2001. - 363 с.
34. Васильев, А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев. - М. : Юрид. лит., 1976. - 264 с.
35. Вербова, О.В. Проблема рецепции в теории права / О.В. Вербова // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. Псіхалогія. - 2007. - №4. - С. 5-9.
35. Вербова, О.В. Проблемы преемственности в праве / О.В.Вербова // Праблемы тэорыі і гісторыі дзяржавы і права: зборнік навук. артыкулаў / ГрДУ ; пад рэд. М.У. Сільчанкі. - Гродна: ГрДУ, 2002. - С. 82-91.
36. Вернадский, Г. В. Киевская Русь / Г. В. Вернадский ; пер. с англ. Е.П. Беренштейна и др. - Тверь : Издательство ЛЕАН, 2004. - 448 с.
37. Вішнеўская, І. У. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі : да-памож. для студэнтаў вышэйш. навуч. устаноў / І.У. Вішнеўская. - Мінск : Тэсей, 2004. - 272 с.
38. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дап. / А.Ф. Вішнеўскі. - Мінск : Акад. МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. - 319 с.
39. Вішнеўскі, А. Ф. Палітыка-прававы рэжым савецкай дзяржавы (1917-1953гг.) / А.Ф. Вішнеўскі. - Мінск : Тэсей, 2003. - 224 с.
40. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзен) : вучэб.дапаможнік / А.Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо ; пад рэд. А.Ф. Вішнеўскага. - 2-е выд., дап. - Мінск :

42. Власов, Ю.Н. Государство и право Киевской Руси: становление политико-правовых отношений (VI - XIII вв.) / Ю.Н. Власов. - М. : Юрайт, 1999, -312 с.

43. Вопленко, Н.Н. Официальное толкование норм права / Н.Н.Вопленко. - М. : Юрид. лит., 1976. - 118 с.

43. Гаев, А.А. О проекте новой редакции Кодекса Республики Беларусь о земле / А.А. Гаев // Нормотворчество в Республике Беларусь : состояние и перспективы : материалы республиканской научно-практической конференции / Нац. центр законопроектн. деят. при Президенте Респ. Беларусь ; под ред.: В.В. Мицкевич [и др.]. - Минск, 2005. - С. 137-143.

44. Гавердовский, А. С. Имплементация норм международного права / А. С. Гавердовский. - М. : Высш. школа, 1980. - 318 с.

45. Гарады нашыя Каралеўскія вольныя ў дзяржавах Рэчы Паспалітай (Prawa kardynalne), 21 красавіка 1791 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. - Минск, 2005. - Режим доступа : http://pravo.by/lawhistory/akt_rp5.htm. - Дата доступа : 25.08.2008.

46. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. -Мінск : Экаперспектыва, 2000-2006. - Т. 5 : Беларусь у 1917 - 1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. - 2006. - 613 с.

47. Глобализация и развитие законодательства : очерки / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин. - М. : ОАО «Изд. Дом «Городец»», 2004. - 464 с.

48. Гойман, В.И. Действие права (методологический аспект) / В.И. Гойман. - М. : Акад. МВД РФ, 1992. - 181 с.

49. Голованов, В.Н. Гносеологическая природа законов науки / В.Н. Голованов. - М. : Мысль, 1967. - 96 с.

50. Головацкая, М. В. Преимущество в форме государства : теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.В. Головацкая [Электронный ресурс]. - Коломна, 2003. - 202 л. - Режим доступа : <http://www.diss.rsl.ru/diss/03/1131/031131011.pdf>. - Дата доступа : 15.08.2008.

51. Голубева, Л.Л. Наследственное право феодальной Беларуси (по законодательству Великого княжества Литовского) : учеб. пособие / Л.Л. Голубева. - Минск : ФУСТ БГУ, 2002. - 84 с.

52. Голубева, Л.Л. Наследственные права женщин Беларуси в XV - XVI вв. / Л.Л. Голубева // Вестник БГУ. Серия 3. История. Философия. Политология. Социология. Экономика. Право. - 1999. - №2 - С. 82-85.

53. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / В.Ф. Чигирь [и др.] ; под общ. ред. В.Ф. Чигиря. - Минск : Амалфея, 2000. - Ч.1. - 976 с.

54. Грамата Вялікага князя Літоўскага Жыгімонта I сялянам Магілёўскай воласці (вытрымкі) ад 1 лип. 1536 г. // Дагаворы і граматы як крыніцы белару-

скага феадальнага права : дапаможнік / склад. Я. Юхо [і інш.]. - Мінск : БДУ, 2000. - С. 110-111.

55. Губайдулин, А. Р. Преемственность в правореализации : дис. . канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.Р. Губайдулин [Электронный ресурс]. - Казань, 2006. - 201 л. - Режим доступа : <http://www.diss.rsl.ru/diss/06/0414/060414036.pdf>. - Дата доступа : 15.08.2008.

56. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В.А. Туманова. - М. : Международные отношения, 1998. - 400 с.

57. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права : дапаможнік / склад. Я. Юхо [і інш.]. - Мінск : БДУ, 2000. - 127 с.

58. Дагавор Смаленскага, Віцебскага і Полацкага княстваў з Рыгай, Гот-ландскай зямлей і нямецкі гарадамі 1229 года (Готландская рэдакцыя) // Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзён) : вучэб. дапаможнік / склад. А. Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад рэд. А.Ф. Вішнеўскага. - 2-е выд. - Мінск : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. - С. 15-19.

59. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://gumilevica.kulichki.net/DNY/dny05.htm>. - Дата доступа : 11.05.2005.

60. Данилова, Л.В. Крестьянский опыт природопользования в историческом центре средневековой Руси / Л.В. Данилова // Традиционный опыт природопользования в России. - М. : Наука, 1998. - С. 57-76.

61. Данилова, Л.В. Сельская община в средневековой Руси / Л.В. Данилова ; Ин-т Рос. истории РАН. - М. : Наука, 1994. - 318 с.

62. Данилова, Л.В. Становление системы государственного феодализма : причины, следствия / Л.В. Данилова // Система государственного феодализма в России : сборник статей / Рос. акад. наук, Ин-т Рос. Истории ; под ред. Л. В. Даниловой [и др.]. - М., 1993. - Вып. 1. - С. 40-92.

63. Демичев, Д.В. Земельная реформа 1861 г. в Беларуси / Д.В. Демичев // Право-. - 2008. - №1. - С. 64-69.

64. Дзэрбіна, Г.В. Крыніцы магдэбургскага права ў Вялікім княстве Літоўскім XVI ст. / Г.В. Дзэрбіна // Магдэбургскае права на Беларусі : матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю выдачы гораду Мінску граматы на магдэбургскае права, Мінск, 26 сакавіка 1999 г. / БДУ ; Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь ; БНП ; рэдкалегія: У.М. Хоміч, Т.І. Доўнар, І.А. Юхо. - Мінск : Права і эканоміка, 1999. - С. 14-21.

65. Дзэрбіна, Г.В. Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнэсансу / Г.В. Дзэрбіна. - Мінск : Тэхналогія, 1997. - 175 с.

66. Дзёрбіна, Г.В. Статуты Вялікага княства Літоўскага як праява права-вой культуры Рэнэсансу / Г. Дзёрбіна // Нацыянальныя пытанні : матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый», Мінск, 21-25 мая, 4 - 7 снеж. 2000 г. / рэдкал. Э. Дубянецкі [і інш.]. - Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. - С. 127-137.

67. Дзмітрачкоў, П.Ф. Беларусь у складзе Вялікага княства Літоўскага. Другая палова XIII - першая палова XVII стст. : вуч. дап. / П.Ф. Дзмітрачкоў. - Магілёў : МДУ ім. А.А.Куляшова, 2003. - 312 с.

68. Дискретность // Новый словарь иностранных слов. - Минск : Современный литератор, 2005. - С. 325.

69. Дмитрук, В.Н. Теория государства и права : учеб. пособие / В.Н. Дмитрук. - Минск : Амалфея, 1998. - 224 с.

70. Довнар, Т.И. Преемственность в конституционном строительстве Белорусской ССР : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.01. / Т.И. Довнар, ЛГУ им. А.А. Жданова. - Л., 1986. - 17 с.

71. Доўнар, Т.І. Грамадзянскае права феадальнай Беларусі XV - XVI стагоддзяў : манаграфія / Т.І. Доўнар. - Мінск : Белдзяржуніверсітэт, 1997. - 85 с.

72. Доўнар, Т.І. Грамата на магдэбургскае права гораду Мінску 1499 года / Т.І. Доўнар // Магдэбургскае права на Беларусі : матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю выдачы гораду Мінску граматы на ма-гдэбургскае права, Мінск, 26 сакавіка 1999 г. / БДУ ; Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь ; БНІП ; рэдкалегія: У.М. Хоміч, Т.І. Доўнар, І.А. Юхо. - Мінск : Права і эканоміка, 1999. - С. 3-10.

73. Доўнар, Т.І. Да праблемы ўтварэння беларускай савецкай дзяржаўнасці / Т.І. Доўнар // Право и демократия : сб. науч.тр. / БГУ ; редкол.: В.Н. Бибило [и др.]. - Минск, 1998. - Вып.9. - С. 67-73.

74. Доўнар, Т.І. Крыніцы права Беларусі перыяду Вялікага княства Літоўскага / Т.І. Доўнар // Веснік ГрДУ імя Я.Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. - 2008. - №1. - С. 29-32.

75. Доўнар, Т.І. Праблема прававых крыніц Беларусі перыяду Вялікага княства Літоўскага / Т.І. Доўнар // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. - 2008. - №2. - С. 86-103.

76. Доўнар, Т.І. Развіцце агульназемскага права Беларусі ў XV - XVI ста-годдзях : аўтарэф. дыс. ... докт. юрид. навук : 12.00.01 / Т.І. Доўнар ; Беларус. дзярж. ун-т. - Мінск, 1997. - 34 с.

77. Доўнар, Т.І. Развіцце асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV - XVI стагоддзях / Т.І. Доўнар. - Мінск : Пропагея 2000 - 224 с.

78. Доўнар, Ю.П. Судовая рэформа XVI стагоддзя ў Вялікім княстве Літоўскім : аўтарэф. дыс. ... канд. юрид. навук : 12.00.01 / Ю.П. Доўнар ; Бела-рус. дзярж. ун-т. - Мінск, 2004. - 20 с.

79. Дробязко, С.Г. Общая теория права : учеб. пособие / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. - Минск : НО ООО «БИП-С», 2003. - 336 с.

80. Дробязко, С.Г. Политическая общесоциальная справедливость в праве как сущностная основа совершенствования правового законодательства / С.Г. Дробязко // Право и демократия : сб. науч.тр. / БГУ ; редкол.: В.Н. Бибило [и др.]. - Минск, 2001. - Вып.11. - С. 3-16.

81. Другая Устаўная грамата да народаў Беларусі // Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажыт-ных часоў да нашых дзен) : вучэб. дапаможнік / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад рэд. А.Ф. Вішнеўскага. - 2-е выд., дап. - Мінск : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. - С. 201-202.

82. Дунін-Марцінкевіч, В. Выбраныя творы : для сярэдн. і ст. шк. узро-сту / В. Дунін-Марцінкевіч ; уклад., камент. Я. Янушкевіч. - Мінск : Маст. літ., 2001. - 239 с.

83. Дювернуа, Н. Источники права и суд в Древней России : опыты по истории русского гражданского права / Н. Дювернуа ; предисл. А.В. Коновалова. - СПб. : Изд-во «Юрид. цент Пресс», 2004. 396 с.

84. Евдокименко, О.Н. Проблема гражданского общества с точки зрения белорусского менталитета / О.Н. Евдокименко // Право Беларуси: истоки, традиции, современность : материалы международной научно-практической конференции, г.Новополоцк, 21 - 22 мая 2004г.: в 2 ч. / Полоц. гос.ун-т ; редкол.: О.В. Мартышин [и др.]. - Новополоцк : ПГУ, 2004. - Ч.1. - С. 81-84.

85. Егоров, А.В. Основы сравнительного правоведения : учебное пособие для студентов специальности Г.09.01.00. / А.В. Егоров. - Новополоцк : ПГУ, 1999. - 276 с.

86. Еремян, В.В. Государственный строй Древней Руси как сочетание полисной демократии и княжеской власти / В. В. Еремян // Право и политика. - 2004. - №2. - С. 85-126.

87. Еремян, В.В. Муниципальная историография Древней Руси (к постановке проблемы, часть 1) / В.В. Еремян // Право и политика. - 2002. - №9. - С. 110-124.

88. Еремян, В.В. Муниципальная историография Древней Руси (к постановке проблемы) / В. В. Еремян // Право и политика. - 2002. - №10. - С. 110-136.

89. Еремян, В. В. Некоторые особенности возникновения древнерусской государственности : от общины родовой к общине территориальной. Часть 1 / В. В. Еремян // Право и политика. - 2002. - №7. - С. 91-126.

91. Еремян, В.В. Некоторые особенности возникновения древнерусской государственности: от общины родовой к общине территориальной. Часть 2 // Право и политика. - 2002. - №8. - С. 116-127.

92. Ермолович, В.И. Рецепция римского права в правовую систему Великого княжества Литовского / В.И. Ермолович // Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы : от Статута 1588 года до современной Конституции : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 11 - 12 марта 2008 г. / Белорус. гос. университет ; редкол.: Г.А. Василевич [и др.]. - Минск : Веды, 2008. - С. 37-39.

92. Жалованная грамота дворянству, 21 апреля 1785 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. - Минск, 2005. - Режим доступа : http://pravo.by/lawhistory/akt_gi05.htm. - Дата доступа : 25.08.2008.

93. Завадская, Л.Н. Механизм реализации права / Л.Н. Завадская ; Институт государства и права РАН. - М. : Наука, 1992. - 287 с.

94. Зарубаева, Е.Ю. Юридические формы согласования норм международного и внутригосударственного права / Е. Ю. Зарубаева // Сибирский юридический вестник [Электронный ресурс]. - 2003. - №3. - Режим доступа : <http://www.lawinstitut.ru/files/20023.zip>. - Дата доступа : 21.11.2006.

95. Земцов, Б.Н. Общественный строй Киевской Руси IX - XII вв. / Б.Н. Земцов // История государства и права. - 2004. - №5. - С. 44-47.

96. Исмаилов, Ф.Ю. Преемственность в историческом процессе : автореф. дис. ...д-ра философ. наук : 09.00.11 / Ф.Ю. Исмаилов ; Ташкент. Ордена Дружбы народов гос. пед. институт им. Низами. - Ташкент, 1993. - 50 с.

97. Калач, Е.Б. Преемственность в культуре. Традиции и инновации : учеб. пособие / Е.Б. Калач ; Белорус. ун-т трансп. - Гомель, 1995. - 33 с.

98. Калинин, С.А. О государственной идеологии Беларуси / С.А. Калинин // Актуальные проблемы государства и права Беларуси : материалы респ. науч.-практ. конф., Витебск, 15 - 16 апреля 2005 г. / ВГУ им. П.М. Машерова ; под ред. В.И. Пушкина. - Витебск : Изд-во «ВГУ им. П.М. Машерова», 2005. - С. 36-38.

99. Калинин, С.А. О методологии изложения эволюции сущности права / С. А. Калинин // Право и политика. - 2003. - №13. - С. 4-12.

100. Калинин, С.А. Проблемы реформы системы права в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С.А. Калинин ; Белорус. гос. ун-т. - Минск, 2001. - 22 с.

101. Калинин, С.А. Проблемы социальной эффективности права в Республике Беларусь // Jurisprudencija : Teises socialinis veiksmingumas [Электронный ресурс]. - Mokslo darbai 54 (46). - Vilnius : Lietuvos teises universitetas, 2004. - P. 94-107. - Режим доступа: <http://www.law.bsu.by/pub/11/kalinin4.pdf>. - Дата дос-

102. Каліноўскі, К. Лісты з-пад шыбеніцы / К. Каліноўскі // Заняпад і адраджэнне: Беларуская літаратура XIX ст. / уклад., прадм. і заўв. У. Казьберука. - Мінск : Мастацкая літаратура, 2001. - С.300-307.
103. Калугин, В.Ю. Механизм имплементации норм международного гуманитарного права на внутригосударственном уровне / В.Ю. Калугин // Белорусский журнал международного права и международных отношений. - 2000 - № 1. - С. 15-23.
104. Канстытуцыя Рэчы Паспалітай 3 мая 1791 года // Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажыт-ных часоў да нашых дзён) : вучэб. дапаможнік / склад. А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад рэд. А. Ф. Вішнеўскага. - 2-е выд. - Мінск : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. - С. 158-166.
105. Карбонье, Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье ; пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. - М. : Прогресс, 1986. - 352 с.
106. Касьянов, В.В. Социология права / В.В. Касьянов, В.Н. Нечипуренко. - Ростов н/Д : Феникс, 2001. - 480 с.
107. Кашанина, Т.В. Происхождение государства и права : учеб. пособие / Т.В. Кашанина. - М. : Высшая школа. 2004. - 325 с.
108. Керимов, Д.А. Законодательная техника : научно-методическое и учебное пособие / Д.А. Керимов. - М. : Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРАМ), 2000. - 127 с.
109. Керимов, Д.А. Философские проблемы государства и права / Д.А. Керимов. - Л. : ЛГУ, 1970. - 252 с.
110. Княгинин, В. Рецепция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы / В. Княгинин [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/system/modernization/>. - Дата доступа : 23.08.2008.
111. Кожевников, С.Н. Общеправовые и отраслевые принципы : сравнительный анализ / С. Н. Кожевников, А. П. Кузнецов // Юрист. - 2000. - № 4, - С. 64-70.
112. Комаров, С.А. Общая теория государства и права : учебник / С.А. Комаров. - 3-е изд. - М. : Юрайт, 1997. - 416 с.
113. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс]. - Минск: БЕЛПАРТИЗДАТ ЦК КП(б)Б, 1937. - 32 с. - Режим доступа : http://pravo.by/lawhistory/konst_1937.htm. - Дата доступа : 11.02.2009.
114. Конституция (Основной закон) СССР. - М. : Юрид. лит., 1987. - 48 с.
115. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и допол-

117. Косарев, А.И. О поступательном развитии права в эксплуататорских формациях / А.И. Косарев // Правоведение. - 1977. - №4. - С. 84-91.
118. Косарев, А.И. Поступательное движение в истории досоциалистических типов права : дисс ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А.И. Косарев. - М., 1989. - 432 л.
119. Косарев, А.И. Поступательное движение в истории досоциалистических типов права : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук : 12.00.01. / А.И. Косарев, АН СССР. - М., 1989. - 25 с.
120. Котлярчук, А. Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў / А. Котлярчук. - Мінск : Энцыклапедыкс, 2002. - 296 с.
121. Крашенинникова, Н.А. [Рецензия] / Н.А. Крашенинникова, В.А. Том-синов // Правоведение. - 1985. - №1. - С. 94-95. - Рец. на кн. : Швеков, Г.В. Преемственность в праве : научно-теорет. пособие / Г.В. Швеков. - М. : Высш. шк., 1983. - 184 с.
122. Круглый стол вопросов философии. Выступление акад. Дубинина Н.П. // Вопросы философии. - 1973. - №9. - С. 53-58.
123. Круталевіч, В.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917 - 1945 гг.) / В.А. Круталевіч, І.А. Юхо. - Мінск : Беларуская навука, 1998. - 238 с.
124. Кудрявцев, В.Н. Право и поведение / В.Н. Кудрявцев. - М. : Юрид. лит., 1978. - 191 с.
125. Курский, Д.И. Избранные статьи и речи / Д.И. Курский ; Всесоюз. ин-т юрид. наук. - М. : Юрид. лит., 1948. - 194 с.
126. Лапаева, В.В. Социология права / В.В. Лапаева ; под ред. В.С. Нерсисянца. - М. : Изд-во НОРМА, 2000. - 304 с.
127. Левская, Л.А. Правовое положение городского населения Беларуси в конце XVIII в. / Л.А. Левская // Магдэбургскае права на Беларусі : матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю выдачы гораду Мінску граматы на магдэбургскае права, Мінск, 26 сакавіка 1999 г. / БДУ ; Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь ; БНІП ; рэдкалегія: У.М. Хоміч, Т.І. Доўнар, І.А. Юхо. - Мінск : Права і эканоміка, 1999. - С.113-118.
128. Лейст, О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву : теоретические проблемы / О.Э. Лейст. - М. : Изд-во МГУ, 1981. - 239 с.
129. Лейст, О.Э. Сущность и исторические типы права / О.Э. Лейст // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. - 1992. - №1 - С. 3-13.
130. Литвинович, Ф.Ф. Преемственность в праве: вопросы теории и практики : дис. . канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ф.Ф. Литвинович [Электронный ресурс]. - Уфа, 2000. - 179 л. - Режим доступа : <http://www.diss.rsl.ru/diss.aspx?orig=/03/0317/030317014.pdf>. - Дата доступа : 15.08.2008.

130. Лойка, Л. Беларуская Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка / Л. Лойка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / пад рэд. М.В. Біч [і інш.]. - Мінск : БелЭн, 1993. - Т.1. А-Беліца / Беларус. - С. 400-407.

131. Лопатин Д. Механизм административного расследования дел о материальной ответственности военнослужащих / Д. Лопатин // Право и жизнь [Электронный ресурс]. - 2006. - №94 (4). - Режим доступа : http://www.law-n-life.ru/arch/94_Lopatin.doc. - Дата доступа : 07.01.2007.

132. Лукашенко, А. Г. Государство для народа : Доклад Президента А. Г. Лукашенко на третьем Всебелорусском народном собрании / А. Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. - 2005. - 3 марта. - №42. - С. 1-12.

133. Лукашенко, А.Г. Исторический выбор Беларуси : лекция Президента Республики Беларусь в Бел. гос. ун-те, Минск, 14 марта 2003г. / А.Г. Лукашенко. - Минск : БГУ, 2003. - 48 с.

134. Лукашук, И.И. Глобализация, государство, право, XXI век / И.И. Лукашук. - М. : Спарк, 2000. - 279 с.

135. Максимейко, Н.А. Источники уголовных законов Литовского Статута / Н. А. Максимейко. - К. : Типография Императорского Университета Св.Владимира, 1894. - 184 с.

136. Мамедова, Н.М. Преемственность в культуре (социально-философский анализ) : автореф. дис. ...д-ра философ. наук : 09.00.11 / Н.М. Мамедова ; Моск. гос. ун-т коммерции. - М., 2001. - 48 с.

137. Марксизм и вопросы языкознания // Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя [и др.]. - М. : Гос. изд-во полит. лит., 1952. - С. 253-256.

138. Марченко, М.Н. Проблемы правопонимания в связи с исследованием источников права / М. Н. Марченко // Вестник Московского университета. Сер.№11. Право. - 2002. - №3. - С. 3-19.

139. Марченко, М.Н. Теория государства и права : учебник / М.Н. Марченко. -2-е изд. - М. : ООО «ТК Велби», 2002. - 640 с.

140. Матарас, В.Н. Государственная власть в Великом княжестве Литовском (XIV - XVI вв.) / В.Н. Матарас // Магдэбургскае права на Беларусі : матэ-рыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю выдачы гораду Мінску граматы на магдэбургскае права, Мінск, 26 сакавіка 1999 г. / БДУ ; Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь ; БНІП ; рэдкалегія: У.М. Хоміч, Т.І. Доўнар, І.А. Юхо. - Мінск : Права і эканоміка, 1999. - С. 49-55.

141. Матарас, В. Н. Правовые аспекты исполнительной власти в Беларуси: история и современность собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.Н. Матарас ; Институт философии и права НАН Беларуси. - Минск, 1995. - 24 с.

143.Материалистическая диалектика как общая теория развития. Философские основы теории развития / Л.Ф. Ильичев [и др.] ; под ред. Л.Ф. Ильичева. - М. : Наука, 1982. - 496 с.

144.Мельник, В.А. Республика Беларусь : Власть, политика, идеология : Практическая политология / В.А. Мельник. - Минск : Тесей, 2000. - 2-е изд. - 240 с.

144.Мельникова, Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-восточной Европе (постановка проблемы) / Е.А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования 1992 - 1993 / Рос. акад. Наук ; Ин-т рос. Истории ; под ред. А.П. Новосельцева. - М. : Наука, 1995. - С. 16-33.

145.Методика заимствования иностранного правового опыта : отчет о НИР (заключ.) / Полоцкий государственный университет ; рук. темы А.В.Егоров. -Новополоцк, 1998. - 63 с. - № ГР 19981725.

146.Механизм // Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Институт рус.яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. - 2-е изд. - М. : Русский язык, 1981 - 1984. -Т.2. К-О, 1982. - 736 с.

147.Миннекес, И.В. Выборы князя в русском государстве (X - XIV вв.) / И. В. Миннекес // История государства и права. - 2003. - №6. - С. 41-44.

148.Мисаревич, Н.В. Магдебургское право на Беларуси : причины распространения / Н. В. Мисаревич // Проблемы законности и правопорядка в Республике Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., Новополоцк, 25 - 26 мая 2000 г. / Полоцк. гос. университет ; редкол.: А.А.Головко [и др]. - Новополоцк : ПГУ, 2000. - С. 8-9.

149.Місарэвіч, Н.В. Прывілей як крыніца беларускага феадальнага права / Н.В. Місарэвіч // Веснік ГрДУ імя Я.Купалы. Серыя 1. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія і сацыялогія. Культуралогія. Педагагіка. Псіхалогія. Правазнаўства. Філалогія. - 2002. - №1. - С. 109-114.

150.Момотов, В.В. Символизм в средневековом праве как первоначальный этап формирования права / В.В. Момотов // История государства и права. -2003. - №2. - С. 14-19.

151.Момотов, В.В. Формирование русского средневекового права в IX -XIV вв. : монография / В.В. Момотов. - М. : ИКД «Зерцало-М», 2003. - 416 с.

152.Наконечная, Т.В. Преемственность в развитии советского права / Т.В. Наконечная ; Ин-т г-ва и права АН УССР. - Киев. : Науч. думка, 1987. - 104 с.

153.Нарысы гісторыі Беларусі: у 2-х ч. / М.П. Касьцюк [и др.] ; АН Беларусі, Ін-т гісторыі. - Мінск : Беларусь, 1994. - Ч.1. - 527 с.

154.Нашиц, А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / А. Нашиц / пер. с рум. И. Фодор ; под ред. Д.А. Керимова и А.В. Мицкевича ; по-слесл. Д.А. Керимова. - М. : Прогресс, 1974. - 256 с.

156. Недбайло, П.Е. Применение советских правовых норм / П.Е. Недбайло. - М. : Госюриздат, 1960. - 511 с.

157. Неновски, Н. Право и ценности / Н. Неновски / вступ. ст. и пер. с болг. В.М. Сафронова ; под ред. В. Д. Зорькина. - М. : Прогресс, 1987. - 246 с.

158. Неновски, Н. Преемственность в праве / Н. Неновски ; пер. с болгарского. - М. : Юрид. лит., 1977. - 167 с.

159. Нерсесянц, В. С. Философия права : учебник для вузов / В. С. Нерсесянц.

- М. : Изд-во НОРМА (Изд-ская группа НОРМА-ИНФРА М), 2000. - 652 с.

159. Нижник, Н.С. Регулирование брачно-семейных отношений на Руси в условиях язычества / Н.С. Нижник // История государства и права. - 2003. - №2. - С. 31-33.

160. Нікалаеў, М. Пачатк кніжнай культуры Вялікага Княства Літоўскага / М. Нікалаеў // Спадчына [Электронный ресурс]. - 2002. - №5-6. - Режим доступа : <http://kamunikat.net.iig.pl/www/czasopisy/spadczyna/2002-5-6/02.htm>. - Дата доступа : 20.09.2007.

161. Новікаў, Я.У. Ваенная гісторыя беларускіх земляў (да канца XII ст.) : у 2 т. / Я.У. Новікаў. - Мінск : Логвінаў, 2007. - Т.1. - 208 с.

162. Нольдэ, А.Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. Выпуск I. Попытка кодификации литовско-польского права / А.Э. Нольдэ. - СПб : Сенатская типография, 1906. - 314 с.

163. О концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., N 205 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. - 2002. - №46. - 1/3636.

164. О концепции судебной-правовой реформы : Постановление Верховного Совета Республики Беларусь, 23 апреля 1992г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. - 1992. - N 16. - ст. 270.

165. О национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь, 6 октября 1994 г. N 3277-XII // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. - Минск, 2005. - Режим доступа : http://pravo.by/webnpa/text_txt.asp?RN=V19403277. - Дата доступа : 25.08.2006.

166. О нормативных правовых актах : Закон Республики Беларусь, 10 января 2000г., №361-3 // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. - Минск, 2005. - Режим доступа : http://pravo.by/webnpa/text_txt.asp?RN=H10000361. - Дата доступа : 25.09.2006.

167. О силе для ССРБ декретов и распоряжений РСФСР : Декрет

чэб. дапаможнік / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад рэд. А.Ф. Вішнеўскага. - 2-е выд. - Минск : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. - С. 230.

168.О товарных знаках и знаках обслуживания : Закон Республики Беларусь, 5 февраля 1993 г. № 2181-ХІІ // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. - Минск, 2005. - Режим доступа : http://pravo.by/webnpa/text_txt.asp?RN=V19302181. - Дата доступа : 21.05.2005.

169.Об организации управления в присоединенных землях : Указ Екатерины II генерал-губернатору Белорусских губерний, 16 августа 1772 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. - Минск, 2005. - Режим доступа : http://pravo.by/lawhistory/akt_ri02.htm. - Дата доступа : 25.08.2008.

170.Об организации управления в присоединенных от Польши землях : Наказ Екатерины II генерал-губернаторам Псковской и Могилевской губерний, 28 мая 1772 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. - Минск, 2005. - Режим доступа : http://pravo.by/lawhistory/akt_ri01.htm. - Дата доступа : 25.08.2008.

171. Об организации управления и судов на присоединенной к России по третьему разделу Речи Посполитой : Манифест литовского генерал-губернатора, 17 декабря 1795 года // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. - Минск, 2005. - Режим доступа : http://pravo.by/lawhistory/akt_ri07.htm. - Дата доступа : 25.08.2008.

172.Об утверждении Основных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996 - 2000 годы : Указ Президента Республики Беларусь, 14 ноября 1996г. №464 // Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Республики Беларусь. - 1996. - N 32. - ст. 829.

173.Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001 - 2005 годы : Указ Президента Республики Беларусь, 8 августа 2001г., №427 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. - Минск, 2006.

174.Овчинников, С.Н. О специфических закономерностях права / С.Н. Овчинников // Правоведение. - 1979. - №2. - С. 70-73.

175.Оксамытный, В.В. Правомерное поведение личности / В.В. Оксамытный. - Киев : Наук. думка, 1985. - 175 с.

176.Отрицание отрицания // Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя [и др.]. - М. : Гос. изд-во полит. лит., 1952. - С. 362-363.

178.Осипова, О.С. Методологическое обоснование социогенеза : классические подходы и инновации / О. С. Осипова. - Гомель : БелГУТ, 1997. - 433 с.

179.Основы идеологии белорусского государства : учебное пособие для вузов / С.Н. Князева, С.В. Решетникова ; под общ. ред. С.Н. Князева, С.В. Решетникова. - Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. - 491 с.

180.Павлова, Л.В. Роль международного права в реформировании правовой системы Республики Беларусь / Л.В. Павлова // Вестник БГУ. Серия 3. История. Философия. Политология. Социология. Экономика. Право. - 1996. - №2 - С. 53-55.

180.Панферова, Л.А. Актуальные вопросы подготовки обоснования необходимости принятия проектов нормативных правовых актов / Л.А. Панферова // Нормотворчество в Республике Беларусь : состояние и перспективы : материалы республиканской научно-практической конференции / Нац. центр законо-проектн. деят. при Президенте Респ. Беларусь ; под редкол.: В. В. Мицкевич [и др.]. - Минск, 2005. - С. 17-22.

181.Первый или Старый Литовский Статут // Временник Общества истории и древностей Российских [Электронный ресурс]. - Кн. 18. - 1854. - С. 2106. - Режим доступа : <http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-40/Statut1529/text1.htm> . - Дата доступа : 11.07.2005.

182.Петров, И.В. Государство и право древней Руси / И.В. Петров. - СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2003. - 413 с.

183.Пиголкин, А.С. Подготовка проектов нормативных актов (Организация и методика) / А.С. Пиголкин. - М. : Юрид. лит., 1968. - 167 с.

184.Поленина, С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства / С. В. Поленина. - М. : Наука, 1979. - 205 с.

185.Полякова, Н.Л. XX век в социологических теориях общества / Н.Л. Полякова. - М. : Логос, 2004. - 384 с.

186.Привилей всей шляхте и обывателям воеводства Киевского на права и вольности 1507 г. // Lietuvos metrika. Knyga Nr. 8 (1499 - 1514) : Uzrasymu knyga 8 / Parengė Algirdas Baliulis, Romualdas Firkovicius, Darius Antanavicius. -Vilnius, 1995. - S. 240-242.

187.Право и культура : монография / В.С. Нерсисянц [и др.] ; Рос. ун-т дружбы народов, М-во юстиц. РФ, Рос. прав. акад. - М. : Изд-во РУДН, 2002. - 422 с.

188.Правопреемство // Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. - М., 1997. - С.346.

189.Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / В. С. Нерсисянц [и др.] : под общ. ред. В. С. Нерсисянца. - М. : Издательская

191.Протасов, В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства / В.Н. Протасов. - 2-е изд. - М. : Юрайт-М, 2001. - 346 с.

192.Прывілей Вялікага князя Літоўскага Аляксандра 1492 года // Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзен) : вучэб. дапаможнік / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо ; пад рэд. А. Ф. Вішнеўскага. - 2-е выд., дап. - Мінск : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. - С. 45-51.

193.Прывілей Вялікага князя Літоўскага і караля Польскага Уладзіслава (Ягайлы) 1387 года // Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзен) : вучэб. дапаможнік / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад рэд. А.Ф. Вішнеўскага. - 2-е выд., дап. - Мінск : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. - С.39-41.

194.Прывілей Полацку на магдэбургскае права 1498 года // Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзен) : вучэб. дапаможнік / А. Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад рэд. А. Ф. Вішнеўскага. - 2-е выд., дап. - Мінск : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. - С. 91-94.

195.Радаман, А. Сойм / А. Радаман // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / пад рэд. Г.П. Пашкоў [і інш.]. - Мінск : БелЭн, 2001. - Т.6. Кн.1 : Пузыны -Усяя / Беларус. - С. 375-382.

196.Радько, Т.Н. Методологические вопросы познания функций права / Т. Н. Радько. - Волгоград : Высш. следств. школа, 1974. - 151 с.

197.Революция социальная // Краткий философский словарь / под ред. М. Ро-зенталя и П. Юдина. - 3-е изд. - М. : Гос-е изд-во полит. лит., 1952. - С. 435 - 438.

198.Риер, Я.Г. Средневековые города как индикаторы цивилизационных различий в Европе / Я. Г. Риер // Славянский мир и славянские культуры в Европе и мире : место и значимость в развитии цивилизаций и культур (история, уроки, опыт, современность) : материалы международной научно-теоретической конференции, Витебск, 31 октября - 1 ноября 2002 года : в 2 ч. / Витебск. гос. университет им. П.М. Машерова ; редкол.: В.А. Космач [и др.]. -Витебск, Изд-во ВГУ им.П.М.Машерова, 2002. - Часть 1. - С. 24-26.

199.Риер, Я.Г. Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа: монография / Я.Г. Риер. - Могилев : МГУ им. А.А.Кулешова, 2003. - 154 с.

200.Розин, В.М. Генезис права : методологический и культурологический анализ / В.М. Розин. - М. : NOTA BENE Медиа Трейд Компани, 2003. - 336 с.

201.Розин, В.М. Становление права в культуре средних веков / В.М. Розин // Право и политика. - 2003. - №9. - С. 126-136.

202.Розин, В.М. Что такое право и как оно возникло / В.М. Розин // Право

204. Розов, Н.С. Философия и теория истории / Н.С. Розов. - М. : Логос, 2002. - Кн.1. Прологомены - 656 с.
205. Ромашов, Р.А. Действие права во времени / Р. А. Ромашов // История государства и права. - 2004. - №1. - С. 6-10.
206. Рудая, Л.П. Право Киевской Руси. Русская правда - памятник древнерусского законодательства : учебно-методическое пособие / Л.П. Рудая. - Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2000. - 49 с.
207. Рудкоўскі, П. Ад ідэнтычнасці да саборнасці. Пара зацемак з нагоды дыскусіі вакол беларускай тоеснасці / П. Рудкоўскі // АРСНЕ Пачатак. - 2006. - №1-2. - С. 62-68.
206. Рулан, Н. Историческое введение в право : учеб. пособие для вузов / Н. Рулан. - М. : NOTA BENE, 2005. - 672 с.
207. Рулан, Н. Юридическая антропология : учебник для вузов / Н. Рулан ; пер. с франц. Л.П. Данченко [и др.] ; отв.ред. В.С. Нерсисянц. - М. : Изд-во НОРМА, 2000. - 310 с.
208. Рябинин, Н.А. Преимущество в государственности : дис. . канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н.А. Рябинин [Электронный ресурс]. - Екатеринбург, 2001. - 222 л. - Режим доступа : <http://www.diss.rsl.ru/diss/03/0507/030507045.pdf>. - Дата доступа : 15.08.2008.
209. Сагановіч, Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя / Г. Сагановіч. - Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. - 412 с.
210. Сатолин, В.Н. Брак и семья у восточных славян / В.Н. Сатолин // Вестник БГУ. Серия 3. История. Философия. Политология. Социология. Экономика. Право. - 1997. - №3. - С. 70-74.
211. Сатолин, В.Н. История становления и развития законодательства о браке и семье Беларуси : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.Н. Са-толин ; Белорус. гос. ун-т. - Минск, 1997. - 20 с.
212. Сильченко, Н.В. Закон: проблемы этимологии, социологии и логики / Н. В. Сильченко ; под ред. С. Ф. Сокола. - Минск : Навука і тэхніка, 1993. - 110 с.
213. Сільчанка, М.У. Ад князя і веча да вялікага князя, сейма і магдебургскага права / М. У. Сільчанка // Проблемы законности и правопорядка в Республике Беларусь : материалы республиканской научно-практической конференции, Новополоцк, 25 - 26 мая 2000 г. / Полоцк. гос. университет ; редкол.: А.А. Головкин [и др.]. - Новополоцк : ПГУ, 2000. - С. 3-4.
214. Скурко, Е. В. Российская традиция права : проблемы генезиса и содержания / Е. В. Скурко // Правоведение. - 2008. - №2. - С. 154-162.
215. Соколова, А. А. Социальные аспекты правообразования / А. А. Соколова. - Минск : ЕГУ, 2003. - 160 с.

218. Солоневич, И.А. Достойный человека прожиточный минимум - один из элементов социального государства / И.А. Солоневич // Конституция Республики Беларусь - основа преобразования государства и общества (к 10-летию Основного Закона) : материалы респ. науч. конф., Минск, 3 марта 2004г. / Бел. гос. университет ; редкол.: Г.А. Василевич [и др.]. - Минск : БГУ, 2004. - С. 96-98.

219. Социалистическое право // Всемирная история государства и права : энцикл. словарь / под ред. А.В. Крутских. - М. : ИНФРА-М, 2001. - С. 322-324.

220. Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и Социалистической Советской Республикой Белоруссией 1921 года // Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажыт-ных часоў да нашых дзен) : вучэб. дапаможнік / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад рэд. А.Ф. Вішнеўскага. - 2-е выд., дап. - Минск : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. - С. 228-229.

221. Спиридонов, Л.И. Социальное развитие и право / Л.И. Спиридонов. -М. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. - 205 с.

222. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар [і інш.] ; рэд. Т.І. Доўнар [і інш.]. - Мінск : Тэсей, 2003. - 352 с.

223. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года / пер. А.С. Шагун. -Мінск : Беларусь, 2005. - 207 с.

224. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Беларуская Савецкая энцыклапедыя ; Рэдкал.: І. П. Шамякін [і інш.] [Электронны ресурс]. - Мінск : БелСЭ, 1989. - 572 с.- Режим доступа : <http://starbel.narod.ru/statut.rar>. - Дата доступа : 11.02.2009.

225. Стучка, П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права : сб. ст. (1917 - 1930) / П.И. Стучка. - М. : Госюриздат, 1931. - 336 с.

226. Стучка, П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / П.И. Стучка ; сост. Г.Я. Клява ; Институт истории партии при ЦК КП Латвии - филиал Института Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС. - Рига : Латвийское гос. изд-во, 1964. - 748 с.

227. Суінджвуд, Э. Сціслая гісторыя сацыялагічнай думкі / Э. Суінджвуд ; пад рэд. У. Маруціка. - Мінск : Тэхналогія, 1999. - 349 с.

228. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права : в 2т. / В.М. Сырых. - М. : Юридический дом «Юстицинформ», 2000. - Т.1 : Элементный состав. - 528 с.

229. Теория государства и права : учебник / А.И. Денисов [и др.] ; под ред. А. И. Денисова. - М. : Изд-во Московского ун-та, 1972. - 531 с.

230. Теория государства и права : учебник / В.К. Бабаев [и др.] ; под ред. В.К. Бабаева. - М. : Юристъ, 2002. - 592 с.

232. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / В.М. Корельский и [и др.] ; под ред. В.М. Корельского и В. Д. Пере-валова. - М. : Изд.группа НОРМА-ИНФРАМ, 1998. - 570 с.

233. Терлюк, І.Я. Історія українського права від найдавшших часів до XVIII століття : навчальний посібник з історії держави і права України / І.Я. Терлюк. - Львів, 2003. - 156 с.

234. Тесля, А.А. Источники (формальные) гражданского права Российской Империи в XIX - начале XX в. / А.А. Тесля [Электронный ресурс]. — 2003. Режим доступа : <http://civil-law.narod.ru/wissled/teslya/index1.html>. - Дата доступа : 15.08.2008.

233. Тесля, А.А. О парадигмах юриспруденции / А.А.Тесля [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://civil-law.narod.ru/wissled/teslya/paradig1.html>. -Дата доступа : 26.09.2006.

234. Тесля, А.А. Основные этапы эволюции системы источников русского права XIX-начала XX вв. / А.А. Тесля [Электронный ресурс]. - 2005. - Режим доступа : <http://civil-law.narod.ru/wissled/teslya/doc/>. - Дата доступа : 25.08.2008.

235. Тиковенко А.Г. Принцип разделения властей : теория и практика / А.Г. Тиковенко // Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь. - 1997. - №1. - С. 38-45.

236. Тихомиров, Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. - М. : Издательство НОРМА, 1996. - 432 с.

237. Тихомиров, Ю.А. Теория закона / Ю.А.Тихомиров. - М. : Юридическая литература, 1982. - 256 с.

238. Тойнби, А.Дж. Постижение истории / А.Дж. Тойнби ; пер. с англ. ; сост. А.П. Огурцов ; вступ. ст. В.И. Уколовой ; закл. ст. Е.Б. Рашковского. - М. : Прогресс, 1991. - 736 с.

239. Томсинов, В.А. О сущности явления, называемого рецепцией римского права / В.А. Томсинов // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. - 1998. - №4 - С. 3-17.

240. Трудовой кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 8 июня 1999г. : одобрен Советом Республики 30 июня 1999г. - 2-е изд. - Минск : Амалфея, 2000. - 240 с.

241. Турагин, В.Ю. Страницы истории гражданско-правовой терминологии или, внимание, рецепция! / В.Ю. Турагин // История государства и права. - 2004. - №4. - С. 57-60.

242. Угринович, Е.А. Парсонс / Е.А. Угринович // Социология : энциклопедия / сост. А.А. Грицанов [и др.]. - Минск : Книжный Дом, 2003. - С. 711-712.

243. Устав князя Владимира о церковных судах // Власов, Ю.Н. Государство и право Киевской Руси : становление политико-правовых отношений (VI -XIII вв.) / Ю.Н. Власов. - М. : Юрайт, 1999. - С.186-189.

245. Фролов, В.В. Общественные законы в условиях социализма : филос.-социол. анализ / В.В. Фролов. - М. : Высш. шк., 1990. - 140 с.

246. Фроянов, И.Я. К истории зарождения Русского государства / И.Я. Фроянов // Из истории Византии и византиноведения : межвуз. сб. / Ленинградский университет ; под ред. Г. Л. Курбатова. - Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. - С. 57-93.

246. Харин, Ю.А. Диалектика социального отрицания / Ю.А. Харин. - Минск : Изд-во БГУ им. В.И.Ленина, 1972. - 280 с.

247. Хижняк, С.П. Юридическая терминология : формирование и состав / С.П. Хижняк ; под ред. Л.И. Баранниковой. - Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1997. - 136 с.

248. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь, принят 15 декабря 1998 г., №219-3 // Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. - 1999. - №13-14.

249. Хрестоматия по истории Белоруссии. С древнейших времен до 1917г. / сост. А. П. Игнатенко, В. Н. Сидорцов. - Минск : Изд-во БГУ, 1977. - 472 с.

250. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / сост. Н.А. Крашенинникова. - М. : ЗЕРЦАЛО, 1999. - 592 с.

251. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. - М. : Юрид. лит., 1990. - 480 с.

252. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права : учебное пособие для высших учебных заведений / В.Н. Хропанюк ; под ред. В.Г. Стрекозова [Электронный ресурс]. - М., 1998. - 398 стр. - Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/Hrop/18.php. - Дата доступа : 26.09.2006.

253. Черниловский, З.М. Досоциалистическое право: прогресс и преемственность / З.М. Черниловский // Советское государство и право. - 1975. - №11. - С. 100-107.

254. Черниловский, З.М. Социалистическое право переходного периода: проблема преемственности / З.М. Черниловский // Советское государство и право. - 1977. - №10. - С. 27-35.

255. Чертков, А.Н. Древнерусская Федерация / А.Н. Чертков // Журнал Российского права. - 2000. - №2. - С. 162-173.

256. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447 - 1996 гг.): монография / М. Ф. Чудаков. - Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. - 327 с.

257. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (от Привилея Казимира до Конституции Республики Беларусь) : моногр. / М.Ф. Чудаков.

259. Чудаков, М.Ф. Становление и развитие конституционного процесса в Беларуси (1447 - 1996 гг.) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.01 / М.Ф. Чудаков ; Белорус. гос. ун-т. - Минск, 1996. - 41 с.
260. Шалькевіч В.Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / В.Ф. Шалькевіч. - Мінск : Маладзержнае навуковае супрацоўніцтва, 2002. - 248 с.
261. Швеков, Г.В. Преимственность в праве : (Эксплуататорские системы): уч. пособие / Г.В. Швеков. - М. : ВЮЗИ, 1983. - 86 с.
262. Швеков, Г.В. Преимственность в праве : научно-теорет. пособие / Г.В. Швеков. - М. : Высш. шк., 1983. - 184 с.
263. Швеков, Г.В. Прогресс и преимственность в праве / Г.В. Швеков // Советское государство и право. - 1983. - №1. - С. 37-46.
264. Шебанов, А.Ф. Об использовании социалистическим государством до-революционного законодательства / А.Ф. Шебанов // Сб. науч. тр. / Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы. - М., 1967. - т. XX, вып. 2. - С. 19-38.
265. Шелкопляс, В. А. Местные органы государственного управления в Белоруссии в конце XVIII - начале XIX в. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.710 / В. А. Шелкопляс ; Бел. Гос. ун-т. - Минск, 1972. - 18 с.
266. Шелкопляс, В. А. Судебные органы в Беларуси: конец XVIII - первая половина XIX вв. : учеб. пособие / В.А. Шелкопляс ; Акад. МВД РБ. - Минск : Акад. МВД РБ, 1997. - 64 с.
267. Шмурло, Е.Ф. Курс русской истории : учеб. пособие : в 4-х т. / Е.Ф. Шмурло. - СПб : Алетейя, 1999. - Т.1. Возникновение и образование Русского государства (862 - 1462). - 541 с.
268. Шпарага, О. Поиск идентичности в контексте пограничья: белорусская версия / О. Шпарага. [Электронный ресурс]. - Режим доступа : www.belintellectuals.com/community.php?id=48. - Дата доступа : 27.10.2005.
269. Шпенглер, О. Закат Европы : Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / О. Шпенглер ; пер. с нем. С. Э. Борич ; науч. ред. О. Н. Шпарага. - Минск : ООО «Попурри», 1999. - Т.2. Всемирно-исторические перспективы. - 720 с.
270. Штыхов, Г.В. Древний Полоцк (IX - XIII вв.) / Г.В. Штыхов. - Минск : Наука и техника, 1975. - 136 с.
271. Эканамічная гісторыя Беларусі : вучэбны дапаможнік / В.І. Галубовіч [и др.] ; пад агульнай рэд. В.І. Галубовіча. - 2-е выд. - Мінск : НКФ «Экапер-спектыва», 1995. - 432 с.
272. Эталон - Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2008.
273. Юхо, І.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб.дапам. : у 2 ч. / І.А. Юхо. - Мінск : РІВШ БДУ, 2000. - Ч.1. - 352 с.
274. Юхо, И.А. Правовое положение населения Беларуси в XVI в. / И.А. Юхо. - Минск : Изд-во БГУ, 1978. - 144 с.

276. Юшков, С.В. Русская правда. Происхождение, источники, ее значение / С.В. Юшков ; под ред. О.И. Чистякова. - М. : ИКД «Зерцало-М», 2002. - 400 с.

277. Явич, Л.Е. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы) / Л.Е. Явич. - М. : Юрид. лит., 1978. - 224 с.

276. Янушкевіч, А.М. Палітычная эмансипацыя шляхты ВКЛ у сярэдзіне XVI ст. : патрэба перагляду праблемы / А.М. Янушкевіч // Ягеллоны : дына-стыя, эпоха, спадчына : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Гальшаны-Навагрудак, 8 - 10 верасня 2006 г. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал. А.А. Каваленя [і інш.]. - Мінск : Беларус. навука, 2007. - С. 280-288.

277. Яскевич, Я.С. Основы идеологии белорусского государства : мировоззренческие ценности и стратегические приоритеты : учеб.-метод. пособие / Я.С. Яскевич. - Минск : РИВШ БГУ, 2003. - 360 с.

278. Bogucka, I. Funkcje prawa. Analiza pojecia / I. Bogucka. - Zakamycze : Kantor Wydawniczy ZAKAMYCZE, 2000. - 152 s.

279. Butterwick, R. Sejm Czteroletni - szkola parlamentaryzmu / R. Butterwick // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV - XVIII стагоддзях : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск - Навагрудак, 23 - 24 лістапада 2007 г. / навук. рэд. С.Ф. Сокал, А.М. Янушкевіч. - Мінск : БІП-С Плюс, 2008. - С. 344-356.

280. Grzegorzczuk, J. Elementy tradycji w procesie tworzenia prawa socjalistycznego / J. Grzegorzczuk // Tradycja i innowacja w prawia socjalistycznym : materialy miedzynarodowej konf. nauk., Wroclaw, 15 - 16 XI 1984 / Univ. Wroclawski ; pod red. Henryka Rota. - Wroclaw : Wyd-wo Univ. Wroclawskiego, 1982. - S. 55-85.

281. Kallas, M. Historia ustroju Polski X - XX w. / M. Kallas. - Warszawa : Wyd-wo Naukowe PWN, 2001. - 633 s.

282. Korczak, L. Początki litewskiego parlamentaryzmu na tle porównawczym / L. Korczak // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV - XVIII стагоддзях : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск - Навагрудак, 23 - 24 лістапада 2007 г. / на-вук. рэд. С.Ф. Сокал, А.М. Янушкевіч. - Мінск : БІП-С Плюс, 2008. - с. 27-40.

283. Rachuba, A. Wielkie ksiestwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569 - 1763 / A. Rachuba. - Warszawa : Wyd-wo sejmowe, 2002. - 375 s.

284. Rot, H. Dialektyka tradycji i innowacji w prawie socjalistycznym (uwagi metodologiczne) / H. Rot // Tradycja i innowacja w prawia socjalistycznym : materialy miedzynarodowej konf. nauk., Wroclaw, 15 - 16 XI 1984 / Univ. Wroclawski ; pod red. Henryka Rota. - Wroclaw : Wyd-wo Univ. Wroclawskiego, 1982. - S. 5-17.

285. Rot, H. Elementy teorii prawa / H. Rot. - Wroclaw, 1994. - 286 s.

286. Sojka-Zielinska, K. Historia prawa / K. Sojka-Zielinska. - Warszawa : Wydawnictwo Prawnicze LexisNexis, 2005. - 406 s.

287. Uruszczak, W. Tradycja w historii prawa / W. Uruszczak // Zagadnienia Naukoznawstwa. - 2002. - №3. - S. 429-438.

288. Wylezalek, J. Elementy nowatorskie w procesie tworzenia prawa PRL / J. Wylezalek // Tradycja i innowacja w prawia socjalistycznym : materialy miedzynarodowej konf. nauk., Wroclaw, 15 - 16 XI 1984 / Univ. Wroclawski ; pod red. Henryka Rota. - Wroclaw : Wyd-wo Univ. Wroclawskiego, 1982. - S. 197-209.

Список публикаций соискателя

1-А. Шчэрбiк, Д.В. Пераемнасць i яе разрывы ў развiццi права Беларусi / Д. В. Шчэрбiк // Беларуская гасударственнасць i развiццi нацыянальнай прававой сiстэмы : ад Статута 1588 года да савременнай Канстытуцыi : матэрыялы респ. наucz.-практ. конф., Мiнск, 11 - 12 марта 2008 г. / Беларус. гас. унiверсiтет ; рэдкал.: Г.А. Васiлевiч [i др.]. - Мiнск : Веды, 2008. - С. 56-57.

2-А. Щербик, Д.В. Дискретность в преемственном развитии национального права / Д.В. Щербик // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. - 2008. - №10. - С. 129-132.

3-А. Щербик, Д.В. Определение понятия преемственности в праве / Д.В. Щербик // Право и государство: традиции и перспективы : материалы междунаучной конференции студентов и аспирантов, Мiнск, 29 - 30 октября 2003г. / Белор. гас. унiверсiтет ; рэдкал.: Г.А. Шумак [i др.]. - Мiнск : БГУ, 2004. - С. 29-30.

4-А. Щербик, Д.В. Основания, факторы и пределы преемственности в праве / Д. В. Щербик // Труды молодых специалистов / Полоцкий государственный университет. - Новополоцк : ПГУ, 2004. - Выпуск 5. Гуманитарные науки. - С. 21-24.

5-А. Щербик, Д.В. Основы преемственности в праве Беларуси / Д.В. Щербик // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. - 2007. - №10. - С. 142-147.

6-А. Щербик, Д.В. Основы преемственности в юридической технике / Д.В. Щербик // Конституция Республики Беларусь - основа преобразования государства и общества (к 10-летию Основного Закона) : материалы респ. наucz. конф., Мiнск, 3 марта 2004г. / Бел. гас. унiверсiтет ; рэдкал.: Г.А. Васiлевiч [i др.]. - Мiнск : БГУ, 2004. - С. 110-112.

7-А. Щербик, Д.В. Периодизация истории белорусского права в контексте проблемы преемственности в праве / Д.В. Щербик // Право Беларуси : истоки, традиции, современность : материалы международной научно-практической конференции, г.Новополоцк, 21 - 22 мая 2004 г.: в 2 ч. / Полоц. гас.ун-т ;

8-А. Щербик, Д.В. Понятие, виды, основания и пределы обновления (инновации) в праве / Д. В. Щербик // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. - 2005. - №8. - С. 162-166.

9-А. Щербик, Д.В. Понятие и виды преемственности в праве / Д.В. Щербик // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. - 2005. - №2. - С. 129-132.

10-А. Щербик, Д.В. Преемственность в общегосударственном, феодальном и манориальном праве Великого княжества Литовского / Д.В. Щербик // История государства и права. - 2008. - №22. - С.38-40.

11-А. Щербик, Д.В. Преемственность в праве и перспективы развития права Республики Беларусь / Д.В. Щербик // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. - 2007. - №4. - С. 148-152.

12-А. Щербик, Д.В. Преемственность в форме права / Д.В. Щербик // Право Беларуси : истоки, традиции, современность : материалы международной научно-практической конференции, г. Новополоцк, 21 - 22 мая 2004 г. : в 2 ч. / По-лоц. гос.ун-т ; редкол.: О.В. Мартышин [и др.]. - Новополоцк : ПГУ, 2004. - Ч.1. - С. 66-68.

13-А. Щербик, Д.В. Преемственность и ее разрывы в развитии права Беларуси / Д.В. Щербик // Проблемы и перспективы развития современных правовых систем : сборник статей и тезисов IV международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и соискателей, Новгород, 24 - 25 апреля 2008 г. / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого ; ред. кол. А.Л.Гавриков [и др.]. - Москва : Издательская группа «Юрист», 2008. - С.143-145.

14-А. Щербик, Д.В. Преемственность и инновация в белорусском советском праве / Д. В. Щербик // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. - 2006. - №8. - С. 157-161.

15-А. Щербик, Д.В. Преемственность и инновация в праве в истории правовой мысли / Д. В. Щербик // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. - 2006. - №2. - С. 103-106.

16-А. Щербик, Д.В. Преемственность и инновация в сфере юридической техники / Д.В. Щербик // Нормотворчество в Республике Беларусь : состояние и перспективы : материалы республиканской научно-практической конференции / Нац. центр законопроектн. деят. при Президенте Респ. Беларусь ; под редкол.: В.В. Мицкевич [и др.]. - Минск, 2005. - С. 79-83.

17-А. Щербик, Д.В. Проблема определения сущности и содержания права в контексте вопроса о преемственности в праве / Д. В. Щербик // Юридическая

18-А. Щербик, Д.В. Соотношение понятий сущность, содержание и функции права в контексте проблемы преемственности в праве / Д.В. Щербик // Проблемы развития законодательства и правоприменительной практики : материалы международной научной конференции студентов и аспирантов, Минск, 29 - 30 октября 2004г. / Бел. гос. университет ; редкол.: Г.А.Шумак [и др.]. - Минск : БГУ, 2005. - С. 29-30.

19-А. Щербик, Д.В. Сущностные признаки права и периодизация права в контексте проблемы преемственности в праве / Д.В. Щербик // Труды молодых специалистов / Полоцкий государственный университет. - Новополоцк : ПГУ, 2004. - Выпуск 2. Гуманитарные науки. - С. 60-62.

20-А. Щербик, Д.В. Функции первобытного права как отражение его преемственности / Д.В. Щербик // Молодь у юридичській науці : збірник тез доповідей Міжнародної наукової конференції молодих вчених «Треті осінні юридичські читання», Хмельницький, 5 - 6 листопада 2004 року / ХУУП. - Хмельницький : В-во ХУУП, 2004. - С. 56-57.

21-А. Щербик, Д.В. Функции права в контексте проблемы преемственности в праве / Д. В. Щербик // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. - 2004. - №7. - С. 29-33.

22-А. Щербик, Д.В. Элементы механизма преемственности в праве Республики Беларусь / Д. В. Щербик // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. - 2008. - №4. -

ПРИЛОЖЕНИЯ

PolotskSU